

ЛЮБОВЬ
МОЖЕТ
УБИВАТЬ?

настасья дар

СТАН

КРОВИ

ЗОЛОТОЙ

18+

Настасья Дар

Стан золотой крови – 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69878239

SelfPub; 2023

Аннотация

Продолжение мистической истории "Стан золотой крови". За основу данного романа были взяты реальные легенды Восточной Сибири. Он не помнит меня... Теперь я всего лишь русская рабыня, не имеющая права голоса и даже не достойная своего настоящего имени. Шулам – вот как он теперь называет меня. Просто кличка, чтобы все вокруг знали, что я ведьма. Знали и боялись. А ещё ненавидели. И в этой ненависти мне теперь приходится жить, в тайне надеясь на то, что когда-нибудь он все вспомнит... Но с каждым днем эта надежда угасает все больше. Я почти готова сдаться... Всего-то и нужно, что воззвать к древнему змею и попросить его вернуть меня обратно. В моё время. В мой мир. И я в полушаге от этого. Но мне все же придется задержаться. И виной этому три ритуальных убийства, одно из которых произошло практически на моих глазах. Я должна разобраться, что здесь происходит...

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	30
ГЛАВА 4	44
ГЛАВА 5	57
ГЛАВА 6	67
ГЛАВА 7	75
ГЛАВА 8	85
ГЛАВА 9	95
ГЛАВА 10	105
ГЛАВА 11	118
ГЛАВА 12	128
ГЛАВА 13	137
ГЛАВА 14	148
ГЛАВА 15	159
ГЛАВА 16	169
ГЛАВА 17	183
ГЛАВА 18	195
ГЛАВА 19	207
ГЛАВА 20	218
ГЛАВА 21	230
ГЛАВА 22	244
ГЛАВА 23	257

ГЛАВА 24	267
ГЛАВА 25	276
ГЛАВА 26	286
ГЛАВА 27	296
ГЛАВА 28	308
ПРОЛОГ	320

Настасья Дар

Стан золотой крови – 2

ГЛАВА 1

– Тэр хэн бэ? [Кто она такая?]

– Хаанаас ирсэн бэ? [Откуда она взялась?]

– Түүний хувцсыг хараач! [Вы посмотрите на ее одежду!]

– Тэнгэрийн Эцэг минь, та энэ үсийг илүү сайн хараарай!

Тэр бол мэдээж Оросын шулам юм! [Отец неба, да вы лучше на эти волосы поглядите! Она точно ведьма урусов!]

Множество чужих голосов, звенящих надо мной, острыми иглочками впивались в мозг, вызывая боль и противный зуд, что заставляло с силой прижимать ладони к ушам, в попытке хоть как-то отстраниться от всей этой какофонии.

Толпа вокруг гудела ровно до того момента, пока воздух не разрезал тяжелый хриплый бас:

– Өөр юу байна? Алив, явцгаая! [Что там еще? А ну разошлись!]

Голоса над головой мгновенно поутихли, и я с облегчением вздохнула, осознав, что пытка закончена.

Понемногу приходя в себя, попыталась приоткрыть отекавшие веки, но в глаза будто песка насыпали, и первое время

я могла лишь щуриться сквозь слезы как слепой котенок, с усилием всматриваясь в какие-то разноцветные пятна перед собой. Однако с каждой секундой эти пятна все больше приобретали очертания людей, стоящих на фоне серой утренней мглы...

Когда зрение вернулось полностью, мои глаза с удивлением начали метаться по многолюдной толпе странно одетых женщин и мужчин азиатской внешности.

Я что попала на какой-то тувинский фестиваль?

Не успев хорошенько обдумать эту интересную мысль, я вздрогнула, заметив как прямо надо мной склонился какой-то мужчина с крайне озадаченным выражением на лице.

– Хэн түүнийг энд авчирсан бэ? [Кто привел ее сюда?]

Толпа единодушно молчала.

– Орос охиныг хэн энд авчирсан бэ гэж би асууж байна?! [Я спрашиваю, кто привел сюда девку урусов?!] – гаркнул мужчина.

Люди вздрогнули вместе со мной и дружно сделали шаг назад. Лишь один мальчишка лет двенадцати остался на месте, и обратившись к мужчине, произнес:

– Хэн Ч Биш, Каан! Би эрт сэрээд түүнийг эндээс олсон. Тэр тэнгэрээс унасан юм шиг байна! Шулам байдаг шиг! [Никто, почтенный Менгуй! Я проснулся раньше всех и нашел ее прямо тут. Будто она с неба упала! Как есть ведьма!]

Прицокивая языком и недовольно качая головой, мужчина вцепился в мои плечи и резко дернул вверх, ставя на ноги

как ничего не весящую тряпичную куклу.

Изо всех сил пытаюсь не потерять равновесие, я скинула с себя его ладони, и обернувшись, раздраженно бросила:

– А можно как-то поаккуратнее! Кто вы такие? И где я вообще оказалась? Кто-нибудь здесь говорит по-русски?

Я оглянулась вокруг, в поисках хоть какой-то поддержки, но народ лишь испуганно косился на меня, рассматривая как обезьянку в зоопарке.

Понимая, что каким-то образом попала в богом забытую тувинскую деревеньку, где никто даже и по русски не говорит, я удрученно вздохнула, прошептав себе под нос:

– Вот черт... И во что я на этот раз влипла?

И тут до меня дошло.

Хан.

Уроборос.

Возвращение души.

Портал!

Да меня же затянуло вместе с Ханом в прошлое!!!

Да нет... Быть того не может...

Уже внимательнее всматриваясь в толпу, я начала подмечать и старинные одежды, которые в наше время можно увидеть лишь в музее, и огромное количество юрт за спинами людей, а главное – это мужчина, стоящий прямо передо мной. На нем были доспехи из кожи и железа, местами запачканные бурыми пятнами, сильно напоминающими засохшую кровь, а голову венчал остроконечный шлем, обрамленный

мехом. Такого в современном мире уж точно не увидишь.

Великие духи, а где же Хан?! Его помощь мне сейчас нужна как никогда.

Но Хана не было... Сколько я не всматривалась в толпу, так и не смогла найти знакомые глаза.

– Каан, магадгүй энэ нь кампанит ажлын үеэр түүнийг барьж авсан дайчдын нэг байсан болов уу? [Менгуй, а может кто-то из воинов взял ее в плен в походе?] – прозвучал женский голос справа от меня.

Человек, к которому все обращались – Менгуй, услышав реплику женщины из толпы, вдруг почему-то начал гневаться и кричать в ее сторону:

– Та үнэхээр миний цэргүүдийн дунд улаан үстэй Орос охиныг анзаараагүй байх гэж бодож байна уу?! Чи намайг сохор тэнэг гэж бодож байна уу?! [Ты думаешь я бы не заметил среди своего войска рыжеволосую девку урусов?! Думаешь я слепой идиот?!]

Почувствовав на себе гнев Менгуя, женщина тут же опустила голову и скрылась за спинами соплеменников.

– За, охиныг гарем руу илгээнэ үү. Эмэгтэйчүүд түүнийг дарааллаар нь тавь. Магадгүй зарим дайчид ийм сониуч зангаараа хөгжилтэй байхыг хүсэх байх. Хэрэв та царайг нь харахгүй бол энэ нь нэлээд тэвчих болно. [Ладно, отправьте девку в гарем. Пусть женщины приведут ее в порядок! Пусть каан решает, что делать с этой диковинкой. Если не глядеть на лицо, то она вполне терпима.]

Я не понимала речь этих людей, но четко услышала слово гарем.

Стоп! Гарем?! Нет, нет, нет!!! Я не хочу в гарем!!!

Насторожившись, я волком взглянула на главаря, внимательно следя за его действиями. Когда он махнул двум молодым мужчинам, одетым в схожие доспехи, и те направились ко мне, я не раздумывая сиганула через толпу, понимая, что единственный вариант сейчас – это бежать и как можно быстрее.

Но толпа не пустила. Плотно сомкнув ряды, люди вытолкнули меня обратно, и я упала прямо в руки Менгуя, который разозлившись моей выходкой, гаркнул:

– Хангалттай! Түүний гарем руу! [Все! В гарем ее!]

Вновь услышав это слово, я испугалась до чертиков, понимая какие перспективы меня там ожидают. Сердце от страха ухнуло в пятки, и я попыталась вырваться из рук мужчины. Но куда мне тягаться с монгольским воином! Заикаясь от испуга, я вскрикнула:

– Да какого черта?! Оставьте меня в покое!!! Я вообще не из вашего мира!!!

На мои крики никто конечно же не обратил внимания, и Менгуй вновь подозвал своих воинов, которые тут же начали вертеть меня вокруг своей оси, рассматривая как товар на базаре.

Один из мужчин вцепился пальцами в подбородок, поворачивая к свету щеку, изуродованную ожогом. Скривив-

шись, он бросил что-то явно нелицеприятное, и дернул ворот моей широкой клетчатой рубашки, видимо пытаясь рассмотреть насколько далеко уходят увечья. Пуговицы на фланелевой ткани тут же отлетели, оголяя плечи и ключицы.

Почувствовав на сожженной коже грубые мужские пальцы, я закричала от ужаса и отвращения, а парень с воем отскочил от меня, дую на свою руку, кожа на которой мгновенно покрылась волдырями.

Это что, я его так?!

– Шулам! Шулам! Тэр намайг шатаасан!!! [Ведьма! Ведьма! Она сожгла меня!!!]

Менгуй подошел к парню, и схватив его за руку, начал осматривать рану, а я пользуясь моментом, попятилась назад, выставив перед собой ладони и крича:

– Не подходите!!! Слышите?! Иначе я тут все вам спалю к чертям!

Люди тут же отхлынули назад, пытаясь оказаться подальше от пугающей чужачки. Шокировано перешептываясь, они смотрели на меня уже не с удивлением, а с ужасом. Лишь Менгуй старался сохранять хладнокровие. Не отводя от меня глаз, он что-то тихо сказал второму воину, и тот коротко кивнув, побежал в сторону юрт. Буквально через минуту мужчина протиснулся сквозь толпу, подведя к главарю светловолосую девушку, взволнованно теребящую край кожаного пояса на тонкой талии.

– Та орчуулах болно! [Будешь переводить!]

Повинуясь приказу, девушка поспешно кивнула.

– Түүнээс асуу, Тэр хэн бэ? [Спроси ее, кто она такая?]

Дрожащим тоненьким голоском девушка произнесла:

– Менгуй спрашивает, кто ты такая?

Она по-русски говорит, слава духам!

Только вот что мне отвечать? Вряд ли они поверят в то, что я попала к ним из будущего...

Окинув рассеянным взглядом свои ладони, вены на которых засветились и приняли цвет раскаленного железа, я вдруг выдала:

– Скажи ему, что я колдунья. В моих жилах течет магия и я могу говорить с духами, а также подчинять огонь.

Насколько я помню, в средневековой Монголии верили в магические силы и чтили их. А значит, вполне вероятно, что они побоятся вредить мне, опасаясь гнева духов.

Вникнув в то, что я произнесла, девчонка расширила до предела и без того круглые глаза и споро перевела мои слова Менгую.

На лице мужчины промелькнула заинтересованность. Сделав несколько шагов вперед, он остановился буквально в метре от меня, и со странной полуулыбкой произнес:

– За тэгээд, энэ тохиолдолд манай улус д танд зориулсан газар байх болно... [Ну что ж, в таком случае я думаю тебе найдется место в нашем улусе...]

Оттолкнув от себя русскую девчонку, он сделал еще один шаг вперед. Прищурив взгляд, Менгуй медленно протянул

руку к моей раскаленной ладошке, но тут же с шипением отдернул ее, недовольно прицокивая.

Его неудача лишь приободрила меня, заставив ещё больше поверить в свои силы. Однако не стоило терять бдительность – ещё неизвестно, сколько времени я смогу удерживать стихию.

На кончиках пальцев мужчины ярко-алыми пятнами расцветал свежий ожог, на который Менгуй пялился озлобленным и недовольным взглядом. Разомкнув тонкие губы, пересеченные кривым рваным шрамом, он едко процедил:

– Гинжийг авч яваарай, гэхдээ илүү зузаан! Тэр үүнийг хэрхэн даван туулж байгааг харцгаая... [Несите цепь, да потолще! Поглядим как она справится с ней...]

"Что он задумал?" – с беспокойством подумала я, заметив как к злобе в черных глазах главаря примешивается мрачная удовлетворённость.

Долго гадать мне не пришлось. Спустя считанные секунды на поляну вышел дородный бритоголовый детина с толстыми вислыми щеками как у бульдога, волочащий за собой толстенную цепь, шириной в моё запястье.

О, нет... Это провал. Если они скуют меня железом, то огонь мне уже вряд ли поможет.

Подхватив цепь за другой конец, Менгуй усмехнулся, что-то коротко скомандовал бритоголовому, и они вместе начали обходить меня по кругу, заворачивая цепь внахлест. Но едва первый оборот сомкнулся на моей талии, как за спина-

ми толпы раздался стремительный цокот лошадиных копыт и знакомый голос, гневной волной накрывший поляну.

– Энд юу болоод байна вэ?! [Что здесь происходит?!]

Толпа разом хлынула в рассыпную, предоставляя дорогу длинноволосому молодому мужчине, восседавшему на гнедом длинноногом коне. Тормознув лошадь, мужчина недовольно бросил:

– Менхир гэж юу вэ? Та яагаад Орос охинтой холбогдсон юм бэ? Энэ хаанаас ирсэн бэ? Би хэн нэгнийг ингэж барихаа санахгүй байна! [Что это такое Менгуй? Зачем сковал русскую девку, откуда она вообще взялась? Что-то я не припомню, чтобы мы брали такую в плен!]

Менгуй и бритоголовый в ту же секунду бросили цепь на землю и склонили головы, выражая почтение всаднику. Я же впала в ступор, узнав в этом странном мужчине Хана.

Он был совсем не похож на себя...

Странные одежды, кольчуга, сапоги с загнутыми носами, густая щетина, и волосы, забранные в высокий хвост на затылке... Всё это выглядело до пугающего странным и делало Хана почти что другим человеком. Однако это все же был он. Он, но лет на пять старше.

Почувствовав сильное головокружение, я не смогла больше удерживать стихию, и буквально рухнула на колени, слабым голосом прошептав:

– Хан... Это правда ты...

Я ожидала, что мужчина тоже узнает меня. Однако в его

темном взгляде не читалось ничего кроме настороженной заинтересованности.

Спрыгнув на землю, он приблизился ко мне, и опустился на корточки, всматриваясь в мое испуганное лицо. Склонив голову на бок, Хан задумчиво провел пальцем по обожженной щеке и нахмурился. В тот-же миг откуда-то сбоку раздался возглас Менгуя:

– Үгүй Ээ, Каан! Энэ шуламд хүрэхгүй байх нь дээр, эсвэл тэр чамайг бас шатаах болно!!! [Нет, Каан! Лучше не прикасайтесь к этой ведьме, а не то и вас обожжет!!!]

Медленно отняв ладонь, мужчина встал и будто бы потеряв ко мне всяческий интерес, вновь вскочил на коня, отрывисто скомандовал:

– Түүнийг миний гэрт аваач. Тэр даруй. [Веди её ко мне в юрту. Немедленно.]

В тот же миг цепи вновь стянулись вокруг моего тела, надежно сковывая руки и талию. И тут я уже ничего не могла поделать – стихия покинула меня.

Не понимая что происходит, я закричала:

– Хан! Это же я! Почему ты не узнаешь меня?!

Толпа вокруг загоготала, так, будто я сказала какую-то смешную шутку.

– Та сонссон уу?! Хан! Тийм ээ, тэр манай Кааныг их хантай андуурч байсан тул толгойгоо газар дээр нь сайн тавьсан байх естой! [Слыхали?! Хан! Да она видно хорошенько головой о землю приложилась, раз нашего каана с великим

ханом спутала!]

Не обращая внимания на смех и косые взгляды, я все продолжала кричать в след Хану. Но он даже не обернулся...

Вздернув цепь и туго затянув ее, так, что мне стало трудно дышать, Менгуй заставил меня подняться на ноги и рывками потащил вслед за удаляющимся всадником.

ГЛАВА 2

Стоя на коленях посреди юрты каана, будучи скованной и не имеющей даже права голоса, я чувствовала себя униженно. Менгуй и его воины, стоящие по бокам и сдерживающие мое тело в цепях, и вовсе смотрели на чужачку как на грязь под ногами.

А Хан... Похоже ему было плевать и на меня, и на мою дальнейшую судьбу.

Когда Менгуй резким пинком в спину втолкнул меня в двери огромной юрты, украшенной парчой и шелками, я не удержав равновесие рухнула на пол, издав короткий глухой стон. Но Хан даже не соизволил поднять головы, все также продолжая перебирать гору свитков, разложенных перед ним на высокой деревянной тумбе.

Когда мой конвоир коротким покашливанием напомнил ему, что мы все еще здесь, мужчина наконец-то соизволил посмотреть в мою сторону.

Слегка нахмурившись, он мазнул взглядом по цепям, и что-то отрывисто бросил Менгую, который недовольно ворча, сперва ослабил оковы, а после и вовсе с громким лязгом бросил концы цепи на пол. Бритоголовый последовал его примеру.

Ощувив долгожданную свободу, я полной грудью вдохну-

ла воздух, и опустилась на правое бедро, чувствуя как в местах соприкосновения с цепью кожа и мышцы начинают наливаясь нестерпимой болью.

Забрав цепь, Менгуй со своей шестеркой тут же испарились из юрты, повинувшись одному лишь короткому движению головы каана, который теперь напротив, не сводил с меня пронзительного темного взора.

Я не знала чего ожидать... Милости или же казни. Он стал другим. В глазах не было ни любви ни ненависти. Лишь бесконечная усталость и равнодушие, хорошо замаскированные флером власти и некой надменности, за которыми скрывались истинные чувства, пока что недоступные мне.

Закусив изнутри щеку, я усилием воли заставила себя подняться на ноги. Колени дрожали, тело отказывалось принимать вертикальное положение, но я упрямо продолжала стоять, стараясь не обращать внимание на боль и слабость в мышцах.

Не позволю ему сделать из себя бесправное ничтожество. Отметив мой боевой настрой, Хан поджал губы, будто едва сдерживая ухмылку. Это разозлило меня, и я лишь выше вскинула подбородок, стараясь перенять то же выражение надменности, что ни на секунду не сходило с лица самого Хана.

– Зөрүүд Орос шулам... [Упрямая русская ведьма...] – бросил он, с легким прищуром покачивая головой.

Я не понимала ни единого слова из его речи, и это пуга-

ло. Оставаясь в полном неведении, я уже тысячу раз сама себе подписала себе смертный приговор, слыша его в каждой фразе Хана и его соплеменников.

Однако, судя по всему, убивать меня сегодня не планировали...

За спиной послышался тихий стук, и смутно знакомый голос пролепетал:

– Та намайг дуудсан уу, Каан? [Вы звали меня, каан?]

Завернув голову через плечо, я увидела русскую девочку, что переводила мои слова Менгую.

Отбросив очередной свиток в сторону, Хан легким движением поманив девушку к себе. Уперевшись плечом в один из столбов, поддерживающих свод юрты, и сложив руки на груди, он протянул:

– Тэр хэн бэ, улус руу хэрхэн очсоныг асуу. [Спроси, кто она такая, и как попала в улус.]

Девушка перевела мне его слова, и я, слегка помедлив, ответила:

– Меня зовут Кара. Я попала сюда из-за древнего змея Уробороса. Это единственное, что вам стоит знать обо мне.

Получив перевод, Хан раздраженно дернул уголком губ и довольно резко произнес:

– Би юу мэдэх естой, юу хийх есгүй гэдгээ шийдэх нь танд хамаагүй! [Не тебе решать, что мне стоит знать, а что нет!], – прежде чем девочка начала переводить, мужчина добавил, – Та сүнснүүдтэй ярилцаж, галыг захирч чаддаг нь

үнэн үү? [Это правда, что ты умеешь говорить с духами и подчинять огонь?]

Я кивнула, едва заслышав русское значение прозвучавших фраз.

Хан задумчиво потер подбородок. Похоже он и сам не понимал что со мной делать.

– Как тебя зовут? – осторожно шепнула я переводчице, бросающей весьма красноречивые взгляды на размышляющего над моей судьбой каана.

С недовольством переведя взор в мою сторону, она едва шевеля губами, вымолвила:

– Настасья я.

Как только мои губы вновь приоткрылись, для того чтобы спросить какой сейчас год, девушка прошипела:

– Молчи, если тебя не спрашивают! А то вместо гарема мигом в скотники угодишь!

Я пораженно отпрянула от девушки, всем телом ощущая исходящую от нее неприязнь.

Бешеная какая-то!

– Шивнэхээ боль! Тэр одоо тэр гаремд амьдрах болно гэж шуламд хэлээрэй. [Хватит шептаться. Скажи ведьме, что с этого дня она будет жить в гареме.]

Похоже Хану не понравились наши перешептывания...

Опустив пристыженный взгляд в пол, Настасья перевела:

– Каан говорит, что ты будешь жить в гареме.

Что?! Нет, нет, нет...

Распахнув испуганный взгляд, я воскликнула:

– Нет! Пожалуйста, только не в гарем! Что угодно, прошу, но только не туда!

Настасья взглянула на меня как на умалишенную, и прошептала:

– Ты совсем дура?! Да с твоими увечьями богу молиться надо, что в гарем попадешь, а не к рабам в скотник!

– Да я лучше сдохну, чем лягу под такого как Менгуй или тот лысый мордovorот!

Настасья фыркнула, и попыталась что-то объяснить, но на нее тут же прищыкнул Хан, заставив девушку замолчать. Его, кстати, моя реакция будто и не удивила. Оторвавшись от столба, он не торопясь подошел ко мне, и остановившись буквально в полушаге, склонил голову на бок. Его странный будоражающий взгляд блуждал по моему лицу и волосам, изредка спускаясь в разорванный ворот рубашки.

– Теперь ты моя, Шулам. Сделать все о чем я попрошу, и будешь жить – на ломаном русском пророкотал он, – Иначе – смерть. Поняла? Уйдешь – смерть. Отдашься другому – смерть. Обманешь – смерть.

Я как замороженная кивнула, на самом деле не понимая вообще ничего.

– Хол яв, Настази. [Уходи, Настасья] – приказал Хан, не отрывая взгляда от моего лица.

Девушка недовольно поджала губы, почти что с ненавистью глядя на меня, но все же покинула юрту, оставив нас

наедине.

Когда дверь за Настасьей закрылась, Хан обеими руками подхватил мои волосы и перекинул их за спину, обнажая шею и ключицы. Я же настороженно следила за каждым его движением, опасаясь что он решит сделать меня своей во всех “смыслах” прямо здесь и сейчас.

Оставив в покое волосы, мужчина медленно обошел меня по кругу, остановившись прямо за спиной. Затылком я почувствовала его размеренное глубокое дыхание, от которого по шее и плечам пробежала странная дрожь. Прижавшись колючей щекой к виску, Хан судорожно вдохнул мой запах, и обхватил сильными горячими ладонями талию, стискивая ее почти до боли.

Нервно сглотнув тяжелый ком в горле, я положила свои ладони поверх его рук, пытаюсь расцепить их, однако ничего не вышло.

– Тшш, шулам... Подчиняться – жить... – выпалил мужчина, и это стало первым предупреждением.

Наверное стоило попробовать обратиться к огню, и показать Хану, что могу постоять за себя, но я почему-то не смогла... Не смогла причинить ему боль. Да и к тому же проверни я с Ханом тот же трюк, что и с Менгуем, вполне вероятно, что вместо опасения и уважения, скорее получу билет на тот свет.

– Шулам... – вот и второе предостережение хриплым полупшепотом сорвалось с губ Хана, когда я вновь попыталась

оттолкнуть его от себя.

Горячие ладони медленно начали подниматься вверх, сминая тонкую ткань рубашки. Едва ощутимо огладили грудь, сошлись на вороте, и... Рывок! Деревянные пуговицы разлетелись в разные стороны, и рубашка упала вниз, скатившись почти до локтей.

Я вздрогнула и закусила изнутри щеку, чувствуя как пальцы мужчины прошли по позвонкам от шеи и прямо до пояса джинсов. Отстранившись, Хан развернул меня и потянул рубашку вниз, стягивая ее с моих рук. Оставшись в одних лишь штанах и легких полусапожках, я инстинктивно прикрылась ладонями, и мужчине это не понравилось...

Недовольно прищурив сверкающие омуты черных глаз, он с силой развел мои руки и прижал их к своей груди. Прямо туда где бешено стучало его сердце.

Сведя брови к переносице, я стыдливо отвела взгляд в сторону, не в силах смотреть на то, как дрожат кончики моих пальцев на его мощной груди, затянутой темно-синей парчой.

Все это было слишком странно...

Убедившись в том, что я больше не собираюсь сопротивляться, Хан слегка отстранился, и мои руки плетью упали вдоль тела.

Он не желал близости. Нет. Он лишь хотел рассмотреть меня получше. Понять, что за странная зверушка попала в его руки.

Вскинув руку, мужчина провел большим пальцем вдоль обожженной скулы, и начал неспешное путешествие вдоль шеи и ключиц. Когда слегка шероховатая мужская ладонь вдруг резко переместилась к ложбинке между грудями, я вздрогнула, и вновь попыталась отпрянуть, но один лишь предупреждающий взгляд уберег меня от этого неверного действия.

Повернув ладонь ребром, Хан прочертил невидимую линию от груди до пупка, остановившись лишь у резинки штанов. Над ухом раздался бархатистый, рокочущий возглас:

– Убери.

–Что? – не поняла я.

Подцепив пальцем резинку штанов, мужчина повторил:

–Убери.

Я судорожно сглотнула.

Он что, хочет чтобы я совсем разделась?! Целиком?

Смятение тут же сменилось страхом, и я попятилась назад, лихорадочно раздумывая над всевозможными путями отхода. Но своими действиями лишь разозлила мужчину.

Молниеносным движением Хан дернул меня за запястья, и я тут же полетела вперед, от неожиданности носом уткнувшись ему в грудь.

Но ему было этого мало.

Не обращая внимания на мои возмущенные вопли, он подхватил меня под колени, и животом уложил на свое плечо.

Спустя несколько мгновений я уже лежала на мягкой постели, устланной шелками и тонкими овечьими шкурами, а руки мужчины настойчиво стягивали с бедер голубую джинсовую ткань, борясь с широкой тугой резинкой. Когда моя нагота осталась прикрыта лишь небольшим клочком черной хлопковой ткани, Хан с каким-то отвращением посмотрел на вывернутые джинсы, болтающиеся в его руках, и проворчал:

– Оросууд эмэгтэйчүүдээ ингэж хувцаславал огт галзуурна... [Русские совсем обезумели, раз одевают своих женщин в такое...]

Резким движением отбросив штаны в сторону, как ядовитую змею, Хан вновь обратил свое внимание на меня, а если быть точнее, на черную ткань на моих бедрах.

Ну нет! Это я тебе точно не позволю снять!

–Нет! Не смей! – уже всерьез начиная злиться, прорычала я, но мужчина меня не услышал.

Поставив колено на край кровати, он завел одну ладонь под мою поясницу, а вторую под бедро, и легким движением приподнял меня, притягивая к себе. Буквально через мгновение я уже сидела на его коленях, прижимаясь обнаженным телом к широкой груди. Руки Хана покоились на моих бедрах, а пальцы медленно, но верно пытались проникнуть под резинку трусиков.

Черт! Еще немного, и нагота станет далеко не самой серьезной моей проблемой! Нужно как-то остановить его! Ну в самом деле, не станет же он меня насиловать?!

И тут вдруг воздух наполнился едким запахом гари...

Что происходит? Где-то пожар?

Ага, пожар... Прямо здесь. Под моими руками!

Когда к запаху присоединились и тонкие струйки дыма, я опустила взгляд вниз и вскрикнула. Мои ладони горели!

И это была далеко не метафора. Раскаленная до красна кожа буквально прожигала толстую парчовую ткань на груди мужчины. Видимо я настолько сильно испугалась, что опять не заметила, как призвала стихию.

Отдернув руки, я начала лихорадочно трясти ими в попытках избавиться от пламени.

Да как это делается, черт возьми?!?! Выключись же, зараза!

Хан тем временем наконец-то заметил, что происходит что-то неладное, и оторвавшись от меня, обратил взор на мои раскаленные ладони, прожигающие его одежду.

– Энэ ямар чөтгөр вэ?! [Какого демона?!]

Сбросив меня со своего тела, он вскочил с постели и резко дернул горловину медленно тлеющей на нем туники, с шипением срывая ее с себя. На груди мужчины остались два красных пятна в тех местах, где к ней прикасались мои ладони.

Лицо Хана исказилось гримасой бешенства, но едва он посмотрел в мою сторону, как в глазах промелькнул страх, и мужчина закричал:

– Огонь! Огонь, Шулам!

Проследив за его взглядом, я в ужасе завопила и слетела

с постели, которая медленно занималась алым пламенем.

Подхватив с пола свою тунику, Хан начал стремительными движениями забивать очаги пламени. Потом в ход пошел большой таз с водой, и когда от огня остались лишь черные подпалины на покрывале и едкий запах, он тяжело дыша, повернулся ко мне, процедив сквозь зубы:

– Мэдээж шулам... [Точно ведьма...]

К этому моменту мои ладони уже успели погаснуть, но я все же на всякий случай спрятала их за спину, воскликнув:

– Я не хотела! Это случайно получилось!

Теперь он точно убьет меня.

Хан устало провел ладонью по лицу, оставляя на щеках и подбородке черные полосы сажи.

– Прости... – смущенно сказала я.

Мужчина лишь удрученно покачал головой, и направился в сторону выхода, по пути бросив мне:

– Ждать, шулам.

Когда дверь за ним захлопнулась, я едва не взвыла, оценивая масштабы катастрофы. Сожженное покрывало, шкуры, подушки, развороченная постель, куча перевернутых вещей, и я, обнаженная, стою посреди всего этого безумия.

Заметив на полу неподалеку свою разорванную рубашку, я подняла ее, и накинула себе на плечи, запахнув на груди.

Так-то лучше.

С тяжелым вздохом привалившись спиной к стене около двери, я загрустила... Как-то не очень хорошо прошло наше

очередное “ знакомство ”.

И что теперь будет...

Эти печальные размышления прервало появление Настасьи. В руках девушка держала стопку каких-то тканей, но едва заметив во что превратилась юрта, она с громким оханьем уронила свою ношу на пол и всплеснула руками.

– Чего это тут случилось? – не сводя взгляда с подпаленной кровати, спросила Настасья.

Я нервно усмехнулась:

– Юрта каана не выдержала пожара нашей страсти.

Господи, что я несу...

Девушка тут же обратила внимание на мой полуголый вид и недовольно скривилась.

– Что ж тогда наш Каан сбежал от тебя куда глаза глядят? Тоже страсти не выдержал? – ехидно поинтересовалась она.

С досады я едва не вцепилась в русоволосую косу Настасьи. Сбежал... Вот гад. Подумаешь, постель подожгла! Что теперь, сразу в кусты от меня прятаться?

– Ладно, не мое это дело, – вдруг примирительно произнесла девушка, – Держи вот. Господин велел тебе одежду принести.

Подобрав с пола ворох ткани, Настасья всучила его в мои руки.

– И еще, – торопливо добавила она, – Теперь ты принадлежишь гарему каана. Но жить будешь отдельно от других женщин. Видать, господин боится, что ты еще кого-нибудь

подожжешь! Тебе позволено занять юрту второй жены прошлого каана – она померла две луны тому назад, так что жилище пустует. Гулять можешь лишь в пределах владений повелителя, на площадь и в улус тебе ходить нельзя! С другими мужчинами говорить тоже нельзя без надобности, как и пускать их в свою юрту. Поняла?

Я с сомнением пожала плечами, и Настасья не сдержав раздражения, картинно возвела круглые голубые очи к потолку.

– Спрашивай давай. Чего уж тут... – смилостивилась де-вушка.

– Ты сказала, что мне нельзя контактировать с другими мужчинами, так? – осторожно начала я.

Настасья смешно сморщила курносый носик.

– Конкак...Контак.... Тьфу! Что за слово такое чудное? Если ты о том, что тебе нельзя говорить с другими мужчинами помимо каана, то да. Это запрещено.

Так... Надо научиться фильтровать свою речь, а то ко мне и так возникает слишком много вопросов!

– Ну да! Я об этом. Но как же так? Разве гарем это не место, в которое все мужчины ходят... Ну, чтобы... – тут я смущенно замаялась, не зная как объяснить Настасье процесс интимных взаимоотношений между женщиной и женщиной.

Как это вообще на руси звалось? Прелюбодеяние? Да, нет... Это вроде что-то из смертных грехов... Может плотские утехи? Фу, вообще как-то мерзко звучит!

Но девушка и так поняла, что я имела в виду. Лукаво усмехнувшись, она пояснила:

– Да нет же! Гарем принадлежит только каану. И ты отныне принадлежишь лишь ему. Ну, по крайней мере, пока он этого хочет. Так что ты не слишком дерзи, а то господин тебя мигом из гарема вышвырнет.

Вот оно как...

– Ладно, хватит пустых разговоров, успеется еще. Одевайся давай, и пойдем. Покажу тебе твой новый дом.

Новый дом? Ну, нет! Я здесь надолго не задержусь. Нужно как можно скорее придумать, как вернуться в свое время и по возможности вытащить за собой Хана.

Но сначала... Сначала я должна плотно поесть. Великие дела не вершатся на пустой желудок!

ГЛАВА 3

Спустя три месяца

– Давай еще раз!

– Гахай Саехан! – в сотый раз повторила я одно и то же словосочетание, – Ну что не так?! Мы уже битый час на одном месте топчемся!

Настасья стукнула меня по лбу костяным гребнем, которым до этого прочесывала свои густые русые локоны.

– Ай!

Я с шипением потерла место ушиба, подумав о том, что если мне прилетит еще пару раз, то на лбу точно выскочит шишка.

– Гайхам сайхан! – вновь повторила моя дотошная учительница, склонная к телесным наказаниям, – Произносишь не так! Ты что, сама-то не слышишь?

– Нет! Не слышу! – огрызнулась я, – Для чего вообще так тщательно заучивать каждый звук? Никто не умрет, если я неправильно скажу слово “ красивый ”!

Как выяснилось, языки мне прямо-таки скажем не давались. Настасья уже почти три месяца каждый божий день часами просиживала в моей юрте, пытаюсь обучить местной речи. И если с памятью у меня все было довольно не плохо и

значение слов я схватывала на лету, то произношение буквально ломало мой язык.

– Конечно никто не умрет. Никто кроме тебя, дура! Скажешь каану вместо гайхам сайхан – гахай сайхан, и в тот же миг лишишься своей дурной рыжей головы!

Я недоверчиво фыркнула.

– Ну и что это значит?

Настасья потянулась через небольшой круглый столик, разделяющий нас, и ухватив меня за прядь волос, дернула на себя, со словами:

– Гахай сайхан значит красивая свинья. Не думаю что такое каан примет за лесть!

Услышав, что означает мое неверное произношение, я прыснула со смеху, представив как обзову Хана красивой свиньей. Настасье же мое веселье не пришлось по душе, и поэтому она еще разок дернула меня за волосы, напоминая о том, что мы все еще на занятии.

– Ладно, ладно! Поняла я!

Подняв ладони в примирительном жесте, я слегка отклонилась назад, вытягивая кудрявую прядь из Настасьиного пусть и маленького, но жилистого и неимоверно сильного кулачка.

Проследив взглядом за тем как мои волосы шустрим ручейком утекают через ее пальцы, девушка слегка нахмурилась, и выдала:

– Поняла, значит молодец. Видать не весь ум через уши

выдуло, – воткнув гребень в основание только что заплетенной косы, Настасья поднялась на ноги, и добавила – На сегодня все, устала я с тобой. Дите малое и то проще обучать!

Откинув косу за спину, девушка спешно покинула мое жилище.

Удрученно глядя ей вслед, я подперла подбородок кулаком, и погрузилась в воспоминания...

Вот уже больше двух месяцев, или как говорит Настасья – лун, я живу в улусе, и никак не могу назвать этот период лучшим в своей жизни. С самого первого дня я принадлежала гарему, но существовала на правах курицы, волей судьбы попавшей в стаю павлинов.

То есть, теоретически, я жила в хороших условиях, меня кормили также как остальных девушек, красиво одевали, но все же смотрели как на ошибку природы... Никто кроме Настасьи со мной не разговаривал, считая это ниже своего достоинства, а едва я появлялась в общей беседке, как все ворочали нос, или вовсе уходили. Девушки считали, что я не достойна места в гареме, а мужчины лишь изредка косились заинтересованным взглядом, явно гадая, что могло привлечь каана в такой, как я.

Не сказать что я сильно страдала от отсутствия общения, но... Проблема в том, что мне было абсолютно ничего не известно о месте, в котором теперь приходилось жить, и единственным возможным источником информации была Настасья. Но, как назло, девушка отказывалась разговаривать на

любые темы, не касающиеся изучения языка. Лишь изредка в ее речи проскальзывали интересующие меня факты, которые я собирала буквально по крупицам.

Не знаю, делала она это из вредности, злости, или же по приказу Хана, но спустя два месяца я все также оставалась в неведении относительно местного уклада и своих прав.

Ну, а сам Хан...

После того как я невольно вступила в ряды пироманов, совершив поджог кровати, он покинул юрту, и больше мы не виделись.

На следующий день мне пришлось буквально щипцами вытягивать из Настасьи известие о том, что каан вместе со своим войском отправился в очередной военный поход с целью пополнения казны. И сколько времени он будет отсутствовать, неизвестно...

С того момента я каждый день жила как на иголках, не понимая чего ждать от судьбы. И лишь уроки с Настасьей позволяли хоть немного отвлечься от дурных мыслей.

Обращаться к Уроборосу я пока не решилась... Слишком уж у древнего змея было скверное чувство юмора, и неизвестно чем обернется моя очередная просьба. Я боялась, что все станет куда хуже, чем есть сейчас... На сегодняшний момент я хотя бы все еще жива, и даже имею какой-никакой кров над головой, а также каждый день исправно получаю порцию горячей пищи.

Как ни крути, а это тоже не мало...

Да, и к тому же, прежде чем пытаться повернуть время вспять, я все таки должна дождаться Хана. Даже несмотря на то, что он совсем не помнит ни меня, ни того, что когда-то было между нами... Уйти даже не попрощавшись, казалось мне чем-то неправильным.

Оставив бессмысленные думы, которые и в этот раз не принесли ничего кроме острой тоски и головной боли, я встала из-за стола, и медленно поплелась к кровати. Без сил рухнув лицом вниз на шелковые подушки, в беспорядке разбросанные по колючему шерстяному покрывалу, глухо застонала.

Оказывается безделье выматывает не хуже тяжелого физического труда...

Когда полуденная дремота, навеянная монотонным стуком дождя по крыше, начала липкими щупальцами проникать в мое сознание, за стенами юрты внезапно раздался пронзительный женский крик.

Вынырнув из омута тревожных сновидений, я резко села, пытаюсь понять, что происходит.

Крик повторился.

Только на этот раз к нему прибавилось множество взволнованных голосов, сопровождающихся поспешным топотом.

Тряхнув головой, я окончательно пришла в себя, и осторожно выглянула за дверь, в попытке понять, что же происходит. Напротив юрты наложниц, не обращая внимания на мелкую дождевую морось, собралась целая толпа испуган-

но переглядывающихся женщин и мужчин, которые бросали тревожные взгляды себе под ноги.

Сгорая от любопытства, я выскользнула из юрты, и осторожно подобралась к толпе. Едва высокий стражник, закрывающий мне обзор, слегка сдвинулся вправо, моим глазам предстала ужасающая картина.

Изуродованное женское тело...

Обнаженное и бездыханное. Длинные пряди светлых волос, обрамляющие совсем юное личико, оказались пропитаны кровью из глубокого пореза на шее, а белоснежная грудь испещрена багровыми знаками, вырезанными прямо по нежной коже.

Перепуганная толпа всколыхнулась, и на пяточок земли, залитой кровью, выбралась девушка, как две капли воды похожая на ту, чье хладное тело сейчас лежало у наших ног.

Вглядевшись в безжизненные светло-карие глаза, девушка вцепилась пальцами в свои волосы, и упав коленями прямо в лужу крови, взвыла раненным зверем.

– Агнеша!!! Нет! Как-же так?!!!!

Подхватив бездыханное тело под плечи, девушка прижала его к своей груди, так и не прекращая рыдать.

– Расходитесь! – воскликнул появившийся неведь откуда Менгуй, – Не на что тут глазеть! Тэнэг хүн! (Грубое ругательство)

Хоть я теперь и понимала почти всю монгольскую речь, значение последнего слова мужчины осталось для меня

недоступным.

Бросая недовольные взгляды на военачальника каана, народ начал потихоньку расходиться. Лишь я не двигалась с места, в ступоре разглядывая мертвую девушку.

– Тебе, что, особое приглашение нужно? – гневно воскликнул мужчина, нависнув надо мной грозной тучей, – Или может это ты Агнешку прирезала, а, Шулам?

Вздрогнув от этих слов, я вскинула на Менгуя исподлобья взбешенный взгляд.

– Не надо. Меня. Так звать! – злобно прошипела я, – Не я убила эту несчастную!

– Чего тогда застыла? – окинув тревожным взглядом расходящихся людей, Менгуй вдруг добавил, – Быстро к себе, и не высовывайся! Сейчас все напуганы и шокированы, но как только придут в себя, начнут искать виновного, и поверь – первое подозрение падет на колдунью, незнамо откуда взявшуюся в улусе!

Гадая об источнике внезапной доброты Менгуя, я отмерла и поплелась к себе, поглядывая через плечо на то, как военачальник пытается забрать у девушки тело сестры.

Да... Странно все это.

Не смерть, нет... Люди каждый день умирают по разным причинам. Странно то, при каких обстоятельствах погибла эта Агнеша.

Подходя к порогу своей юрты, я немного помедлила, услышав разговор двух стражников.

– Ты видел знаки на ее груди? – спрашивал один из мужчин, – Неужто и правда Ерден проклят? Что ж он натворил такого, что духи одну за другой отнимают его женщин?

– А кто ж его знает... – задумчиво пробасил второй, – Помирают-то только наложницы из урусов. Может там наверху против, чтобы улусом правил бастард? Ох, и наворотил делов прошлый каан! Ну, неужто нельзя было дочку пораньше замуж выдать, да хорошего приемника заодно себе подготовить? Так, нет! Уперся, что она мала еще! А какое там мала? Девке уж семнадцатый год! А теперь Шандар помер, и во главе всего улуса встал его отпрыск, рожденный русской рабыней! Горе, горе... Погубит нынешний каан нас всех. Как есть погубит!

На этом мужчины сменили тему, начав обсуждение того, что какой-то урус повадился воровать инвентарь, а поймать на горячем его никак не могут.

Осознав, что не услышу здесь больше ничего интересного, я толкнула дверь юрты, и шагнула в полумрак.

– Настасья? – я удивилась, застав девушку у своей постели, – С тобой все в порядке?

Ну, нет... С ней явно было что-то не так.

Кусая губы и заламывая руки, она как раненый зверь металась от одного ставника кровати к другому. Услышав мой голос, девушка резко развернулась, и с безумным взглядом рванула ко мне. До боли вцепившись пальцами в мои плечи, она как в полубреду забормотала:

– Ты должна мне помочь... Слышишь? Должна! Я стану следующей, я чувствую это! А я не хочу умирать, Кара! Понимаешь?! Не хочу!

Безуспешно пытаясь отцепить от себя руки девушки, я попыталась ее успокоить:

– Тише... Тише, Настасья. Я не смогу помочь, если не расскажешь что тебе грозит! Давай присядем, и ты все толком объяснишь.

Судорожно кивая, она оставила в покое мои плечи, и обхватив себя руками, вернулась к кровати. Опустившись на самый край, Настасья вдруг безутешно разрыдалась.

Присев рядом, я отняла от ее лица ладони, ставшие мокрыми от слез, и строго произнесла:

– Так, если ты сейчас же не перестанешь реветь, я просто встану и уйду! Быстро рассказывай, что случилось!

Пусть мои слова прозвучали довольно резко, но зато возымели свое действие. Громко всхлипнув в последний раз, девушка громко сглотнула, и дрожащим от слез голосом выдавила:

– Агнеша... Третья жертва... Я стану следующей.

Тяжело вздохнув, я призналась:

– Ничего не поняла. Вообще.

Собравшись с силами, Настасья набрала в легкие побольше воздуха, и повторила:

– Агнеша... Ее убили. Ты же была там, видела.

Я согласно кивнула, все еще не понимая к чему она кло-

нит.

– Это не первая жертва, Кара. И явно не последняя... Наложницы начали умирать сразу же после того, как Ердэн принял титул каана. И погибают только наши девушки – русские! Боги гневаются на Ердэна...

– Погоди, – прервала я Настасью, – С чего ты вообще взяла, что наложницы умирают от гнева всевышних?

– Метка, – в глазах девушки вспыхнул страх, когда она произнесла это слово, – Метка на груди указывает на это.

– Метка? – нахмурившись, переспросила я, – Ты о тех знаках, что вырезаны на коже Агнеши?

Шмыгнув носом, Настасья коротко кивнула.

– Это монгольская письменность. Знаки на ее груди переводятся как – третье искупление каана.

– Третье искупление... Получается до Агнеши было еще две жертвы?

Еще один слабый кивок.

Я устало потерла ноющие виски.

– Ладно, это все ясно. Но ты то с чего взяла, что станешь следующей?

Настасья невесело усмехнулась.

– А кто ж еще-то? Нас осталось только двое, ты да я.

– Что ты имеешь в виду?

Откинув за спину растрепанную косу, девушка обратила на меня отрешенный взгляд, и пояснила:

– У каана больше нет русских наложниц. Только мы с то-

бой. Но ты появилась в гареме совсем недавно, потому очевидно, что следующей стану я. Да, даже если жертвой вдруг выберут тебя... Все равно ничего особо не поменяется – это лишь отсрочит мою кончину на какое-то время.

– Погоди, погоди... Но, я же видела, что юрты полны русских девушек, разве нет?

Она покачала головой.

– Так это же наложницы прошлого каана – батюшки Ердена. Старшая сестра Агнеши тоже из прошлого гарема, она и упростила господина забрать Агнешку к новым наложницам, чтобы та воинам не досталась. Нынешний господин успел собрать себе только семь татвар эм [наложниц]. И трое из них уже мертвы, – девушка вдруг снова вцепилась в меня с безумным взглядом, – Нам нужно бежать, Кара!!! Выхода нет! Если останемся в гареме, то непременно помрем!!!

– Как ты себе это представляешь?! – не выдержав накала, сорвалась я, – Даже если мы сможем обойти стражников, то как две девушки без еды и оружия смогут хоть день прожить за стенами улуса? Нет... Нужно поступить по-другому.

Я конечно понимала, что все эти рассказы про наказание богов – полнейший бред! Но объяснять это Настасье было бессмысленно. Дремучие времена... На самом же деле я была уверена, что в убийствах замешан конкретный человек, имеющий свои счета с Ханом. То есть с Ерденом...

Ай, да какая разница!

Прервав свой внутренний монолог, я обратилась к Наста-

сье:

– Нам всего лишь нужно продержаться до приезда каана. Когда Ерден вернется, мы попросим чтобы он выгнал нас из гарема, вот и все. Пусть отправит работать на кухню или в прислужницы. Сколько обычно времени проходило после смерти девушек?

Подруга по несчастью смотрела на меня с недоверием. Видимо мой план казался ей полным бредом. Тем не менее она ответила:

– Нуу... Где-то две-три луны, может чуть поболе.

Значит примерно три месяца.

– Ну, вот видишь, у нас еще есть время! Каан успеет вернуться, и жертв больше не будет.

Нервно кусая губы и сосредоточенно хмурия тонкие брови, Настасья принялась раздумывать над моими словами. Через несколько минут напряженного молчания, она выдала:

– Больно мягко стелешь... С чего ты взяла, что каан прислушается к тебе?

Этот вопрос застал меня врасплох. А с чего я действительно это взяла?

– Нуу... – я замаялась, – Так скажем, у меня есть свои рычаги давления на Ха... кхм... на Ердена.

На эту реплику я получила лишь скептический взгляд, в котором явно читалось, что девушка считает меня полной дурой с завышенным самомнением.

С тяжелым вздохом, я попыталась хоть как-то оправдать

себя:

– Ты же помнишь, что я владею некой магической силой?
Настасья фыркнула, укоризненно отметив:

– А как не помнить то, если ты мне недавно любимый дээл сожгла?

Мда... Тут я каюсь. Дээл девушки, а если по-простому платье, сильно смахивающее на халат, действительно прилично пострадало на одном из наших занятий. Контролировать стихию у меня пока что получалось весьма бездарно.

– Не об этом сейчас, – быстренько свернула я с больной темы, – Моя, так скажем, “особенность” важна каану. Помимо бесконтрольных поджогов я могу говорить с духами, и это интересует его.

Особенность... Ага. Врать напропалую – вот моя единственная особенность! – подкинул дров в огонь самобичевания мой внутренний голос.

– В общем, я думаю что смогу отплатить ему за наше спасение, – закончила я.

Настасья все еще смотрела на меня с недоверием, но в глубине ее глаз зажегся огонек надежды. Она начинала понимать, что пока это наш единственный выход.

– Ну ладно... – приободрившись, девушка стерла с щек слезы, и вернув лицу былое выражение напускной строгости, добавила, – Тогда я пойду. И, да – не забывай повторять новые слова, а то каан меня по головке не погладит, если услышит твое бездарное произношение!

Удивившись резкой перемене ее настроения, я фыркнула, возведя глаза к потолку.

– Иди уже, давай!

ГЛАВА 4

Когда Настасья наконец-то покинула юрту, я в тот же миг вскочила с постели, и приблизилась к двери, выглядывая через щель наружу.

На улус опускались вечерние сумерки, сопровождаемые мелкой дождевой моросью, разогнавшей всех жителей по домам. Всех кроме Менгуя и еще пары стражников, которые все еще стояли над телом Агнеши, скрытым под слоем толстого овечьего покрывала. Тихо переговариваясь и бросая короткие взгляды в сторону ворот, они как будто кого-то ожидали.

И действительно, спустя пару минут к юрте наложниц подъехал извозчик, восседающий на старом пегом коне, запряженном в большую телегу. Не теряя времени, мужчины быстро погрузили тело Агнеши на подстилку из сена, и Менгуй жестом приказал извозчику ехать. Однако ни сам военачальник, ни стража не посчитали нужным сопровождать тело девушки. Распрощавшись, они тут же разошлись по своим делам.

И это было мне на руку.

Подождав, пока широкая спина Менгуя скроется за одной из юрт, я мышкой юркнула за дверь.

Теперь главное не попасться!

Я собиралась осмотреть тело Агнеши. В ночь никто девушку хоронить точно не станет, а значит, до утра тело нужно будет где-то держать. Необходимо лишь проследовать за извозчиком и выяснить где.

Убедившись, что поблизости стражников нет, я перешла на легкий бег, и догнав извозчика до того как он подъехал к сторожевому посту у ворот, тихонько забралась на телегу, скрыв свое тело пучками соломы. И слава скрипучей повозке и громко цокающим лошадиным копытам, мое проникновение осталось незамеченным.

Пытаясь унять бешено стучащее сердце, дождалась тихого лязга закрывающихся ворот, и выбралась из соломы.

Решив, что безопаснее будет следовать за повозкой на расстоянии, я, стараясь вести себя, как можно тише, спрыгнула на землю, и очутившись на дороге, на мгновение остановилась, отряхивая одежду и волосы от соломенных веток. Не стоит привлекать к себе лишнее внимание потрепанным видом.

Приведя себя в порядок, я тут же продолжила преследование, молясь всем богам, чтобы не встретить в улусе кого-нибудь из стражников.

Но, слава духам, обошлось.

Повозка привела меня на самый край селения к небольшой, но быстрой речушке. Туда, где, как оказалось и жил сам извозчик. Освободив коня от упряжи, старичок привязал его возле корыта с водой, а сам отправился в юрту, в которой

судя по запахам, его жена готовила что-то мясное и весьма вкусное.

Исходя из того, что тело Агнеши так и осталось лежать в повозке, похоже никто хоронить ее и не собирался.

Ну да... Здесь же другие традиции.

Я только сейчас вспомнила, что кочевники не хоронили умерших. Они оставляли их в степи на растерзание птицам и диким зверям... Кошмар.

Подождав еще несколько минут, я убедилась, что извозчик уже не покинет юрты, и короткими перебежками подкралась к повозке.

Как только мой взгляд упал на прикрытое покрывалом тело, вся решимость в один миг куда-то испарилась. Стало страшно. Конечно, я понимала, что бояться покойников – это глупо, однако сердце все равно сжималось от одной только мысли о том, что я собираюсь осматривать тело мертвой девушки.

Сделав несколько глубоких вдохов и немного успокоив бешеную пульсацию крови в голове, я резким движением откинула ткань.

Ее глаза...

Пустые, безжизненные глаза глядели точно на меня, потому как, голова Агнеши покоилась прямо на краю повозки. Ее волосы окровавленным покрывалом свисали со старых рассохшихся досок.

Понимая, что не смогу ничего сделать, пока покойница

глядит мне прямо в глаза, я быстрым движением прикрыла ей веки.

Так-то лучше.

Ну, что тут у нас?

Внимательно осмотрев тело, я убедилась в том, что помимо странных знаков на груди, в остальном кожа девушки чиста, если конечно не считать глубокого пореза на горле, благодаря которому жизнь Агнеши и оборвалась. Склонившись чуть ближе, я присмотрелась к ране.

Края рваные... Нож бы точно такие не оставил. Но чем же ее тогда убили? Вероятно чем-то с нехилыми зубринами.

Ладно, теории будем строить позже.

Осознав, что зацепиться больше не за что, я с затаенной надеждой пригляделась к рукам девушки.

А это еще что такое?

Пальцы Агнеши были покрыты чем-то красным. Издали запросто можно счесть за кровь, но при близком рассмотрении стало понятно, что это какой-то порошок. Может Специи? Проведя пальцем по испачканной коже, я подцепила частички порошка и поднесла их к носу.

Да, нет... Специи так не пахнут. Но, тогда что это?

Только я собралась наколдовать небольшой огонек, чтобы рассмотреть неведомую пыльцу получше, как послышался стук двери, и из юрты ковыляя вышла низенькая и до смешного круглая монгольская старушка. С кряхтением подняв с порога небольшой деревянный таз, она медленными шажка-

ми двинулась к реке. Прямо туда, где стояла телега!!!

Пригнувшись, я начала судорожно оглядываться вокруг, в поисках отходных путей, которых как назло не было совсем. Чертова степь!

Телега вдруг странно покачнулась, но я даже не обратила на это внимания – моя голова была занята совсем другим.

Что же делать?! Может снова спрятаться в сено?

Едва я поставила колено на край повозки, чтобы забраться внутрь, как ощутила на своей лодыжке стальную хватку ледяных пальцев.

Великие духи! Кто бы знал, чего мне стоило сдержаться и не заорать от ужаса! Ограничившись лишь едва слышным писком, я опустила взгляд вниз, глуша в себе острое желание сорваться и с диким ором бежать куда глаза глядят.

Из под телеги торчала худощавая мужская рука, вцепившаяся в мою ногу. Через мгновение к ней присоединилась и кудрявая русая макушка. Паренек лет двадцати с весьма недовольным выражением лица дернул меня за подол дээла и мотнул головой, мол – “ Чего стоишь? Лезь давай под телегу!”

Страх тут же сменился недоумением. Однако факт того, что старушке до телеги оставалось всего несколько шагов, заставил меня отбросить все сомнения и принять предложение незнакомца. Быстро опустившись на землю, я вцепилась пальцами в край телеги и рывком влетела под днище, где мне тут же зажали рот сухой холодной ладонью, а в ухо проши-

пели:

– Тише! Оюна конечно старая, но слух и зрение у нее как у коршуна! И прекрати же ты возиться!

Прислушавшись к словам парня, я перестала ерзать, стараясь не обращать внимания на верблюжьи колючки, впивающиеся в позвоночник.

Замерев, прислушалась к звукам снаружи.

Похоже старушка еще даже до реки не добралась! И сколько же нам тут лежать?

С каждой секундой прилив раздражения от чужих прикосновений нарастал все больше, и не вытерпев, я осторожно похлопала по ладони, зажимающей мне рот. Парень вздрогнул, однако конечность не убрал, и тогда я уже не стесняясь вцепилась в огрубевшую кожу ногтями, и скинула с себя руку.

Незнакомец зашипел и злобно зыркнул на меня сверкающими в темноте зелеными глазищами.

– Совсем дурная? – одними губами возмутился он.

Я ничего не ответила, зацепившись взглядом за необычную внешность парня.

Поразительно... Незнакомец был красив. Нет... Даже не так – он был слащав.

Пепельно-русые кудри, не длинные, но уши скрывают, огромные зеленые глаза с поволокой прячутся за густыми темными ресницами. Острые скулы и подбородок с ямочкой покрыты короткой светлой щетиной, а мягкая линия без-

упречных губ красиво изогнута в легкой ухмылке. Но вся эта приторная красота никак не вязалась с загрубевшими ладонями и потрепанной, обветшалой одеждой, которая давным-давно пришла в негодность. В моем времени парни с такой внешностью выступают на модных показах, но он... Эти руки явно не страшатся тяжелого труда.

“Раб...” – наконец-то сообразила я. Русский пленник, брошенный на самые грязные работы. Но, как он оказался под телегой?

– Все, вылезай. Ушла она, – произнес парень, выкатываясь из-под днища повозки.

Бархатистый рокочущий голос был под стать внешности незнакомца.

“Прямо услада для женских ушей” – хмыкнув, подумала я, и тоже устремила наружу, выскользнув из-под телеги куда быстрее парня, благодаря своей излишней худосочности.

Когда мой неожиданный спаситель наконец вылез и поднявшись на ноги, встал рядом со мной, я медленно начала задирать голову, в попытках охватить взглядом весь его немалый рост.

Черт возьми... Я конечно знаю, что с моих метра пятидесяти все кажутся великанами, но этот парень буквально возвышался надо мной горой! Моя макушка была на уровне его груди, и это заставляло чувствовать себя слегка ущербно... Даже Хан с его далеко не маленьким ростом был куда ниже незнакомца.

Окинув беглым взглядом мою фигуру, паренек лукаво улыбнулся, и выдал:

– До чего ж ты худющая! Неудивительно, что из-под телеги выскочила, как сельдь из бочки!

Тут я и вовсе оскорбилась.

– Чья бы корова мычала! Каланча деревенская.

Лицо парня удивленно вытянулось.

– А чего это я саранча?

Я тяжело вздохнула и возвела глаза к небу.

– Не саранча, а КА-ЛАН-ЧА! Слишком высокий значит, – пояснила я.

Парень недоуменно хмыкнул, по всей видимости не понимая, что плохого в его росте.

– Странная ты... Ладно, давай-ка уходить отсюда, а то не дай бог еще кто-нибудь появится.

Согласившись, я направилась вслед за ним вдоль реки, лишь на мгновение обернувшись, чтобы в последний раз взглянуть на Агнешу, чье обнаженное тело так и осталось лежать в повозке неприкрытым.

– Как тебя звать-то? – спросил паренёк, когда юрта извозчика осталась далеко позади, – Я что-то тебя раньше в улусе не видал.

Я неопределенно пожала плечами.

– Я Кара. Каан запретил мне выходить в селение, так что не удивительно, что раньше мы не встречались.

Во взгляде парня тут же проскользнула некая досада.

– Ааа... – разочарованно протянул он, – Так ты наложица.

Слегка насупившись, я раздраженно дернула плечом.

– Будто это по моей воле.

– Да нет! Ты не подумай! Я же не виню тебя... – тут же принялся оправдываться он, – Просто больно видеть как наши женщины одна за другой попадают во служение к этим душегубам. А им все мало... Что каану, что псу его – Менгую. Последний уж страсть как охоч до наших девок.

Я не стала никак реагировать на эти слова, с сожалением осознавая, что в глубине души все еще пытаюсь оправдать Хана. Вместо этого спешно сменила тему:

– Ты не назвал своего имени.

– Что? – переспросил парень, – Ах, да, имя! Антипом меня звать. Прости, что-то я и позабыл сам представиться...

– Антип... – задумчиво протянула я, – И что же ты, Антип, делал под телегой ночью?

Полный подозрения взгляд, направленный на парня, давал понять, что от ответа ему не отвертеться. Однако, на удивление, похоже, что он и не собирался.

Вздернув брови в каком-то наивном удивлении, Антип выдал:

– Как это что? Тебя спасал! А как иначе, разве можно своих в беде бросать?

Я опешила.

– А под телегой-то ты как оказался?

– Так я ж там рядышком монгольское святилище восстанавливаю. И ночью как раз неподалеку. Пошел умыться на реку перед сном, да и увидел Оюну, а потом и копну твою рыжую у телеги. Ну, а дальше дело за малым – не бросать же тебя! Пробежал за юртой, да и влез под повозку с другой стороны.

Я сразу как-то сникла. Неудобно получилось... Человек мне помочь хотел от всего сердца, а я набросилась на него. М-да...

– Прости, – удрученно сказала я, – Я здесь уже совсем с ума сошла, скоро на кусты бросаться начну.

Антип добродушно улыбнулся и ободряюще потрепал меня по плечу.

– Да ладно, не страшно! Ты главное больше в подобные приключения не влипай, а то тут, знаешь ли, не все такие простодушные, – резко посерьезнев, он вдруг добавил, – Многих рабство сломало... А некоторые прониклись монгольской кровожадностью и приняли их сторону. В общем, будь осторожна.

Я с благодарным кивком вняла совету Антипа.

Дальше мы шли молча. Но минут через десять, когда перед нами возник небольшой ров с затхлой застоявшейся водой, парень подал мне руку и вскользь поинтересовался:

– А ты сама-то чего забыла у юрты извозчика? Бежать хотела?

От неожиданности я запнулась, и несмотря на поддержку

Антипа, обеими ногами рухнула в ров, погрузившись в воду до колен.

– Вот ведь... – хотела сказать что-нибудь матерное, да покрепче, но ограничилась привычным, – Черт!

Не говоря ни слова, Антип подхватил меня под мышки и резко выдернул на сушу, точно морковку из грядки.

– Порядок? – спросил он, отряхивая со своей прохудившейся рубахи капли мутной, вонючей воды.

– Вроде да, спасибо, – оглянувшись на ров я с нервным смешком добавила, – Да я уже дважды у тебя в долгу, парень.

С тяжелым вздохом покачав головой, подобрала подол и принялась скручивать его в жгут, в попытках избавиться хотя бы от части влаги. И лишь разогнувшись поняла, что Антип все это время не сводил взбудораженного взгляда с моих обнаженных коленок.

Только этого мне не хватало... Хорошо хоть ожоги заканчиваются на бедрах.

Резко опустив подол, я гневно посмотрела на парня.

– А ты мог бы не пялиться?

Мгновенно смутившись и покраснев, Антип пробормотал какие-то неразборчивые извинения, и резко развернувшись потопал вперед, к дороге ведущей во владения каана.

А меня вдруг накрыла совестью – так-то я сама виновата... Вряд ли в семнадцатом веке принято сверкать коленками перед посторонними мужчинами. Да и к тому же этот инцидент сыграл мне на руку – парень ведь забыл про свой

вопрос.

Эх, Кара... Тебе бы совсем чуточку мозгов прибавить, глядишь и жизнь бы наладилась.

– Эй! – ускорив шаг, я окликнула Антипа, и когда он обернулся, произнесла, – погоди! Я не держу зла. Да и в общем-то сама виновата. Ты пойми... Я издалека, – тут я уточнила, – Очень издалека. И у нас там куда более свободные нравы. Мне нелегко привыкнуть к новым обычаям.

Антип поначалу проникся моей речью, с сочувствием кивая, а потом вдруг выдал:

– Так ты староверка что-ль?

Эээм...

– Не совсем, – я неопределенно повела плечом, – Это неважно. Лучше расскажи откуда ты сам будешь.

На лице парня расцвела блаженная улыбка.

– С запорожья я. У нас там знаешь как красиво? Аж дух захватывает! Только вот... – улыбка вдруг превратилась в печальную гримасу, – Я в плену уже лет пять, кто ж знает, что там в родных местах творится. Может теперь везде сплошная Монголия...

Не совсем понимая, стоит ли мне как-то подбодрить Антипа или нет, я опустила взгляд на землю, молча выказывая дань уважения его тоске.

Спустя несколько минут грустного молчания, парень вдруг остановился, и махнув рукой в сторону небольшого холма, на котором и располагались юрты приближенных ка-

ана, произнес:

– Ну, вот и пришли почти. Ты прости, мне дальше нельзя, а то стража взбунтуется. Так что дойдешь сама, хорошо?

Я кивнула.

– Спасибо еще раз за помощь.

Хотела еще сказать, что рада знакомству, но взглянув на заалевшие скулы парня, решила что не стоит. А то еще поймет не так – расхлебывай потом. Хватит! И так уже насверкала голыми коленками – во! По шею!

Чинно склонив голову напоследок, я направилась вверх по дороге, попутно раздумывая над тем, как вернуться незамеченной. Но и тут повезло. К моему огромному счастью, постовой сегодня решил бессовестно нарушить свои обязанности, и уснул глубоким сном, прерывисто похрапывая на всю округу.

Довольно улыбаясь своей удаче, я прокралась к юрте, и с полным облегчения вздохом проскользнула внутрь, всю мечтая о том как умоюсь и упаду в мягкие объятия одеяла и подушки.

Однако не срослось...

За спиной раздался хриловатый рокочущий голос, произнесший на чистейшем монгольском:

– Как погуляла?

Мое сердце испуганно забило о грудную клетку в попытках вырваться и убежать куда подальше от этого нарочито мягкого тона, на деле не сулящего мне ничего хорошего...

ГЛАВА 5

К голосу прибавились медленные, до боли знакомые шаги, и вскоре я буквально каждой клеточкой тела почувствовала раздражение и гнев, исходящие от мужчины.

– Ты понимаешь мою речь? – пророкотал голос прямо над моей макушкой.

Я хотела ответить, правда... Вот только страх, липкой змеей пробравшийся до самой глотки, не позволял этого сделать.

До скрежета зубов неприятно признавать, но я боялась его. Боялась Хана. Такого знакомого и одновременно такого чужого... Сердце тянулось к нему с неимоверной силой, но вот инстинкты буквально вопили о том, что этот мужчина представляет для меня серьезную опасность.

Я не знала, что он может сделать со мной за неповиновение его приказу. Казнить нельзя помиловать – так было в сказке? Только вот в жизни есть вещи и похуже казни, и одно осознание этого вгоняло меня в дрожь.

Поняв, что я не тороплюсь отвечать на его вопросы, Хан медленно обошел меня по кругу, и склонившись прямо к моему лицу, рыкнул:

– Не прикидывайся овечкой, я знаю, что ты выучила наш язык!

Стиснув кулаки и до боли закусив изнутри щеку, я невольно отвела взгляд в сторону, не желая сталкиваться с полными бешенства глазами каана. Удивительно, но помимо страха я начала испытывать еще и дурацкое чувство стыда и несправедливости, ощущая себя шkodливым ребенком, пойманым взрослым на очередной шалости.

Ненавижу это чувство. Ненавижу ощущать себя беспомощной.

– Не отводи взгляд, Шулам!

А вот это было огромной ошибкой...

Меня буквально передернуло. Сделав шаг назад, я вернула Хану презрительный взгляд, и процедила:

– Не смей меня так называть! У меня есть имя!

Черная бровь взлетела вверх, а губы, перечеркнутые свежей царапиной, резко выпалили:

– Пока что ты не заслужила его, Шу-ла-м, – последнее слово было произнесено нарочито медленно, – Не будь ты упрямой ослицей, нарушающей мои приказы, то я бы вернул тебе его. Своим неповиновением ты сама лишила себя имени.

Меня буквально трясло от бешенства и возмущения, но было в глазах мужчины что-то такое, что заставило меня в этот раз придержать язык за зубами. Здесь я всего лишь бесправная наложница, и вряд ли могу рассчитывать на какую-либо жалость или сочувствие с его стороны.

Сделав несколько глубоких вдохов, я покорно опустила взгляд, и недовольно выпалила:

– Мне пришлось уйти, но я не собиралась никуда бежать. В улусе происходит что-то странное. Русские наложницы мрут одна за другой, как мухи, и явно не своей смертью. Я ушла, чтобы осмотреть тело умершей девушки и понять что тут творится. Как-то не хочется стать следующей, знаешь ли...

Сказав правду, я ожидала чего угодно – очередной вспышки гнева или же прощения, но вместо этого услышала лишь гробовое молчание, повисшее тяжелой тучей между нами.

Решив, что Хан ждет продолжения рассказа, осторожно продолжила:

– Ее убили не высшие силы, Ерден. Ее убил человек. Кто-то, кому ты перешел дорогу. Тот, у кого имеется зуб на тебя.

Медленно подняв взгляд, я поняла, что мне не поверили.

– Я разберусь, – единственное, что я услышала от Хана, перед тем как он обошел меня и устремился к двери.

– Постой! – спохватилась я, сделав несколько быстрых шагов вслед за ним.

Мужчина нехотя остановился, и слегка повернул голову, тем самым позволяя понять, что слушает меня.

– У меня есть одна просьба... – осторожно начала я, – Из твоих наложниц, славянок осталось только двое, я и Настасья. Не трудно понять, что следующей погибнет кто-то из нас.

Я на мгновение замолчала, пытаюсь подобрать правиль-

ные слова, а Хан приподнял брови, не понимая к чему я клоню.

– Отпусти нас. Выгони из гарема.

– Нет.

И все?! Так сразу?! Да он даже не подумал!

– Но тогда мы умрем! – раздраженно воскликнула я, пнув ногой валявшуюся у кровати подушку.

– Без моего покровительства вы умрете еще быстрее. Как только я откажусь от вас, мои воины набросятся в тот же миг. И поверь, ты не захочешь оказаться ни под одним из них. Вас будут насиловать до того момента, пока вы еще дышите, а после выбросят в поле на съедение диким зверям.

Я вздрогнула и невольно сделала шаг назад, представив те ужасы, о которых говорил Хан.

– Но ты же можешь приказать им не трогать нас. Ты же кан, они должны подчиниться, – безжизненным голосом просипела я.

На мгновение в черных глазах промелькнуло что-то, похожее на сочувствие. А может мне показалось, потому как уже через секунду мужчина довольно жестко отчеканил:

– Невозможно спасти овцу от стаи шакалов. Если бы вы были уроженками улуса, то я мог бы вернуть вас под защиту семей. Но вы для всех здесь чужие. Просто трофеи, полученные в очередной битве. Парни взбунтуются, если я не позволю им взять то, что они получили в честном бою. Лишь под моей защитой вы в безопасности, – заметив мой при-

шибленный вид, Хан тихо добавил, – Сейчас только ты сама представляешь для себя большую опасность. Следи за своим языком и поступками. Если не будешь расстраивать меня, то будешь жить. Это ясно?

– Ясно.

Мой ответ прозвучал грубо, даже недовольно. Но Хана он устроил.

Отвернувшись, он распахнул дверь, и перешагнув порог, вдруг произнес на ходу:

– Забыл предупредить. Я приду к тебе этой ночью. Дождись меня, не ложись спать.

Дверь захлопнулась с громким стуком. Но лично у меня сложилось впечатление, что створка ударила вовсе не по колоде, а по моей голове.

Он. Придет. Этой. Ночью. Нетрудно догадаться зачем...

Я обессиленно рухнула на постель, чувствуя себя заключенным в ожидании исполнения приговора.

У меня нет и возможности отказать ему. Хан явно намекнул, что моя жизнь напрямую зависит от послушания и повиновения.

Иначе...

Даже думать не хочу. Выбирая между толпой насильников и убийц и Ханом, я выберу его. Как бы то ни было, но жить мне хотелось. И очень сильно. Настолько сильно, что даже собственная гордость и честь забились в самый край подсознания, и в испуге замерли там, прижимаясь друг к другу.

Быстро стерев пыльным рукавом злые слезы, я трясущимися пальцами принялась расстегивать пуговики на ярко-алом шелковом дээле. Не для кого мне сегодня наряжаться. Все это происходит не по моей воле...

Стянув платье, я забросила его куда подальше, и выудила из вещевого сундука самое простое и мрачное одеяние, которое у меня только было – темно-серый, выцветший от времени дээл из грубой ткани, без пояса и каких либо украшений – а по сути старый потрепанный халат на пуговицах, в комплект к которому шли тонкие синие шаровары, поеденные молью. Нацепив все это на себя, я подошла к бронзовому зеркалу, установленному на одной из тумб у входа, и холодно ухмыльнулась.

Посмотрим что ты скажешь на это, достопочтенный кан...

Дорожную пыль с лица тоже не стала стирать, решив что грязные разводы на лице прекрасно дополняют мой изысканный образ.

Пусть это в каком-то смысле было ребячеством... Но я почувствовала себя чуточку лучше, провернув этот финт с внешним видом. Не стану я для него вырядаться.

Закончив с переодеванием, я подошла к кровати, и опустившись на колени, откинула край покрывала. Боковая доска была частично испещрена множеством перечеркнутых палочек, отмеряющих, сколько дней я провела в этом времени. Проведя пальцами по царапинам, пересчитала дни, и

вынув из волос серебряную шпильку, сделала на дереве еще одну насечку.

– С днем рождения, Кара, – тихо прошептала я, осознав, что в моем времени сегодня мне бы исполнилось восемнадцать.

Не так я мечтала встретить совершеннолетие...

От этих мыслей стало еще горше. Поправив загнутый край покрывала, я развернулась, и села прямо на пол, устало уронив голову на колени. К глазам упрямо подкрадывались слезы, но я раз за разом гнала их прочь, до боли жмуря веки и по привычке теребя пальцами родительский кулон, спрятавшийся под кузунгу и подвеской из магмы.

С того момента, когда кулон попал ко мне, я еще ни разу его не снимала, веря в то, что эта незримая ниточка связи с отцом поможет ему наблюдать за мной из мира духов. Я до сих пор находилась в некоем смятении, ловя себя на мысли о том, что я вроде как больше и не круглая сирота. Но при этом очень странно было реально воспринимать отца, существующего лишь в мире духов...

Может я заснула или слишком глубоко погрузилась в свои мысли, но как-то не заметила появления Хана. Лишь сквозняк, тихо гуляющий по юрте, заставил меня приподнять голову. Скосив глаза в сторону двери, я тут же столкнулась с темным внимательным взглядом, который буквально приклеился к моему лицу. Мужчина замер на пороге, будто бы не решаясь сделать шаг внутрь.

– Чего ты там застрял? – не особо дружелюбно поинтересовалась я, забыв про акцент и интонацию, о которых постоянно талдычила Настасья, – Тебе приглашение вроде не нужно.

Сказав это, я снова опустила голову на колени.

Как-то все разом стало безразлично. Надоело. Я слишком устала бороться с превратностями судьбы. Хочет, чтобы я стала его постельной грелкой – пускай, убьет – тоже не худший вариант.

Дверь все же закрылась и тяжелые шаги медленно двинулись в мою сторону.

– Смотрю, ты готовилась к моему приходу, – тихо усмехнулся Хан, – Надо же... Действительно думала, что это оттолкнет меня?

Шаги остановились и сквозь спутанные рыжие пряди, занавесом закрывающие меня от мужчины, я разглядела как он присаживается на корточки прямо напротив меня.

– Не нравится? Ну извини... Я не хочу спать с тобой, и тем более прихорашиваться ради этого, – безэмоционально произнесла я.

Хан напрягся.

– Вот как... Ты же понимаешь, что я могу взять тебя силой?

От этих слов внутри что-то мерзко заворочалось, рождая страх и липкую дрожь. С усилием оторвав голову от колен, я уперлась в настороженный взгляд, и равнодушно протянула:

– Я не стану сопротивляться. Делай что хочешь.

Отбросив волосы за спину, поднялась, и выйдя на середину юрты, начала скидывать с себя одежду, стараясь больше не сталкиваться с мужчиной взглядом.

Дээл летит на пол... Шаровары тоже. Теперь лишь легкая хлопковая сорочка скрывает мое тело от мужских глаз.

Хан резким рывком поднимается на ноги и делает шаг в мою сторону – шаг, но всего один. И вновь замирает.

Ну вот и все...

Я тяну за завязки на плечах и тонкая ткань падает к моим ногам.

Неловко ежась от стеснения и ночной прохлады, пробравшейся в юрту вместе со сквозняком, хмурюсь и упорно отвожу взгляд, лихорадочно гадая, что будет дальше.

Минута... Две... Три... Господи, мне кажется, что мы стоим так уже целую вечность, но он все молчит, не делая больше ни шага в мою сторону.

– Одевайся, – раздраженный голос стрелой прорезал пространство.

Я удивленно уставилась на мужчину, чувствуя странную смесь облегчения и непонимания.

– Почему? – тихо спросила я, невольно прикрывая грудь и бедра руками.

Даже не взглянув на меня, он быстро пересек юрту, и вместе с дверным стуком я услышала разочарованное:

– Я не хочу тебя.

Внутри меня что-то оборвалось...

ГЛАВА 6

На вас когда-нибудь выливали помои?

Вот примерно так я себя чувствовала после этих слов.

Грязной. Уродливой. Омерзительной. И в его глазах, и в своих. А, знаете, что больше всего меня задело? То, что старая грязная одежда его вообще никак не смутила, но вот мое тело...

Я многого ожидала, однако... Он ведь уже видел меня обнаженной в самый первый день в улусе. Что изменилось в этот раз? Видимо сумел рассмотреть получше.

Когда-то он говорил, что все это неважно – шрамы, ожоги, родинки. Вот только я забыла, что все это звучало из уст совсем другого человека. Человека пусть и без души, но по своему любящего меня.

Неужели я на самом деле настолько отвратительна?

Вспомнив, что стою посреди юрты абсолютно голой, я развернулась, чтобы подойти к двери и закрыть ее на засов, но взгляд случайно упал на собственное отражение в зеркале.

Я судорожно сглотнула.

В отблесках свечей старые шрамы казались куда ярче обычного, приобретая насыщенный бордовый цвет.

Неудивительно, что он ушел...

Гладкая бронзовая поверхность отразила мое лицо, иска-

жившееся в ярости и ненависти к самой себе. Взревев раненым зверем, я бросилась на зеркало и вцепилась в него раскаленными до красна ладонями, превращая металл в потоки горячей лавы, медленно стекающей на пол сквозь мои пальцы.

Когда последняя капля бронзового сплава упала на половицы, я обхватила себя руками и разрыдалась. Дверь же так и осталась незапертой...

– Несправедливо! Он же... Я же из-за него такая!

Мои завывания вероятно слышал весь улус, но в этот раз я даже не задумалась об этом. Было слишком больно, чтобы заботиться о приличиях.

Ноги не держали. Пошатываясь, я кое-как добралась до кровати, чтобы рухнуть в подушку лицом, до боли впиваясь в нее зубами. Слезы плавно перетекли в истерику с судорожными всхлипами и заиканием:

– Ну поч-поч-чему он?!?! За что я вообще люблю его?! Идио-о-тка-а-а!

В ход пошли кулаки – бедной подушке в эту ночь досталось прилично. Когда силы иссякли, я с ненавистью швырнула ее на пол, и перевернулась на спину, сквозь отеки веки всматриваясь в потолок. Истерика отступала, пуская на свое место болезненную опустошенность.

– За что... – губы безустанно шептали эти слова, не находя на них ответа.

Какое однако скверное чувство юмора у судьбы. Когда-то

я получила все эти ожоги из-за Хана, потому что ему нужна была моя магия, а теперь... Теперь он с отвращением смотрит, на то, что создал собственными руками. А я даже обвинить его в этом не могу, ведь по сути, Хан здесь и Хан в моем времени – это два абсолютно разных человека.

Вместе с рассветом ко мне пришел и сон. Тревожный, неглубокий, однако дарящий надежду на пусть и короткое, но спасительное забвение.

Прошло три дня, прежде чем я решилась высунуть нос из юрты. Чувство стыда и униженного достоинства накрыли с головой вместе с пробуждением на утро после постыдного инцидента. От уроков Настасьи и услуг прислужницы я отказалась, просто-напросто не открыв им дверь. Через сутки все поняли, что бороться со мной бесполезно, и в итоге даже еду просто оставляли на пороге, оповещая меня коротким стуком.

Все эти дни я пребывала в каком-то странном коматозе, бездумно слоняясь от одной стены юрты к другой. Теперь я видела лишь один единственный выход – обратиться к уроборосу. На то, что Хан вновь начнет ко мне что-то чувствовать, я уже не надеялась, упорно убеждая себя в том, что так будет для меня даже лучше.

Когда решение было принято, я потихоньку стала обдумывать план побега. Взывать к древнему змею прямо в улу-се явно не лучшая идея. Именно поэтому на третьи сутки я покинула свое временное пристанище, чтобы разузнать о

смене караула. Однако, едва вышла за порог, как на тут же меня налетел ураган под именем Настасья.

– А ну признавайся, что произошло у тебя с кааном?! – вспыхнула девушка, заталкивая меня обратно в юрту, – Он отказал, да?

В ее глазах стоял страх и едва сдерживаемые слезы.

Я промолчала, не зная как признаться Настасье в том, что ничего не вышло. Но оказалось, что она и сама все поняла. Руки девушки безвольными плетью повисли вдоль резко сгорбившегося тела. Расширенными глазами уставившись в одну точку, она пробормотала:

– А я знала... Чувала, что мой конец уже близко...

Сердце угодило в тиски совести. Как-то разом стало стыдно за собственные переживания, кажущиеся нелепыми на фоне того, что грозило девушке. У меня есть хоть какой-то шанс... А у нее? У нее и других русских девушек, что попадут в гарем. У них не было шанса на спасение. Ничего не изменится. В улусе так и продолжают раскидывать по степи тела русских наложниц, продолжая сетовать на высшие силы, что губят их души.

Я не могу уйти просто так... Ничего не сделав. В конце концов, что изменится если я вернусь домой на неделю позже?

Надеюсь, что ничего, потому как решение было уже принято.

– Прекращай впадать в уныние, – решительно произнес-

ла я, – Каан не отказывался нам помочь. Он только сказал, что едва мы окажемся вне гарема без его защиты, то воины тут же примут нас за добычу, и вот тогда уже жизнь действительно не побалуует радостными деньками.

Настасья задумчиво затеребила дрожащими пальцами ко-су, превращая идеальное плетение в потрепанную мочалку. Она упорно пыталась найти в моих словах положительный подтекст, но он все не находился.

– Ерден сказал, что лично займется поиском убийцы, – не моргнув, соврала я, – Ты что, не веришь в нашего каана?

И козырь определенно сыграл.

Глубоко возмущившись моими словами, Настасья мгновенно выпрямившись, воскликнула:

– Я никогда не сомневаюсь в господине!

Я даже невольно вздрогнула, опешив от такой бравადы.

Удивительно... Как Хан умудряется вызывать у девушек такую безусловную любовь несмотря на все свои злодеяния? Ну по крайней мере у русских девушек... Настасью ведь тоже украли, забрали как трофей, но она смотрит на него почти как на бога. Почему?

– За что ты его полюбила? – спросила я, конечно же раньше чем подумала. Язык мой – враг мой. Однако отступить уже не было смысла, поэтому пришлось добавить, – Как ты смирилась со всем этим? Другие женщины, жестокость, жизнь в рабстве...

Настасья слегка нахмурилась, но уверенности в своей

правоте не потеряла.

– А как иначе? У меня было лишь два пути – на плаху или же в его постель. Если хочешь жить, то проще придумать себе сказку и поверить в нее, чем пытаться изменить то, что все равно останется неизменным. Думаешь мне не больно было смотреть как он входит в твою юрту под покровом ночи? – девушка затравленно усмехнулась, – Да я все глаза проревела. Но, что я могу? Я уже позволила себе полюбить его. Полюбить несмотря ни на что. И обратного пути нет. Ты вскоре поймешь... Это как омут, затягивает все глубже и глубже. Сначала потонет совесть, затем стыд, а вместе с ним и честь. Вот и все... Ты уже на дне и выплыть не получится.

Спрятав за ресницами хмурый взгляд, я невольно подумала о том, что моя любовь к Хану развивается по тому же сценарию. Вот только я не готова придумывать себе сказки о вечной любви, которые будут поддерживать во мне хоть какое-то подобие жизни. У меня в отличие от Настасьи есть шанс на свободу. Нужно лишь избавиться от этой больной любви. Вырвать с корнем, да так, чтобы ни частички не осталось.

Сморгнув одинокую слезу, девушка печально качая головой, протянула:

– Ни тебе меня судить. Ты пока не поняла, но мы с тобой в одной лодке, Кара. Смирение – это добродетель в нашем с тобой случае. Поэтому чем раньше сломишь свою волю, тем будешь счастливее. Уж поверь мне.

Я промолчала, прекрасно понимая, что бессмысленно доказывать ей обратное. У Настасьи действительно нет выбора. И будь я на ее месте, вероятно думала бы также.

Когда девушка ушла, я в ступоре застыла у двери, думая о том, что делать дальше. Раз побег отменяется, нужно немедленно заняться расследованием. Чем раньше я разберусь с убийствами и вернусь домой, тем лучше.

Присев за небольшой столик, я стала мысленно разбирать все, что знаю о смертях девушек.

Итак, первое – тела были обнажены на момент смерти. Говорит ли это о возможном изнасиловании? Не исключено... Однако на коже Агнеши не было синяков или других следов сопротивления. Значит вероятнее всего отсутствие одежды это скорее элемент какого-то ритуала, чем признак насилия.

Поехали дальше. Жертв было три, и все они имели русское происхождение. Из этого делаем вывод, что убийца имеет мотив расовой ненависти. Или же религиозной, учитывая ритуальный характер убийств.

Следующее – Агнеше перерезали горло, и явно не обычным ножом, ведь края раны были рваными.

Ну и последнее... Красная пыльца на ее пальцах. Мне так и не удалось понять, что это такое.

Подперев подбородок кулаком, я тупо уставилась в одну точку, пытаясь собрать мысли в одну кучу. Мысли однако собираться не желали, с завидным упорством разбегаясь по черепушке испуганными тараканами. Встряхнув гудящей го-

ловой, я раздраженно хлопнула ладонью по деревянной столешнице, и дальше уже продолжила вслух.

– Ну что, поиграем в расследование? – разговаривать с самой собой было до ужаса странно, однако я не отчаивалась, – Эх... Вот зря мне Далана запрещала детективы по первому каналу смотреть, глядишь сейчас была бы поосведомленнее... Ну да ладно, это так, в порядке общего бреда. Итак, убийцей может быть равнозначно как мужчина, так и женщина. Но! С девяносто процентной вероятностью это кто-то из местных. К чему русским убивать своих сородичей? Разве что какая-то наложница устраняет конкурентов. Но тогда бы гибли не только славянки. Нет, здесь что-то другое... Что-то более глубокое и личное.

На мгновение я замолкла, осознав очевидное – слишком мало фактов. Нужно разузнать подробнее о прошлых убийствах.

– Самое время сходить в гости, не правда ли? – загадочно произнесла я, и покинув юрту, направилась на прогулку в местный серпентарий, а если быть точнее, в гарем.

ГЛАВА 7

В открытой беседке под большой круглой крышей было немногочленно. Обычно в послеобеденное время здесь соби­рался почти весь гарем, однако сегодня место отдыха и спле­тен оказалось почти пустым. Смерть соратницы нагнала на наложниц уныние и страх. Каждая боялась стать следующей, попав в немилость к великим духам.

Убегая от палящего солнца, я стремительно нырнула в тень беседки, своим появлением спугнув двух молоденьких чернявых красоток, перешептывающихся на одной из рез­ных лавочек. Глядя на меня с неприязнью и отвращением они яркими птичками выпорхнули в жаркий полдень, про­должая тихо шипеть друг другу на ушко всякие гадости про русскую страшил­у в лице меня.

Я с унынием посмотрела им вслед. Ну и кому мне те­перь устраивать допрос? С тяжелым вздохом оглянув бесед­ку, вдруг зацепилась заинтересованным взглядом за неболь­шую, сухонькую старушку, которая вышивала маленькую по­душечку в самом дальнем углу.

А чем не вариант? Главное чтобы ее сознание оказалось не слишком обременено старческим маразмом.

Нацепив на физиономию максимально добродушную улыбку, я осторожными шажками двинулась в сторону сви-

детеля номер один. Зависнув над старушкой, радушно произнесла:

– Здравствуйте, – ноль внимания. Может она глухая? Я повторила громче, – Здравствуйте!

На удивление резвым для столь почтенного, можно сказать, антикварного возраста движением, старушка вскинула голову.

Вздрогнув от неожиданности, я инстинктивно сделала шаг назад, чуя опасность, исходящую от нее. Да что это со мной? Теперь и бабушек бояться будем?

Вот только назвать эту старушку невинной не поворачивался язык... В черных прищуренных глазах отражалась мудрость, осененная мраком, а худая узловатая ладонь жестом императрицы приказывала мне приблизиться.

– Чего застыла? Присаживайся, раз уж пришла.

Властный голос был полон недовольства и раздражения, однако за всем этим я мельком заметила искру любопытства. Моя персона явно заинтересовала ее.

Гулко сглотнув, я осторожно присела на самый край скамьи, стараясь держать как можно большую дистанцию.

– Я Кара, новая наложница каана... – не теряя настороженности начала я, но была тут же перебита.

– Знаю я, кто ты, – нетерпеливо произнес хриплый старческий голос, – Ближе к делу. Чего тебе от меня надо?

Я опешила. Как-то не так мне представлялся наш разговор. Однако пришлось собраться и продолжить:

– Меня интересуют обстоятельства при которых погибли русские наложницы, уважаемая, эээ... Как я могу к вам обращаться?

Старушка взглянула на меня с еще большей подозрительностью, совсем не спеша выдавать своего имени. Неопределенно прицокнув языком, она слегка пошамкала челюстями, и сказала:

– На кой тебе подробности тех смертей?

Я пожала плечами, толком не зная чем оправдать этот интерес.

– Ну, не знаю... Я ведь тоже русская. Как-то не хочется стать следующей жертвой. Вдруг есть какие-то особенности в прошлых убийствах, что помогут мне избежать смерти.

Уставив взгляд в одну точку, старушка не глядя продолжала делать стежки на шелковой ткани, создавая удивительный узор из множества маленьких ярких птичек. Ее сознание будто было где-то далеко, не здесь.

В ожидании хоть какого-то ответа, я смиренно опустила взгляд на свои ладони, нервно перебирающие мягкую ткань дээла.

– От смерти не убежать, если она стоит у тебя за спиной... – пророческий тон старушки нагонял жуть. Резко переведя взгляд в мою сторону, она добавила, – Не было ничего иного в тех смертях. Да и не поможет все это, уж поверь. Не место тебе здесь и боги это знают. Уйди сама, Шулам, или же тебя уведут духи. Вот только рада ли ты будешь стать гостей в их

владениях?

М-да... Маразм так сказать, действовал на опережение. Вся эта псевдо-пророческая лабуда крайне депрессивно подействовала на мой мозг. И потому, не услышав в словах старушки ничего полезного, я встала, и поклонившись, со снисходительной улыбкой произнесла:

– Конечно, конечно... Я обязательно прислушаюсь к вашим советам. Зарублю на носу, так сказать!

– Не веришь, значит? – с ехидным прищуром спросила собеседница, – Ну, да, дело твое. И, да, так и быть, утолю твое любопытство – я Алтан Хатун, бабушка Ердена и мать всего гарема.

С трудом удержавшись от острого желания стукнуть себя по лбу, я чинно поклонилась, и развернувшись, быстрым шагом покинула беседку.

Да как же меня к ней занесло-то, а? Бабушка Ердена, это же надо так влипнуть!

Настроение резко испортилось. Мало того, что узнать ничего не удалось, так еще и навлекла на себя ненужного внимания Хатун. Да еще и эти пророчества...

Нет, я догадывалась, что бабка не в себе. Но ее слова о том, что мне здесь не место и боги об этом знают... Что это? Совпадение, песнь маразма, или же старуха действительно провидица?

Небо над головой разразилось громовой тирадой, направляя на землю яростные порывы ветра. Пока я разговаривала

с Алтан Хатун, жаркий июль сжалившись над умирающими от жары поселенцами милостиво наслал на улус грозу. Солнце пугливо спряталось за лохматыми серыми тучами и на землю упали первые капли дождя, обещавшие в скором времени обернуться затяжным ливнем. Где-то неподалеку ударила молния.

Не желая промокнуть, я сорвалась с места, переходя на бег, и устремилась в сторону своей юрты, прячась от набирающего силу дождя под кронами деревьев, окружавших беседку.

Вслед за очередным громовым раскатом где-то за моей спиной раздался жуткий оглушающий треск. Волосы на затылке встали дыбом, когда до меня дошло что означает этот звук. Инстинктивно втянув голову в плечи, я ускорила шаг, но все равно не успела. Гулкий свист рассекаемого воздуха и рядом со мной падает верхушка дерева, отколота ударом молнии. Слепляющая вспышка боли в плече, и я с криком падаю на землю, прикрывая голову руками.

На языке тут же расцвел металлический привкус крови, а в ушах противный пищащий гул, как будто кто-то резко отключил антенну от телевизора. Полностью потерявшись в пространстве из-за боли и застилающего глаза ливня, я чувствовала себя слепым котенком, не понимающим куда ему ползти.

Ритмичный топот чьих-то ног настиг быстрее, чем я успела подняться. С глухим стоном позволив поднять себя на ру-

ки, я уже после осознала, кто пришел мне на помощь.

Хан.

– Не надо... Я могу идти, – сразу же возразила я, недовольно подметив, что радостно затрепетавшее сердце заглушило даже боль в руке. Это разозлило, и я уже с двойным упорством стала вырываться из мужской хватки, – Отпусти, говорю! У меня только рука ранена.

Но меня не слушали. И более того, тащили в сторону, противоположную моему жилищу. Возражения по этому поводу тоже остались без внимания.

Когда мы оказались за дверями его юрты, Хан с крайне раздраженным выражением лица спустил меня с рук, усадив на край своей постели. Нависнув надо мной разъяренным коршуном, он почти до боли вцепился пальцами в мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза.

– Если ты еще хоть раз выкинешь что-нибудь подобное, я лично выпорю тебя розгами на площади! – гневно рявкнул мужской голос, – Никогда не смей сопротивляться мне. Скажи спасибо, что никто этого не видел!

Я до онемения закусила язык, пытаюсь удержать в себе рвущиеся наружу, далеко не лестные слова. Когда Хан понял, что не добьется от меня хоть какого-то внятного ответа, он резко отпустил подбородок и отступив на несколько шагов, стал недовольно метаться из стороны в сторону. Прямо как тигр в клетке. Судя по всему так он успокаивался.

Я же подумала, что лучше всего сейчас будет и дальше со-

хранять почтительное молчание, а потому решила заняться плечом, которое ныло все сильнее и сильнее.

Опустив взгляд на руку, я едва не застонала. Кожа на плече оказалась распорота почти до локтя. И что обидно, это была здоровая рука без ожогов! Теперь и тут будет шрам... Горестно вздохнув, я кончиками пальцев принялась отодвигать разодранную ткань дээла, пропитанную кровью, подальше от краев раны, чтобы она не успела к ней присохнуть. Мои действия сопровождалось тихим болезненным шипением, которое и привлекло внимание Хана.

Резко остановившись, он повернулся и взглянув на мою руку, громко выругался неизвестными мне словами.

– Не трогай, – приказал он, – Так можно занести грязь в рану.

Подхватив с тумбы небольшой деревянный таз и медный кувшин с чистой водой, мужчина поставил все это у моих ног, и присев рядом, осторожно повернул раненое плечо, оценивая масштабы катастрофы.

Что-то недовольно пробурчав, он достал из-за голенища сапога нож, и принялся уверенным движением разрезать ткань дээла от запястья до ворота. Когда порванная ткань начала скатываться с плеча и ключиц, я судорожно вцепилась в нее здоровой рукой, пытаюсь оставить прикрытой грудь. И это конечно же не скрылось от Хана. Однако насмехаться или давать какие-либо комментарии он не стал, лишь еще больше нахмутив черные брови.

– Протяни руку над тазом.

Я послушно выполнила очередной приказ, и Хан стал осторожно поливать рану водой из кувшина. Руку тут же пронзило острой болью, и я невольно застонала, вздрогнув всем телом.

Когда с промыванием было покончено, он достал из большого сундука отрез тонкой бежевой ткани, и разорвав его на узкие полосы, туго перетянул ими плечо.

– Все. Старайся не натружать руку, чтобы края раны быстрее срослись. перевязка каждый день, я распоряжусь чтобы твоя прислужница не забывала об этом.

Подтянув повыше разрезанный лиф платья, я поднялась, и поблагодарив каана, направилась к выходу. Однако из-за того что мужчина стоял слишком близко, пришлось буквально протискиваться между ним и кроватью. И конечно же самым нелепейшим образом мои волосы зацепились за пуговицу на его дээле. Моя голова дернулась назад, ощутив сопротивление, и я охнула от боли, чувствуя как волосы вырываются с корнем.

– Стой! – вскрикнула я, – Не двигайся! Волосы за что-то зацепились.

Попытка, аккуратно развернуться и посмотреть в чем дело, провалилась в первое же мгновение. Прядь была настолько натянута, что это не давало возможности двинуться больше чем на дюйм. В очередной раз тихо вскрикнув от боли, я раздраженно зарычала, всеми силами проклиная этот день.

– Да остановись же ты! – не выдержал Хан, глядя на мои мучения, – Дай я сам посмотрю...

Раздвигая торчащие во все стороны рыжие пряди, Хан недовольно ворчал:

– Великие духи, твои кудри буквально повсюду! Как ты живешь с ними?! Это ж надо было, с такой проволокой на голове родиться! Стоп, вот в чем дело... Прядь намоталась на пуговицу.

Проволокой?!

Меня накрыло очередной волной злости. Так и не дождавшись помощи, я резко дернулась вперед, вырывая прядь из мужских рук. Судя по тупой ноющей боли в затылке, пару десятков волос я таки оставила на пуговице дээла.

Рванув к выходу, неловким движением снесла какой-то узкий высокий столик справа от двери. Однако даже это не заставило меня остановиться. Громко хлопнув дверью, я пулей устремилась к своей юрте, раздраженно бормоча себе под нос:

– Волосы ему мои значит не нравятся... Ну-ну.

Вернувшись к себе, я первым делом выхватила из ящика стола небольшой острый нож, и не задумываясь, одним движением отсекла кудри до плеч.

– Нет волос, нет проблем, – тяжело дыша, прошептала я, – Все для вас, ваше величество!

Последние слова были брошены с особой злобой.

Кинжал с глухим стуком выпал из обессиленных пальцев,

а дрожащая ладонь сама собой потянулась к кончикам волос. Лишь тогда я поняла, что натворила...

Волосы всегда были моей защитой. Лишь поэтому я год за годом отращивала их, устраивая дикие истерики, когда Далана бралась за ножницы. Длинные кудри скрывали шрамы, вот в чем было их предназначение. А теперь, стоя перед новеньким наполированным медным зеркалом, и глядя на свое отражение, я чувствовала себя голой. Плечи, руки, лицо... Все было открыто. А упругие кудряшки все сильнее поднимались вверх, как будто насмехаясь надо мной.

– Не стану я реветь! – сердито прорычала своему медному двойнику, – Подумаешь, волосы!

Захотелось вновь расплавить зеркало. Однако в этот раз я сдержалась. На полу, у самых ног огненно-рыжей рекой были рассыпаны длинные кудри. Мне хватило одного лишь взгляда, чтобы они за секунду сгорели до пепла, оставляя на полу грязно-серый след.

Ну вот и все. Как там говорят? Новая прическа – новая жизнь... Посмотрим, посмотрим.

ГЛАВА 8

– Ты что натворила, безголовая?!!!

Я скучающе вздохнула и подперла щеку кулаком, всем своим видом подтверждая то, что горбатого лишь могила исправит.

Настасья уже минут десять бранила меня на чем свет стоит. Кто бы знал, что она мою стрижку переживет куда тяжелее чем я сама.

– Да кому ты нужна-то будешь с таким гнездом на голове?!

Ну, тут она права. Благодаря короткой длине волосы стали гораздо легче, и теперь казались еще пышнее и объемнее. Гнездо и есть, одним словом. Тем не менее я продолжала настаивать на том, что новая прическа мне нравится. Да и вообще – скоро станет последним писком моды в гареме!

– Ты вообще слышишь меня?! – напирала Настасья, – Кому ты нужна говорю такая будешь?!

– Самой себе в первую очередь, – теряя терпение, буркнула я.

Мне уже начинал порядком надоедать весь этот цирк. Мои волосы, что хочу, то и делаю!

Решив брать внезапностью, я резко хлопнула кулаком по столешнице. Настасья тут же замолкла, нелепо разинув рот.

– Значит так, – сурово начала я, – Или мы оставляем эту

тему, или я и тебе такую красоту выстригу!

Девушка тут же испуганно ухватилась за кончик русой косы.

Удовлетворенная произведенным впечатлением, я примирительно кивнула, и продолжила:

– Я между прочим не для обсуждения причесок тебя звала. Мне нужна помощь.

Настасья недовольно фыркнула, мол: –” Как хочешь. Для тебя же стараюсь”

– Как ты знаешь, не всем в гареме я пришлась по душе.

Девушка закатила глаза.

– Ну, это еще мягко сказано!

– Не перебивай, – одернула ее я, – Так вот, наложницы в своем большинстве относятся ко мне мягко говоря настороженно. Соответственно информацию об убийствах мне брать неоткуда. Так что... Остаешься ты.

– погоди, а ты что, сама решила найти убийцу? – с едва прикрытым недовольством проворчала она, – Разве каан разрешал тебе?

Я неопределенно повела плечами, осознав, что попала впросак, подвергнув недоверию действия “великого господина”.

– Так скажем, я собираю сведения для Ердена. В остальном он сам занимается поисками убийцы, – не глядя соврала я, умолчав, что на самом деле он даже не догадывается о моих действиях.

– Ааа... – многозначительно протянула она, – Ну и что ты хочешь узнать?

– В общем и целом, я так поняла, что все смерти случились при одинаковых обстоятельствах и подробностями ты не владеешь, верно?

Настасья кивнула.

– Тогда у меня к тебе всего лишь один вопрос. У Агнеши на пальцах была красная пыльца, как думаешь, что это может быть?

Девушка пожала плечами.

– Да много что. Специи например, или краски для лица.

– Краски для лица? – переспросила я.

– Ага, девушки побогаче наносят разноцветную пыльцу на веки и щеки, чтобы ярче выглядеть.

Получается, это местный аналог косметики... И, что? Убийца все же женщина? Вряд ли сама Агнеша пользовалась такой дорогой вещью.

– Не знаешь у кого из гарема есть эти краски?

Настасья фыркнула:

– Да разве что у Солонго. Краски то везут из-за моря, разве простые наложницы смогут себе такое позволить?

Я опешила. Даже рот нелепо открылся от удивления.

– Погоди. Кто? Солонго?

– Ну да. Сестра каана. А ты что, еще не видела ее? Хотя не удивительно, ты же почти не выходишь из юрты, а она живёт на другом конце владений. В общем краски могут быть толь-

ко у нее наверное, – на мгновение Настасья призадумалась, и добавила, – Может у Алтан хатун еще... Хотя нет, я ее ни разу покрашенной не видала, стара уже она.

Я согласно покивала, едва вслушиваясь в щебетание де-вушки. Все мои мысли теперь были заняты лишь одним.

Неужели Солонго все-таки жива? Эта новость искренне обрадовала меня. Что бы не происходило между мной и Ханом, я поступила правильно. Его сестра жива, и ещё множество человек не погибли от его руки. Да... В этой реальности сценарий пошел совсем по другому направлению.

Жаль только, что и здесь у нас с ним нет будущего...

Ну, да ладно. К черту всю эту сентиментальщину. Ближе к делу.

Только вот куда ни посмотри везде тупик. Ни сестре ни бабушке Хана явно ни к чему марать руки в крови наложниц. Их положение в гареме неоспоримо.

– Ясно, – расстроено вздохнула я, – Значит краска на руках Агнеши это просто случайность.

А может и нет, и я просто не вижу дальше своего носа...

Распрощавшись с Настасьей, я поужинала, и после обработки раны на плече попросила прислужницу набрать горячей воды в лохань. Хотелось просто смыть с себя события последних дней.

Да, к моему великому облегчению, в этом веке населению улуса были уже не чужды вода и мочалка. Люди попроще для омовения использовали большие тазы и кувшины,

а для привилегированного общества предоставлялись лохани, которые заполнялись чистой горячей водой при помощи слуг. Да тут даже зубные щетки были! Своеобразные конечно... Такие деревянные палочки с жесткой щетиной кабана. А вместо пасты уголь. Но ничего, жить можно.

Наконец Унура вылила в лохань последнее ведро, и я с блаженством опустила по грудь в теплую воду.

Волосы от влаги закрутились в тугие спиральки и весело поползли вверх, обнажая плечи и ключицы. Раздраженно фыркнув, я набрала в легкие побольше воздуха и резко нырнула под воду, про себя угрожая бесстыжим прядям тем, что если вернусь домой, то когда-нибудь обязательно сделаю химическое выпрямление.

Когда легкие начали гореть от переизбытка углекислого газа, я с громким всплеском вынырнула на поверхность, делая судорожный вдох. Отплевавшись от попавшей в рот воды, смахнула влагу с ресниц, и открыв глаза, испуганно выругалась на своем родном русском.

– Какого демона ты тут забыл? – разозлено воскликнула я, когда сердце перестало выпрыгивать из груди.

– Ты в край обнаглела? – недовольно поинтересовался Хан, – Будешь указывать мне, что делать?

Я неопределенно дернула плечом, не зная что ему ответить. Ладони сами собой поползли к груди и низу живота, в попытке прикрыть хоть что-то. Однако Хан и не думал рассматривать мою наготу, все его внимание было приковано к

кончикам волос, едва касающимся плечей.

– Что это? – в мужском голосе звенела сталь, – Что это, я тебя спрашиваю?

Он все еще пытался сохранять спокойствие, но по дергающейся мышце под левым глазом было понятно, что дается ему это с огромным трудом.

Схватив переброшенную через край лохани простынку, я встала и быстро укутавшись в нее, вылезла из воды. Теперь, когда мы оба стояли по разные стороны лохани, и мое тело было скрыто тканью от цепкого мужского взгляда, я чувствовала себя куда смелее.

– Я всего лишь избавилась от того, что тебе не нравилось, – ответила я, опустив взгляд и стараясь не допустить издевки в голосе.

Теперь недавняя выходка казалась глупой. Я снова нарвалась на неприятности.

– Что это еще значит?

Страх опять липким комком пробрался в горло, не давая произнести ни слова.

Теряя терпение, Хан медленно обошел лохань, и присел на широкий борт прямо напротив меня. Вытянув вперед длинные ноги и сложив руки на груди, он вдруг окинул мое лицо усталым, измученным взглядом.

– Чего ты хочешь, Кара? Чего добиваешься? Как мне спасти тебя, если ты сама каждый день упорно стремишься к пропасти...

Я вздрогнула, впервые за долгое время услышав как он зовет меня по имени. Страх и раздражение тут же сменились растерянностью. Я так привыкла к его давящей силе и черствости, что теперь, застав в момент слабости, просто не знала что делать.

– Ты сказал, что тебе не нравятся мои волосы. Я отрезала их, – стараясь не выдать истинных чувств, твердо произнесла я, – Разве не так поступают хорошие наложницы? Делают все, чтобы их каан был доволен.

– Значит хочешь, чтобы я был доволен, да? – спросил Хан со странной интонацией.

Я гулко сглотнула, не понимая к чему он клонит, но заранее всего опасаясь.

Рывком оторвавшись от бортика лохани, он в один шаг приблизился ко мне и осторожным движением отвел за спину прилипшие к шее волосы.

– Доволен значит... – протянул Хан, медленно склоняясь к моему уху, – А что если я буду доволен лишь тогда, когда ты раз и навсегда исчезнешь из моей жизни?

Последние слова разнеслись по юрте хриплым шепотом, наполненным злостью и болью.

Я сильнее сжала концы простыни на груди, чувствуя как сердце разрывается от отчаяния, а к глазам подступают непрошеные слезы.

– Значит так тому и быть... – сдавленно вымолвила я, со всех сил отводя в сторону взгляд, – Я исчезну, если ты того

пожелаешь.

Делаю шаг назад, тем самым подтверждая свои слова.

Короткий миг немого молчания, и взрыв...

– Так исчезни!!! – взревел он, – Уйди из моей жизни!!!

Не мучай меня!!

Не пытаясь скрыть свою ярость, Хан резко разворачивается, и со всей силы впечатывает подошву сапога в бортик лохани, с грохотом и всплеском опрокидывая ее на бок.

Не в силах видеть его гнев, я прижимаю ладони к влажным глазам, внутренне содрогаясь от страха и безнадежности. Как можно одновременно любить человека и до мурашек бояться его?!

Вскоре все вокруг стихло, и лишь горячая вода у моих стоп и прерывистое мужское дыхание все еще напоминали о том, что произошло.

В звенящей тишине юрты тяжелые шаги Хана, сопровождающиеся тихими всплесками воды, звучали для меня как гром среди ясного неба. Вновь подойдя ко мне вплотную, он на секунду замер. Именно в этот миг я думала, что все кончено. Он просто убьет меня... Не своими руками, нет – выкинет на площади в улусе, и уже там надоедливую чужачку добьют его воины.

Но он не совершил ничего из вышперечисленного...

Он просто прижал меня к своей груди. До боли стискивая плечи и талию, с шумом вдыхая мой запах и с глухим стоном выдыхая его.

– Ты же уничтожишь меня... Выжжешь до гла одним только взглядом. А вместе со мной и весь улус... – обреченно пробормотал Хан, прижимаясь колючей щекой к моему виску, – Как мне отказаться от тебя? Как?! Кто ты, Кара? Кто ты, черт возьми, и почему мое сердце так болит по тебе?! Как так вышло, что я из каана вдруг превратился в твоего раба...

Я буквально застыла, повиснув в стальных объятиях как тряпичная кукла. У меня голосовые галлюцинации, или...

Пытаясь выбраться из состояния растаявшего желе, я сделала глубокий вдох, и выставив перед собой ладони, уперла их в широкую грудь, разрывая контакт.

– Подожди...

Губы мужчины сжались в тонкую линию, а в глазах мелькнул блеск разочарования.

– Несколько ночей назад... Ты явно дал понять, что я не интересую тебя, – слова давались с трудом, – Что изменилось за это время, что ты чуть ли не в любви мне теперь признаешься?

Хоть я и старалась говорить как можно более бесстрастно, в моем голосе явно звучали горечь и обида.

– Не изменилось ничего, кроме того что я безумно устал врать самому себе, – пошел на откровение Хан, – Той ночью все случилось совсем не так как я ожидал...

– Ты сказал, что не хочешь меня! – не выдержав, вскрикнула я, – Признай, что ты испугался! Испугался того, что увидел под одеждой!

В глазах снова встали злые слезы.

– Да ты же тряслась как овечка на ужине у волка! – закричал он в ответ, – Что я должен был сделать?! Взять тебя силой! Да, наверное должен! Но вот не смог почему-то! И это меня невероятно бесит! Кто ты такая, чтобы я заботился о твоих страхах и ранимой душе?! С первого дня, как увидел, я не могу выкинуть тебя из головы! Но так не бывает, я даже не знаю тебя! И это выбешивает меня еще больше!

Выдохнувшись, он резко замолчал и отвернулся, пытаясь взять себя в руки.

Этот парадокс сводил меня с ума. Одна часть души Хана, помня свои чувства тянулась ко мне, а вторая ненавидела за то что подрываю все его устои и принципы. И далеко не факт, что первая возьмет верх.

Пора завязывать с этим.

– Я сама уйду. Тебе не придется избавляться от меня. Но перед этим мне нужно поймать того, кто убивает русских наложниц. Я не оставлю это просто так, сколько бы ты не утверждал, что их погубили духи, – произнесла я, утерев слезы.

Хан тихо хмыкнул и слегка повернул голову через плечо со словами:

– А с чего ты решила, что я отпущу тебя?

И снова хлопает дверь. И вновь он уходит...

ГЛАВА 9

Окинув взглядом погром, который оставил после себя Хан, я грустно усмехнулась и призвала стихию.

Как обычно не без труда.

Огонь все еще не желал полностью мне подчиняться, в основном, хаотично возникая в моменты всплеска эмоций.

Когда языки пламени полностью выпарили воду, я, кряхтя, поставила на место лохань и приоткрыла дверь, чтобы выгнать из помещения влажный воздух.

Я должна была радоваться. Ликовать. Ведь как оказалось, Хан все же что-то чувствует ко мне... Однако на деле стало только хуже. Он не посмеет любить меня как свою женщину, а становиться постельной игрушкой как Настасья у меня как-то нет желания.

Нужно бежать, пока эта трясина не затянула меня еще сильнее. И как можно быстрее. А потому возьми уже себя в руки, Кара, черт тебя побери!

Мысленный пинок помог.

Нырнув за деревянную ширму, я скинула с себя простынь и быстро натянула одежду. В этот раз выбор пал на нарядный дээл небесно-голубого цвета с широким белым поясом. Сегодня нужно было выглядеть попрличнее, все же к сестре каана в гости идем.

Ну как в гости...

Если честно, я собиралась подкараулить Солонго у её юрты и аккуратно допросить. Наивно? Может быть. Но других вариантов хоть что-то узнать я пока не придумала. В конце концов что может случиться? Самое худшее – она нажалуется на меня своему братцу. Но это я уж как-нибудь переживу.

Расчесав гребнем слегка влажные пряди, я раздраженно замотала головой, хаотично разбрасывая их по плечам. Прикрывать длинными кудрями шрамы у меня больше не было возможности, а потому с прической теперь вообще можно не заморачиваться.

Закончив все сборы, я придирчиво всмотрелась в свое отражение в зеркале, и отправилась на очередную авантюру. Видимо жизнь без приключений – это не моё...

Шагнув за порог, я в нерешительности замерла у крыльца, оглядываясь по сторонам. Настасья упоминала, что Солонго живёт в противоположной от меня стороне – я видела там несколько больших роскошных юрт... Одна каана, а остальные видимо как раз сестры и бабушки.

Ну, была не была! Главное самому Хану на глаза не попасться.

Быстрым шагом преодолев расстояние до юрты каана, я резко свернула влево, обходя ее стороной. Стража конечно глянула на меня с подозрением, однако останавливать не стала. Порадовавшись этой маленькой победе, я замедлила шаг, пытаясь понять в какой из оставшихся двух юрт живёт Со-

лонго.

–Что-то потеряла?

Черт... Его ещё тут не хватало.

Досчитав про себя до трех, я медленно повернулась и придала лицу максимально невинное выражение.

Однако Менгуя не проняло.

–Чего ты тут забыла? Вынюхиваешь что-то? – с подозрением спросил мужчина, глядя на меня сверху вниз.

– Просто гуляю, – буркнула я, предчувствуя провал операции.

Менгуй скептически вздернул бровь.

Ну все, облом. Сейчас он отправит меня обратно, – горестно подумала я.

Но, что случилось дальше... Честно, лучше бы он за шкуру уволок меня в юрту к Хану!

Несколько неспешных шагов, и мужчина украдкой поглядывая по сторонам, зашел мне за спину. Меня тут же обдало тяжёлым мускусным запахом дыма и пота.

Через секунду я почувствовала как его рука касается кончиков моих волос и невольно дернулась от неприятной щекотки.

–Бунтуешь? – понятно хмыкнул мужчина, – Ничего, мне так даже больше нравится.

Последнюю фразу он буквально прошипел прямо на ухо, и вцепившись в корни волос, потянул мою голову назад, давая доступ к шее, которой тут же коснулся горячими, до про-

тивного влажными губами.

Я скривилась от омерзения и попыталась вырваться, но не тут-то было.

– Будешь дергаться, сделаю больно! – тут же предупредили меня, – Думаешь я не знаю чего ты тут выхаживаешь? Только вот без толку, хорошая моя! Каану ты не нужна. Да и жива все еще только потому, что по какой-то нелепой случайности духи одарили тебя великим даром, которого ты не достойна!

– Не тебе решать, чего я достойна, а чего нет! – разрываясь от ненависти и отвращения заявила я.

Менгуй хрипло рассмеялся.

– Не дерзи. Возможно я твой единственный шанс на счастливую жизнь, а ты так некрасиво ведёшь себя! Ай-яй-яй...

Тут уж я и вовсе задохнулась от возмущения.

– Ну, а что? Каану, как я уже сказал, ты не нужна. Но и из гарема он тебя не отпустит просто так. Зато я мог бы запросто попросить тебя себе в подарок. За несметные военные заслуги, так сказать.

И снова осипший, лающий смех.

Оставив в покое волосы, мужчина схватился шершавыми пальцами за шею, пытаясь протолкнуть их под ворот, второй рукой обхватив поперек талии так, что мои собственные руки оказались плотно прижаты к туловищу.

– Зачем я тебе? – тихо проскулила я, делая рваные вдохи сдавленной грудной клеткой.

– Люблю разные диковинки. К тому же твой дар может неплохо мне пригодиться.

– Не боишься, что в один момент я просто сожгу тебя?!

Моя бравада тут же утонула в мерзком смехе Менгуя.

– Оружие куда быстрее огня, Шулам. А мой меч всегда при мне, уж поверь!

Он был прав. Именно поэтому я до сих пор даже не попыталась призвать стихию. Рукоять меча, утыкающаяся в левый бок, красноречиво давала понять, что этого делать не стоит.

Когда первая пуговица на вороте поддалась пальцам Менгуя, я уже действительно начала переживать, что он меня прямо здесь изнасилует. Затащит в какие-нибудь кусты – и все, прощай девичья честь.

Но когда мужские пальцы проникли под плотную ткань, откуда-то сбоку раздался мелодичный женский голосок.

–Менгуй! А я как раз искала тебя!

Мужчина тут же ослабил хватку, а потом и вовсе оттолкнул от себя. Задыхаясь от ненависти и омерзения, я с силой потерла шею, пытаясь избавиться от ощущения чужих прикосновений. Менгуй зыркнул на меня предупредительно, и тут же повернулся в сторону окликнувшей его девушки.

–Солонго! Свет мой! Что случилось?

Из мерзкого насильника мужчина в мгновение ока превратился в обходительного обаяшку. Все ещё едва сдерживая себя от того, чтобы подпалить зад этому индюку, я перевела взгляд на девчонку.

Ничего особенного. Обычная монгольская девушка лет девятнадцати. Круглое лицо, пухлые губки, раскосые черные глаза, длинные косы. Но она все равно ощутимо отличалась от всех наложниц.

Стать и отсутствие затравленности во взгляде – вот что выдавало в ней благородную кровь.

– Ничего такого не случилось, – ответила девушка, склонив голову набок и задумчиво разглядывая меня, – Просто я хотела попросить тебя поменять привратника. Сегодня ночью он храпел на всю округу так, что целое войско смогло бы пробраться незамеченным.

Менгуй озадаченно помотал головой, проведив сквозь зубы:

– Ну все, Чимэг, ты доигрался!

Мужчина развернулся и разом забыв обо мне, быстрым шагом направился в сторону ворот, на ходу поблагодарив сестру каана за внимательность.

Едва он скрылся за одной из юрт, Солонго тут же преобразилась.

– Кара, верно? Идём! Быстрее давай, пока он не вернулся, – торопливо прошептала она, тревожно поглядывая Менгую вслед, – Ну же! Чего ты встала как вкопанная?! Или может тебе понравились его ласки?

Я брезгливо передернулась, и все еще с подозрением глядя на девушку, отправилась вслед за ней к большой синей юрте.

С чего это вдруг такая доброта к простой наложнице, да еще и к чужачке? Как-то это странно... Мне вообще стоит ожидать от нее подвоха? Из рассказов Хана выходило, что его сестра была неплохим человеком. Хотя достоверно я этого знать конечно не могу.

Так я и шла до самых дверей в ожидании чего-то нехорошего. Однако Солонго приятно удивила.

Пригласив внутрь юрты, девушка заботливо усадила меня на невысокий пуф и всучила в руки пиалу с теплым чаем.

–Пей, там травки успокаивающие – полегчает.

Сама же она предпочла кумыс. Сев напротив меня, Солонго обвела цепким взглядом мою шею со следами от мужских пальцев и растянутый воротник, после чего нахмурилась.

–Давно он к тебе пристает?

Я сделала глоток из пиалы и неопределенно повела плечами.

–Чтобы вот так, впервые. Раньше просто цеплялся, как и все остальные. Не понимаю, что на него нашло...

Солонго лучисто рассмеялась и взглянула на меня с некоторой снисходительностью.

– Ты новая игрушка. Чем дольше Менгуй пытается понять, что нашел в тебе Ерден, тем острее желает заполучить тебя себе. Он неплохой, правда. Просто всю жизнь соперничает с братом. В одно время отец даже думал сделать его своим преемником, однако кровное родство все же взяло верх. Поэтому ты для него некий недостижимый трофей.

– Недостигаемый? – тут я фыркнула, – Ну, как сказать. Менгуй ясно дал понять, что собирается попросить у каана меня, как оплату за его боевые заслуги.

Солонго озадачилась.

– Сомневаюсь, что брат просто так отдаст свою наложницу. У него их и так не много... Ни разу еще такого не было, – протянула она, болтая остатки кумыса по дну пиалы.

Я грустно хмыкнула.

– Для твоего брата я заноза в одном месте, так что не удивлюсь если вскоре он все же решит от меня избавиться.

– Да уж... Наслышана о твоих подвигах.

Тут в глазах девушки вспыхнул неподдельный интерес.

– А правда, что ты огнем повелеваешь?

– Нууу... Повелеваю, это конечно громко сказано, но кое-что могу.

Вытянув ладонь вперед, тыльной стороной вниз, я взмолилась всем богам о том, чтобы не опозориться. К моему облегчению стихия отозвалась, и на кончиках пальцев расцвел огненный цветок.

Солонго удивленно охнула и захлопала в ладоши, а потом вдруг смущенно покраснев, спросила:

– А правда, что ты моему брату постель сожгла?

Вспыхнув до кончиков волос, я возмущенно воззрилась на девушку. Пламя на ладони тут же испарилось.

– Это произошло случайно!

Она весело расхохоталась.

– Да ладно! Если б я могла, то еще не то бы братцу подпалила!

Я прыснула со смеху, представив как почтенный каан бегаёт по улусу с горящим задом.

Отсмеявшись, Солонго вдруг бросила на меня серьезный взгляд.

– Скажи Ердену о том, что Менгуй пристаёт к тебе. Пусть брат примет меры. Для каана домогательства к его наложнице – это личное оскорбление.

– Нет, – категорично отрезала я, – И ты, пожалуйста, ничего не говори ему.

– Но почему? – не успокаивалась девушка.

Я тяжело вздохнула.

– Все не так просто, Солонго. Твой брат... Я не уверена, что он поймет все правильно.

Менгуй запросто может растрепать ему и всем вокруг о том, что я сама на него вешалась. И тут уже вопрос, кому из нас поверят.

– Мне кажется ты не права... Но лезть не буду.

Солонго выглядела слегка расстроенной, и я не удержалась от вопроса:

– Почему ты помогаешь мне?

Она пожала плечами.

– Не знаю. Мне жаль тебя. Я слышана о том, как все вокруг к тебе относятся. Ты же не виновата в том, какой родилась.

Вот кажется, я должна быть благодарна за такое участие, однако на душе вновь заскребли кошки. Неприятно слышать о том, что и в этом времени ты все еще не такая, какой желает видеть общество. Я даже не белая ворона, я просто бо-родавчатая жаба...

– Я не рождалась такой. Это цена моего дара, – зачем-то призналась я, умолчав о том, что эту цену в свое время взял с меня как раз ее брат.

Девушка взглянула на меня с сочувствием.

– Ладно, мне лучше уйти. Ерден не обрадуется, застав меня здесь.

Солонго досадливо прищипнула, но все же согласилась.

– Хорошо. Но ты еще как-нибудь заходи, я буду рада.

Я благодарно кивнула и покинула ее юрту.

Что ж... Пусть я и не узнала о чем хотела, зато похоже в улусе появился еще один человек, не делающий из меня козла отпущения.

А еще новый подозреваемый...

ГЛАВА 10

Почему я сразу не подумала на него?

У Менгуя достаточно и силы и жестокости для того, чтобы убить девушек и перенести их тела на видное место. А еще, как оказалось, у него есть мотив... Банальная зависть. Он рассчитывал встать во главе улуса вместо Хана, однако не срослось. И теперь Менгуй точит зуб на нынешнего каана, всячески портя ему жизнь.

Однако, почему только русские девушки?

Вполне вероятно, что к своим соплеменницам он все же испытывает хоть какое-то чувство жалости, а вот до нас ему дела нет. Да и кто станет разбираться в смерти жалкой русской рабыни? Правильно, никто.

Ладно, допустим здесь все сходится. Но к чему тогда вся эта ритуальная лабуда про искупление? А красный порошок на пальцах у Агнеши – просто совпадение? Многовато несостыковок. Надо бы узнать, где он был на момент убийства двух прошлых девушек.

Что-то я упускаю... Мозг прямо зудел от странного ощущения – будто что-то важное выпало из моей памяти.

Так я и плелась к себе в глубокой задумчивости, не обращая ни на что внимания. Это и сыграло со мной злую шутку – глядя только себе под ноги я не заметила на своем пути

препятствие. Зато само препятствие прекрасно меня заметило... Заметило и испугалось.

С громким ржанием пегий, потрепанный жизнью конь встал на дыбы, нависнув надо мной громоздкой тенью. От неожиданности я вскрикнула и попятилась назад. Ну и конечно же не удержав равновесия шлепнулась прямо на пятую точку, пачкая светлую ткань дээла в дорожной пыли. Однако возможно именно это и уберегло мою черепушку от удара по ней мощным лошадиным копытом.

Едва конь опустился на все четыре ноги буквально в полуметре от меня, то на помощь подоспел возница – уже знакомый мне старичок, увозивший тело Агнеши из улуса.

И тут меня осенило! Я вспомнила! Глеб, он же говорил, что Менгуй питает сильную страсть к русским девушкам. Может быть парень знает что-то еще об этом?

– Эй, ты в порядке? – старичок озабоченно щелкал пальцами перед моим лицом, – Арат не задел тебя? Ты уж прости, он стар и шугается всего подряд.

Я лихорадочно замотала головой, пытаясь не упустить из головы только что пойманную мысль.

– Со мной все хорошо, не переживайте, – пробормотала я, поднимаясь на ноги.

Глядя на то, как я с ошалелым видом удаляюсь с места происшествия, возница прокричал вслед:

– Давай я хоть доведу тебя до юрты!

Но я лишь отмахнулась.

Стены юрты, в каком-то смысле уже ставшие мне родными, встретили тяжелым полумраком, пропитанным затхлостью и запахом сырого дерева. Не без труда призвав стихию, я только на пятый раз смогла поджечь несколько желтых свечей из пчелиного воска. Но и это уже прогресс, раньше у меня такое получалось не чаще чем раз в три дня.

Расставив свечи по комнате, я забралась с ногами на кровать, и принялась в очередной раз ломать мозг.

Нужно придумать как выбраться в селение и поговорить с Антипом. Только вот вряд ли в этот раз я смогу уйти незамеченной, к тому же если поймают, мне точно не поздоровится.

Тогда остается один вариант... Сделать свои вылазки легальными. Придется идти на поклон к Хану, как бы мне этого не хотелось.

Но не сегодня. Уже поздно и у него вероятно гостит какая-нибудь хорошенькая наложница, а смотреть на это у меня желания нет. Так что, здравствуй крепкий здоровый сон.

Ну, по крайней мере, я надеюсь на это.

Следующий день начался гораздо раньше, чем я того хотела. Едва рассвет пролился оранжевым светом на конусообразные крыши юрт, как моя дверь распахнулась и на пороге появилась Настасья с безумным взглядом и растрепавшейся от быстрого бега косой.

– Ты что, спишь еще?! Вставай! Они же уже приехали!

Я с трудом сфокусировала заспанный взгляд на силуэте девушки, и растерянно спросила:

– Что ты несешь, кто приехал?

– Да купцы же! Ярмарка сегодня, съедется куча народу с соседних улусов! Столько всякой красоты продавать будут, и ткани и украшения всякие! Ты что, не слышала?

Настасью буквально разрывало от радости и нетерпения. Чего я совсем не разделяла.

Потянувшись до хруста, я сквозь зевок спросила:

– А нам то что до этого? Все равно же денег нет.

– Дура ты, – фыркнула Настасья, – Там же так интересно! А вечером каан подарки всем разошлет! Я так хочу новые серьги!

Болтовня девушки прилично раздражала, и я была уже в полушаге от того, чтобы выставить ее за дверь. Но вскоре она и сама умолкла, ойкнув и сочувственно посмотрев на меня.

– Ну, что еще? – проворчала я, натягивая на себя халат.

Настасья потупилась.

– Так тебе же нельзя выходить в селение... Прости, я как-то забыла.

Поначалу я пренебрежительно закатила глаза и отмахнулась – мол все в порядке, меня это вообще не волнует. Но через несколько мгновений окончательно проснулась, и до меня дошло.

Ярмарка, это же прекрасный повод посетить селение и незаметно расспросить Антипа! Нужно срочно поговорить с Ханом!

Выхватив из сундука первый попавшийся дээл и спрятав-

шись за ширмой, я принялась быстро одеваться, попутно расспрашивая Настасью:

– А что, на ярмарку все девушки из гарема пойдут? Прямо все-все?

– Конечно! – без сомнений ответила она.

– А сам каан? Он посетит ее?

Тут Настасья подзамялась.

– Вряд ли... Обычно он отправляет слуг со списком, чтобы купили подарки для гарема, но лично сам туда не ходит. А что?

– Просто интересно, – равнодушно пожала плечами, уже одетой выйдя из-за ширмы.

– Ну, тогда я пойду, прости еще раз, что разбудила.

Очевидно, что Настасье было невтерпеж как можно скорее попасть на ярмарку.

И, конечно, задерживать ее я не стала.

Едва за девушкой закрылась дверь, я умылась, причесалась, и бодрым шагом отправилась к Хану, надеясь, что сегодня он пребывает в хорошем расположении духа.

Двое стражников, охраняющих вход в юрту каана, зыркнули на меня с неодобрением, а один из них даже прикрикнул:

– Чего пришла? Подарок с ярмарки у каана выпрашивать? Не пушу! А то поразвелось вас таких наглых, каждая вторая тут отирается! Иди говорю!

Я опешила.

Надо же... А девушки времени не теряли, уже с самого утра успели стражников довести. Вон, у одного аж глаз дергается!

– Я здесь не за этим, – как можно более спокойно произнесла я, – Мне нужно кое-что узнать у каана. Скажите ему кто пришел, я уверена, он захочет меня увидеть.

Ну, в последнем я конечно слукавила...

Стражники неуверенно переглянулись, а потом тот что молчал все время, постучал по деревянной колоде, и сунув голову в приоткрытый дверной проем, сообщил:

– Тут к вам Шулам просится. Пускать?

Судя по всему ответ был положительный, потому как стражник распахнул двери и махнул мне рукой, приглашая внутрь.

Хан лежал на кровати. В широких шароварах и распахнутом на груди халате. Руки мужчины были заброшены за голову, а взгляд вяло блуждал по потолку.

Украдкой рассматривая его фигуру, я не сразу сообразила, чего не хватает. Тату, знак Уробороса исчез с груди мужчины.

А жаль... Ему шло.

– Долго еще будешь любоваться? – довольная ухмылка приподняла уголки перечеркнутых шрамом губ.

Я тут же мысленно обругала себя всякими нехорошими словами, и отведя взгляд в сторону, произнесла:

– Прости, задумалась.

Подтянув тело повыше, Хан сел, и откинулся на ставник кровати.

– Зачем пришла?

– Мне нужно твое разрешение.

Мужчина удивился.

– Разрешение на что?

– Посетить ярмарку. И прежде чем ты откажешь, заметь – я не сбегаяю, не обманываю тебя, а по-честному прошу.

Нарочито медленно поднявшись с кровати, Хан подошел ко мне, и застыл статуей буквально в нескольких шагах.

Вид у него был не особо довольный, поэтому я сразу решила, что он откажет.

– Ясно. “ Я тут каан. Как ты смеешь меня послушаться, и прочее – блаблабла”, – недовольно пробурчала я, уже разворачиваясь в сторону двери.

– Ты можешь пойти на ярмарку.

Я замерла, не поверив своим ушам. Но Хан был абсолютно серьезен. Однако у этого великодушия были свои подводные камни.

– Со мной. Ты можешь пойти на ярмарку в моем сопровождении.

Я едва не застонала от разочарования.

Ну и какой мне смысл идти на ярмарку вместе с ним? Я же не смогу поговорить с Антипом! И если откажусь сейчас, это тоже будет подозрительно...

Пришлось выдавить из себя улыбку и склонив голову, по-

благодарить каана, восторгаясь его щедростью.

– Я отправлю за тобой прислужницу, когда буду готов.

Уныло кивнув, я вежливо попрощалась и уже собиралась покинуть юрту правителя, как он вдруг ухватился пальцами за мое предплечье, чуть ниже раны и серьезно произнес:

– Выкинешь что-нибудь, и я запру тебя в юрте до конца дней, ясно?

Я насуплено кивнула.

Убедившись, что я все поняла, мужчина перевел взгляд на плечо, где под тканью находился порез, и едва ощутимо провел подушечкой большого пальца по этому месту.

Я рефлекторно вырвала руку, ожидая болезненного отклика от раны.

– Сильно болит? – неверно понял Хан, – Извини. Я дам твоей прислужнице заживляющую пасту из трав.

Я покачала головой.

– Не нужно. Все заживает как надо. Я от неожиданности дернулась.

Недовольно прищурив взгляд, Хан процедил:

– Если перестанешь шарахаться от меня как от медведя после спячки, то может поймешь, что я не желаю тебе ничего плохого.

– Я ничего такого...

– Да брось! – перебил меня он, – Ты же каждого моего прикосновения как огня боишься, как бы нелепо это не звучало в твоём случае!

Хан развел руками и выжидающе посмотрел на меня, надеясь хоть на какую-то реакцию.

– Почему ты так боишься меня? Ни стражи, ни Менгуя, а именно меня! Что я такого сделал?

Я горько улыбнулась, едва сдерживая слезы.

– Если я расскажу, то ты не поверишь...

Развернулась и ушла, оставив Хана в недоумении гадать, что я имела в виду.

Буквально через час в мою юрту постучалась Унура, сообщив, что каан уже ожидает меня. Пришлось соскresti себя с кровати, и послушно поплестись вслед за ней, надеясь на то, что мне не устроят очередной допрос.

Хан ожидал возле ворот, держа за поводья своего вороного коня. Позади маячило двое стражников, тоже на лошадях, а чуть в стороне в открытой бричке сидели Солонго и Алтан хатун. Последняя кстати глядела на спину внука с крайним неодобрением.

Завидев меня, Солонго радушно улыбнулась и украдкой пошевелила пальцами в знак приветствия. Я не удержалась от ответной улыбки, чем тут же заслужила надменный, крайне недовольный взгляд от ее бабушки.

Улыбка тут же испарилась с моих губ.

Оставив меня рядом с кааном, Унура склонила голову, и мелко посеменила в конец процессии.

– Готова?

Я кивнула Хану, и испытал огромное облегчение от того,

что не придется ехать в одной повозке с его бабушкой, позволила посадить себя боком на коня.

После мужчина забрался сам. Стражники распахнули ворота, и мы двинулись на встречу весело гудящей площади.

Одной рукой Хан управлял поводьями, а второй крепко удерживал меня за талию. Близость его тела пробуждала целую бурю смешанных чувств, заставляя то нервно вздрагивать, то сдерживать в себе острое желание прижаться еще ближе к широкой груди.

С одной стороны, я наслаждалась этим моментом, а с другой... В голове мелькали образы того, как он каждую ночь прижимает к себе других наложниц, которые уж точно куда стоворчивее меня.

А еще, нет-нет, да и всплывала предательская мысль о том, что возможно это последние дни, когда я могу почувствовать его близость.

Казалось бы, что мне терять и чего стоит одна ночь с любимым, которого никогда больше не увидишь? Но, нет. Я знала, что если сделаю этот шаг, то уже никогда не вернусь в свое время.

Я не стану окончательно ставить крест на своей жизни. Все можно пережить. Пережить и забыть... Люди влюбляются и расстаются множество раз за свой короткий век. Вот и я не стану хоронить себя из-за одной несчастной любви.

Если бы еще на деле было бы также легко, как и на словах...

Шум и гам приближался. К радостным голосам добавились мелодии варгана и моринхура, а в нос ударили запахи кумыса и араки, к которым уже успели приложиться некоторые купцы.

Площадь была забита лавками с товаром и огромным количеством людей, будто селение в одночасье увеличилось раза в два.

Народ был шокирован нашим появлением.

Нет, не так... Все были в шоке от того, что вместе с кааном ехала я. Да и сама я если честно все еще недоумевала, с чего вдруг удостоилась такой чести.

Но назад уже не повернешь. А потому приходилось молча терпеть язвительные шепотки за спиной и презрительные взгляды.

Неужели он не мог посадить меня на другого коня? Теперь жди беды... Остальные наложницы никак не простят мне такого внимания со стороны каана.

Вот мне просто интересно, для чего он это сделал? И ежу понятно, что с этого дня все вокруг будут считать меня его фавориткой. Но к чему это?! Многие будут недовольны тем, что каан предпочел родовитым монгольским девушкам меня, уруску с испорченным лицом и плохой репутацией. Мы же оба проблем теперь не огребемся!

Но Хан был абсолютно спокоен, его как будто совсем не волновали косые взгляды соплеменников.

Тем временем весь народ вдруг разом позабыл про нас

и быстрыми ручейками начал стекаться к сердцу площади. Хан тоже направил своего коня в ту же сторону.

– Что там? – потеряв терпение, спросила я.

– Говорят, что Аян и Бат пленили в горах какого-то русского чародея.

– Чародея? – переспросила я.

Хан пожал плечами.

– Думаю это ложь. Бат любит придумывать разные небывальщицы, дабы превознести свои подвиги.

Внутри заворчалось нехорошее предчувствие. Что-то было не так... А еще, нос периодически улавливал странный сладковатый запах, что-то свежее, но одновременно слишком терпкое. Как сосновая хвоя или нагретая на солнце смола. И этот запах никак не отпускал меня, заставляя раз за разом все глубже вдыхать воздух, пытаюсь разгадать тайну удивительного аромата.

Когда народ расступаясь, пропустил лошадь каана вперед, моим глазам открылась не самая приятная картина. К высокому столбу был прикован изможденный молодой мужчина. Русые волосы пропитаны потом и кровью, рубашка на груди разорвана, а голубые глаза подернулись пеленой боли. И запах, тот странный запах стал еще ярче, и я наконец поняла, что он исходит от пленника.

Высокий, просто огромный широкоплечий детина в грязных доспехах важно выхаживал вокруг него, самодовольно вещая на всю округу:

– ... и мы бились целую ночь! Колдун насылал на меня свои дьявольские заклятья, но я все равно смог его одолеть! И теперь вся Монголия узнает, что я – Бат, пленил русского колдуна и богатыря Саяна!

ГЛАВА 11

Саян...

Неужели тот самый Саян? Не верю. Не может такого быть. Мы же изменили историю? Они не должны были встретиться!

Но разве бывают такие совпадения? Саян... Богатырь... Колдун... Получается я почувствовала запах его магии?

Неужели все зря?

Голову сковало ледяными тисками. Я была настолько растеряна, что даже не сразу заметила как Хан спрыгнул с коня и попытался снять меня.

– Ты чего? – поинтересовался мужчина, легонько дернув меня за юбку, – Уснула?

Я наконец встрепенулась.

– А? Да, нет... Просто задумалась.

Кулем соскользнув с лошади, я приняла руку Хана, и позволила увлечь себя прямо к столбу, на котором висел пленник.

– Ну-ка Бат, и мне расскажи, как ты пленил могучего Саяна! – с долей насмешки произнес Хан, приблизившись к воину, – Что за страшные заклятия он творил?

Бат сразу как-то стушевался и попробовал спрятаться в тени столба. Не вышло.

– Так что там с заклятиями? – не отставал каан.

Неожиданно вместо Бата ответил сам Саян.

Хрипло рассмеявшись, богатырь поднял голову, и глядя Хану прямо в глаза, насмешливо процедил на ломаном монгольском:

– О, я использовал страшнейшее заклятье! Заклятье глу-ности – видать от того твой воин и превратился в такого осла! Хотя знаешь, мне почему-то кажется, что он таким и родился!

Усмешка сползла с лица каана, а на челюсти отчетливо выступили желваки. Мышцы на руке под моей ладонью ощутимо напряглись.

– Этот трус не придумал ничего лучше, чем ночью подлить мне в чай настой вербены и напасть, когда усну. Так что весь его расхваленный подвиг – пустые рассказы.

Вербена? Этой же травой поил меня Хан, чтобы гасить магию...

– Ты лжешь! – взорвался Бат, набрасываясь на Саяна с кулаками, и раз за разом нанося сильные удары по его лицу.

Богатырь же смеялся как обезумевший. Зубы окрасились кровью, а левый глаз совсем заплыл, но он все равно продолжал хохотать.

– Бить связанного и безоружного! На что ты еще способен, ничтожество?!

Это уже никто не стал переводить. В целом смысл был понятен и так.

– Хватит! – громко рывкнул Хан, – Бат, отойди! А ты, следи за языком, а то быстро отправишься на корм свиньям.

Затем каан повернулся к народу.

– Все! Представление окончено, расходитесь!

Толпа недовольно загудела, однако перечить правителю никто не решился. Уже через минуту поляна у столба была чиста. Все разошлись по торговым лавкам, по пути обсуждая увиденное.

Не глядя сунув мне в руки кошель с монетами, Хан выпалил:

– Держи. Пройдись по лавкам, купи себе что-нибудь.

И ушел, приказав Унуре присматривать за мной. Похоже ему предстоял неприятный разговор с Батом.

А я так и стояла, держа на вытянутой ладони мешочек с деньгами, и не зная, что с ним делать – то ли запустить Хану в спину, то ли действительно воспользоваться внезапно свалившимся богатством.

За спиной раздалось деликатное покашливание. Обернувшись, я нос к носу столкнулась с Алтан хатун, за плечом которой мялась то краснеющая, то бледнеющая Солонго. Похоже девушке было не по себе от покрытого кровью и гематомами богатыря.

– Не знаю чем ты умудрилась завлечь Ердена, но поверь, я не позволю тебе стать официальной фавориткой, – едва сдерживая гнев, заявила женщина, а потом, ухватив меня цепкими пальцами за воротник, прошипела, – А уж если понесешь

от него, то знай, и ты и твой ублюдок быстро отправитесь на тот свет!

Выругавшись не хуже старого вояки, бабушка Хана отвернулась и направилась к торговым лавкам, утягивая за рукав Солонго. Девушка сочувственно пожала плечами и сдалась напору бабули.

– Бррр... Ну и дела, – содрогнувшись, тихо пробурчала я, и поправила перекошенный воротник дээла. На пальцах отпечаталось что-то красное.

Опустив взгляд на грудь, я заметила те же багровые следы. Да это же... Это тот порошок!

Но как? На лице Алтан хатун не было косметики. Откуда тогда краска?

От новой догадки кружилась голова. Нужно все обдумать...

Я уже собиралась сказать Унуре, что мы возвращаемся, однако вовремя вспомнила о том, для чего выбралась на ярмарку.

Лучше момента и не может быть. Хан ушел, вокруг тьма народу, только вот как мне избавиться от прислужницы?

Окинув девушку внимательным взглядом, я заметила как она косит глаза в сторону лавки с украшениями, около которой вертелись её соратницы.

А ей ведь тоже не в радость моя компания...

– Унура, – тихонько окликнула я, – У меня к тебе есть прекрасное предложение.

Девушка усилием воли оторвала взгляд от ювелирной лавки и с недовольством сфокусировала его на мне.

– Давай сделаем так – ты возьмешь сейчас эти деньги, – я достала из кошелька несколько монет, – И пойдёшь что-нибудь купишь себе. А взамен, если каан спросит, скажешь, что я все время была с тобой. Хорошо?

Унура явно сомневалась в успешности озвученной идеи.

– А если каан найдет меня раньше чем ты вернёшься? – обеспокоенно спросила она, с затаенной надеждой поглядывая в сторону веселящихся подруг.

– Тогда скажешь, что я обманом сбежала, а ты разыскивала меня все это время. В общем свалишь все на меня.

–Ладно! – спустя недолгий миг мучений согласилась она, – Но учти! Если нас поймают, я во всем обвиню тебя.

Справедливо.

–Идет.

На этой радостной ноте Унура ринулась в самую гущу ярмарки. У меня же еще оставалось одно дело здесь. Украдкой осмотревшись, я убедилась что никому нет до меня дела, и приблизилась к богатырю.

– Эй, ты жив?

Саян медленно поднял голову. Его дыхание было тяжелым и сбитым, а вместо лица оказалось сплошное кровавое месиво. Однако он сквозь вымученную улыбку выдавил:

–Чего тебе, красавица? – мужчина все еще пытался делать вид, что он в порядке.

Я фыркнула.

– Не надо лести, я такая же красавица, как и ты сейчас.

Из горла богатыря вырвалось хриплое бульканье, лишь отдаленно похожее на смех.

Присев рядом с ним на корточки, я быстро выпалила:

– Я постараюсь помочь тебе. Не знаю как, но я что-нибудь придумаю! Ты только держись, слышишь?

Саян устало покачал головой.

– Спасай себя, красавица. Мне уже ничем не поможешь.

Я лишь отмахнулась от этих слов.

– Главное, не смей умирать! Продержись неделю, все поужается и я помогу тебе сбежать.

Прежде чем мужчина опять начнет меня отговаривать, я встала и быстрым шагом покинула поляну.

На разговор с Саяном ушло не меньше пяти минут драгоценного времени. А это значит, что нужно действовать гораздо быстрее.

Подобрав юбки и привязав кошель к поясу, чтобы не мешался, я быстрым шагом направилась к реке. Если не успею к возвращению Хана, то мне точно не поздоровится.

Боже, только бы найти его!

А вдруг Антип тоже сейчас на ярмарке, и я напрасно удаляюсь от цели?

Остается только надеяться, что это не так...

Добравшись до юрты извозчика, я остановилась и закрутила головой по сторонам. Антип упоминал, что восстанов-

ливаает монгольское святилище где-то неподалеку.

Но вот где?

Так, слева у нас река, позади само селение, а спереди скотники. Значит идём направо. Попытаю счастье там.

Обогнув жилище извозчика, я рысцой побежала в сторону редких лысоватых лиственниц, за которыми и надеялась найти само святилище. Едва первые деревья остались у меня за спиной, как неподалеку послышался залиvistый смех и русская речь.

Немного притормозив, я прислушалась. Разговаривало несколько мужчин. Не сказать, чтобы я сильно запомнила с первого раза голос Антипа, но сейчас казалось, что именно он мне и слышится.

Пройдя еще немного, я наконец заметила две русые макушки за пышным кустом боярышника. Похоже парни наслаждались редкими минутами отдыха.

Времени было совсем мало. Поэтому я не стала гадать о том, можно ли доверять собеседнику Антипа, и двинулась в их сторону. Надеюсь этот парень тоже придерживается позиции – русские своих не сдают. Иначе дело дрянь. Но, как говорится, судьба любит смелых...

Когда до боярышника оставалось не больше пары метров, я предупредительно кашлянула, чтобы не напугать парней.

Оба сразу встrepенулись и закрутили головами по сторонам. А потом взгляд Антипа наткнулся на меня, скрывающуюся за зелеными ветвями куста.

– Кара... – он был удивлен, растерян, а еще похоже бесконечно счастлив тому, что это всего лишь я, а не какой-нибудь стражник.

– Привет. Мы можем поговорить?

У второго паренька буквально челюсть отвисла, когда я вышла из-за куста. Однако я не стала циклиться на этом. Мне не впервой шокировать людей.

– Ну, так что? – переспросила я, – Только у меня очень мало времени.

Антип обалдело кивнул, и похлопав своего приятеля по плечу, шагнул в мою сторону. Мы не стали далеко удаляться, а просто спрятались в тени двух растущих рядом лиственниц.

– Что случилось?

Прежде чем перейти к сути, я все-таки спросила у Антипа, не разболтает ли его друг о том, что видел меня здесь. Однако тот уверил меня, что все в порядке, и Макар свой человек.

– Тогда ладно. Мне нужно чтобы ты рассказал все, что знаешь о Менгве. Есть подозрения, что это он убивает русских девушек. Ты в прошлый раз говорил, будто военачальник сильно равнодушен к русским наложницам. Что ты имел в виду?

Антип глядел на меня ошарашено.

– Ты что, ищешь убийцу?! Сама? Так вот что ты делала у телеги с мертвой наложницей!

Парень слишком уж разэмоционировался, и чтобы сюда не сбежалась вся округа, я зажала ему ладонью рот.

– Тшшш! Чего ты так кричишь?

Убедившись, что Антип успокоился, я отняла ладонь.

– Да, я ищу убийцу. Потому что не хочу стать следующей! Давай упустим момент удивления и перейдем к сути. Иначе скоро каан поймет, что я еще и сбежала, и тогда уже он сам меня прикончит!

– Ты еще и сбежала от каана?!

– Антип!

Я уже пожалела о своей затее и готова была придушить парня собственными руками. Но слава духам он наконец-то собрался и перешел к делу.

Уперевшись рукой в ствол дерева, Антип почесал пятерней макушку, и выдал:

– Всех русских девушек, которые не попадают в гарем, всегда забирает себе Менгуй. Всегда. И говорят, что он над ними издевается. Избивает и... И не только.

Покраснев, парень опустил взгляд в землю.

Извращенец значит...

Я брезгливо поморщилась, вспоминая как Менгуй меня облапал, и представляя чем это могло закончиться.

– Как думаешь, он мог убить тех девушек?

– Он точно мог, – содрогнувшись, подтвердил Антип, – Но какой смысл ему убивать наложниц каана, если он и так может взять любую другую русскую девушку?

А в этом мне еще предстоит разобраться. Хотя сейчас у меня главной подозреваемой все же числится Алтан хатун... Но и здесь мотив не совсем ясен.

Так ничего и не ответив на вопрос Антипа, я распрощалась с ним, и бегом рванула обратно, молясь о том, чтобы моего исчезновения никто не заметил.

ГЛАВА 12

До площади оставалось не больше ста метров, как вдруг позади раздался чей-то оклик. Прямо на бегу завернув голову за спину, я увидела Макара – того паренька, что был с Ан-типом. Он вовсю махал рукой, призывая меня остановиться.

Ему то что от меня нужно?

Чуя неладное, я тем не менее замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась. Парень приблизился ко мне, и тяжело дыша, выпалил:

– Вот. Ты обронила.

В мои руки плюхнулся кошелек Хана.

Внутри все похолодело от ужаса. Как я могла его потерять? Машинально нащупав рукой пояс, наткнулась пальцами на разорванную веревку, которая когда-то и держала кошель.

– Боже! Ты даже не представляешь, как выручил меня! – облегченно воскликнула я, представляя что бы было, найди его кто-то другой.

– Пустяки, – слегка смущенно пробормотал Макар, – Я нашел его у того куста с красными ягодами. Видимо ты зацепилась за ветку, и он оторвался.

Вполне возможно...

– Не пустяки. Ты буквально спас мне жизнь, теперь я у

тебя в долгу.

Слегка приблизившись, я похлопала его по плечу и благодарно улыбнулась. Казалось бы – ничего такого, элементарный жест вежливости... Но черт-то меня дернул это сделать!

Я в один краткий миг сама себе вырыла могилу.

Все могло быть по-другому. Я бы успела вернуться, а если и не успела, то сказала бы Хану, что просто хотела прогуляться в одиночестве.

Но этому не бывать. Потому как именно в тот момент, когда моя рука скользнула на плечо Макара, со стороны раздался громкий топот копыт, и яростный крик:

– Демонов сын!

В испуге отпрянув от парня, я развернулась и заметила как в нашу сторону на огромной скорости несется всадник.

Менгуй.

Дальше все было как в замедленной съемке.

Менгуй прямо на ходу спрыгивает на землю... Его конь молнией проносится мимо нас с Макаром, всколыхнув упругим потоком воздуха мои кудри... В руках военачальника появляется большой кинжал... Свист... И оружие по рукоять вонзается в грудь парня...

Мой крик наверное был слышен даже на площади. Схватившись за голову, я упала на колени.

– Что ты натворил?! Зачем?! Зачем ты убил его?!?!

Я не понимала что происходит. Я не хотела ПОНИМАТЬ то, чему только что стала свидетелем!

Пытаясь унять дрожь в пальцах, я прикоснулась к обескровленной руке Макара, наивно надеясь, что он сейчас очнется.

Но нет...

Кинжал торчал прямо из сердца парня – с такими ранами не выживают.

Я как китайский болванчик ошеломленно мотала головой из стороны в сторону.

Какого черта?!

Вместо разъяснений Менгуй всей пятерней вцепился мне в волосы и резко дернул вверх, поднимая на ноги. Я громко зашипела, почувствовав нестерпимую боль в затылке.

После он не отпуская волос, выплюнул мне прямо в лицо:

– Пригрели на груди змею! Да как ты посмела предать своего каана?! Блудница!

Мужчина еще сильнее натянул волосы. Слезы брызнули из глаз, и я взвизгнула.

– Что?! Да что ты несешь?! Я ничего такого не делала!

– Она еще спрашивает! – взревел военачальник и как куклу швырнул меня на землю.

Из груди вышибло весь воздух, и я свернулась калачиком, закрывая руками лицо, в страхе, что Менгуй на этом не остановится.

– Хватит! Не трогай меня!

– С чего вдруг?! Ложишься под всех подряд, а я должен тебя жалеть?!

Голос военачальника буквально сочился ядом.

Так вот в чем дело! Он решил будто бы я с Макаром... Но это же бред!!! Да я знаю его не больше пяти минут!

Вот только кто мне поверит?

Остроносые сапоги Менгуя остановились прямо напротив моих глаз, и я сжалась в комок, ожидая удара. Сплюнув на землю в опасной близости от моей головы, мужчина вдруг громко свистнул.

Неподалеку тут же раздался цокот копыт, и лошадь Менгуя покорно вернулась к хозяину.

– Пусть теперь каан решает твою судьбу! – выдал он, и подхватив меня поперек талии, быстро забросил на лошадь, после чего вскочил и сам. Стегнул по пятнистому крупу коротким хлыстом, и лошадь оглушительно заржав устремилась в сторону площади.

– Посмотрим, станет ли каан спасать блудную девку! – прошипел мне в ухо Менгуй, – Никто за тебя не заступится, Шулам! Но ты не переживай, я так и быть, выкуплю тебя у Ердена. Даже заплачу, так сказать за ущерб, если понадобится.

Мужчина самодовольно захохотал, и еще раз стегнул лошадь. А у меня буквально отвисла челюсть от открывающихся перспектив.

Вот почему он так зацепился за мою “порочную” связь с Макаром! Менгуй судя по всему решил, что это прекрасный шанс пополнить меня в свою коллекцию...

Боже, но это же просто бред! Неужели Хан ему поверит?

Скачка была просто сумасшедшей. Судорожно вцепившись в шею животного, я лихорадочно пыталась придумать как спастись. Но ситуация была безвыходной. Спрыгнуть с лошади не получится, на такой скорости я разобьюсь на смерть, да и мертвая хватка Менгуя не позволит этого сделать.

– Зачем тебе это? – спросила я, перекрикивая ветер, – Неужели ты настолько завидуешь Ердену?

– При чем тут зависть, дура! – разозлился мужчина, – Я должен был стать кааном. Я, а не этот убудок! Он одним лишь появлением на свет опозорил весь наш улус! Но отец Ердена так любил эту русскую рабыню, что даже ребенка от нее решил оставить и в итоге сделать своим преемником! Я столько лет был его правой рукой, и что в итоге? Чем он отплатил?! Отдал улус этому бастарду! Я заберу у него все, что ему дорого, помяни мое слово!

– Это ты убивал русских наложниц? – вдруг вырвалось у меня.

Не знаю почему я в открытую решила спросить, но вопрос ввел Менгуя в недоумение.

Громко фыркнув, он с ехидством ответил:

– К чему мне резать русских баб, если с ними можно сделать и что-нибудь более приятное?

И сам засмеялся своему “остроумному” ответу.

Меня передернуло от омерзения.

Урод.

В сотый раз за последние минуты, пытаюсь, призвать стихию, я вновь и вновь терпела фиаско. Огонь ни в какую не хотел идти на контакт. Идиотская магия! Зачем она вообще нужна, если я даже себя защитить не могу?! Поджечь бы Менгую сейчас его причинное место, да скинуть с лошади!

Едва я успела об этом подумать, как сумасшедшая скачка сошла на нет, и лошадь Менгуя остановилась прямо около того столба, на котором совсем недавно висел Саян.

Даа... Жизнь конечно любит надо мной посмеяться. Еще полчаса назад я собиралась спасти Саяна, а теперь сама буду на его месте.

Однако Менгуй не счел нужным приковывать свою добычу к столбу.

Сдернув с лошади, он сбросил меня на землю, и подобрав с земли толстую цепь, обернул вокруг тела в несколько раз. Оба конца цепи остались в его руках, и теперь я буквально была марионеткой военачальника.

На поляне уже начал потихоньку собираться народ, заинтересованный новым представлением. Вскоре кто-то рассказал о происходящем каану, и тот молнией ворвался на поляну, расталкивая толпу зевак.

– Какого демона здесь происходит?! Что ты себе позволяешь, Менгуй?! Отпусти ее!

– А происходит то, Ерден, что одна из твоих наложниц посмела предаться распутству со своим соплеменником! Я

поймал их у реки. Ее любовничка я убил на месте, а судьбу девки решать тебе.

Хан резко остановился, неверяще вглядываясь в мое лицо, и периодически переводя взгляд на Менгуя.

– Ничего такого не было!! – не выдержала я, – Он все врет! Я знала того парня не больше пары минут! Он просто вернул мне кошелек, который я обронила!

Менгуй тут же натянул цепи, и я закричала от боли, ощутив как трещат собственные ребра.

– Ты должна была все время находиться с Унурой, где она? – напряженно спросил Хан.

На лице мужчины читалось отвращение и гнев. И лишь на дне черных глаз все еще немного плескалось сомнение.

– Она..

Договорить мне не дали.

– Унура!

На рык каана из толпы тут же выбралась перепуганная насмерть прислужница. Поклонившись почти до земли и заискивающе заглядывая ему в глаза, Унура поведала:

– Ваша наложница сбежала, господин! Клянусь, я все это время искала ее, но она как сквозь землю провалилась! Прошу, пощадите!!!

Вот черт! Я же сама велела все сваливать на меня. Но я же не знала, что меня обвинят в ТАКОМ!

Девушка, рыдая, упала каану в ноги.

Хан тут же отмахнулся от нее как от надоедливой мухи, и

обойдя дугой, остановился прямо возле меня.

Он ничего не говорил, но один его тяжелый, мрачный взгляд бил наотмашь не хуже хлыста.

– Я не виновата... – сквозь слезы прошептала я, прикрывая веки.

Он не поверил мне.

– Разве блуднице место в гареме каана? – торжествуя, спросил Менгуй.

Я вздрогнула, услышав как толпа согласно заулюлюкала.

– Место ей на виселице! – и вновь публика одобрительно загалдела, а Менгуй ехидно добавил, – Если конечно кто-нибудь не захочет искупить ее грех монетами! Ну, есть желающие?

Конечно, все мужчины молчали. И я знала что будет дальше, только вот от этого знания хотелось выколоть себе глаза.

Изобразив сочувствующий вдох, Менгуй как по сценарию выдал:

– Никто не поможет. Знаешь, Ерден, мне жаль эту калеку. Пожалуй я готов сам...

Но военачальник не успел договорить.

– Я сам накажу ее за бесчинства.

Менгуй онемел. Похоже он не ожидал такого поворота. Как и собственно вся толпа.

Я непонимающе взглянула на Хана.

Что происходит... Он пытается меня спасти, или же решил собственноручно отомстить за якобы “измену”?

– Что это значит, Ерден? – наконец подал голос изумленный Менгуй, – Как это, ты сам ее накажешь?

Хан развернулся к народу.

– Оскорбление было нанесено мне лично. Улуса это не касается, а значит я сам разберусь с этой наложницей. Отпусти цепь!

– Да разве так можно! – возмутился Менгуй.

Он был просто в бешенстве из-за того, что срывается весь его план.

– Она выйдет сухой из воды, и остальные наложницы будут думать, что тоже могут предаваться распутству! Так не делается, Ерден!!! Неужели девка так хороша в постели, что ты готов простить ей измену?

– Ты забываешься, Менгуй! Перед тобой каан, а не твой подчиненный! – разозлился Хан, – Ты уже дважды за сегодняшний день ослушался моего приказа! Немедленно отпусти наложницу.

И Менгуй сдался. В тот же миг он нехотя отпустил цепи, и я рухнула на землю, задыхаясь от кашля и теряя сознание.

ГЛАВА 13

– Да шевелись же ты! Вот безрукая, и за что мне только наказание такое!

Едва сдерживая раздражение, я с громким стуком опустила котелок с похлебкой на землю, расплескав добрую четверть на свой подол и туфли.

– Да что ж ты творишь, то! Поглядите, вся похlebка на земле! – повариха устрaшающе потрясла перед моим лицом деревянной лопаткой, выпачканной в каком-то соусе, – Сегодня опять будешь работать без обеда!

Как и всю прошедшую неделю... Такими темпами я скоро насквозь просвечиваться стану.

Да, вот уже целый месяц я каждый день с утра до вечера работала на кухне. Таково было мое наказание. Работа конечно была далеко не легкой, но я не жаловалась, понимая, что альтернативой ее была бы казнь или постель Менгуя.

И еще неизвестно, что хуже.

Да и поддерживали мысли о том, что это не надолго. Вот найду убийцу и сразу домой. Главное чтобы уроборос не зартачился...

Присев на невысокую скамью, я до хруста выгнула уставшую спину, и твердо произнесла:

– Еще один такой котел, и я упаду. Мне нужно хотя бы

немного отдохнуть.

Моей начальнице это конечно же не понравилось.

– Отдохнуть ей надо! Нет, ну вы только поглядите на нее! От чего ты устала, милая? По чужим койкам скакать?

Все работницы кухни тут же взорвались смехом, бросая на меня ехидные взгляды.

К сожалению весь улус теперь знал о моем “грехопадении”. И плюса к моей и так сомнительной репутации это конечно же не добавляло.

– Устала от котлов? Замечательно! Тогда вот тебе корзина и вперед за яйцами в курятник.

У ног тут же плюхнулась огромная корзина из краснотала, вызвав у меня тяжелый вздох отчаяния.

Нет, со стороны наверняка кажется, что принести яиц гораздо проще чем таскать тяжеленные котлы. Однако не все так просто. Курятник находится на скотном дворе, а идти до него не меньше километра, да еще и в гору! И яиц будет не пара десятков, а целая сотня. Накормить-то нужно весь гарем, каана с семьей, да еще и приближенных воинов.

Пока доберешься к этим курицам... Потом соберешь яйца, каждую минуту опасаясь, что какая-нибудь пернатая тебя клонет... Да и дотащить их на кухню не побив, это тоже отдельный квест, я вам скажу!

Так что я была не в восторге.

Во всем этом был лишь один плюс – мне разрешали выходить за пределы владений каана. И я надеялась, что это

может пригодиться в поимке убийцы.

Страхнув с подола капли супа, я подхватила корзинку и под неодобрительным взглядом главной поварихи покинула кухню, раскинувшуюся под большим белым шатром.

После того как Менгуй отпустил меня, я вырубилась. То ли от пережитого страха, то ли от количества кислорода, резко хлынувшего в легкие. Очнулась уже в своей юрте.

И Хан тоже был тут.

– Сколько я провалялась так? – спросила я, заметив перед собой напряженную спину, обтянутую темно-бордовым дээлом.

Хан пожал плечами.

– Не знаю, не долго.

Повисла немая пауза.

Вот как мне объяснить ему, что я ни в чем не виновата?

Я медленно поднялась, и обойдя кровать, присела напротив него.

Мужчина упорно прятал от меня взгляд и мне это показалось странным. Создавалось впечатление, что он делает это от стыда или смущения.

– Ты ведь этого не делала, да? – неожиданно спросил он, на долю секунды опередив меня.

Я опешила.

– Нуу... Да. Я собственно это и хотела сказать. Менгуй все выдумал, тот парень – Макар, он просто вернул мне кошелек, который я обронила. А твой военачальник это увидел

и нафантазировал невесть что, – тут я замялась, думая, сказать обо всем остальном или нет. Но в итоге решилась, – Я знаю, что ты вряд ли мне поверишь, но все же скажу. Менгуй изначально все это затеял, чтобы выкупить меня и досадить тебе...

– Я верю.

Ого... Так просто?

– Прости за то, что он сделал с тобой. Если бы я был рядом, то не допустил бы такого.

У меня чуть глаза на лоб не вылезли. Хан, вот этот Хан, который правитель улуса – извиняется передо мной?! Однако мужчина был абсолютно серьезен. Поэтому я проглотила весь свой шок, и торопливо выпалила:

– И ты меня прости. За то что сбежала. Поверь, я не собиралась делать ничего предосудительного.

Хан горько хмыкнул.

– Сам виноват. Знал ведь, что ты выкинешь что-то подобное. Не стоило брать тебя на ярмарку, но я подумал, что тебе там понравится... Хотя, похоже ювелирные безделушки не были твоей целью. Признаешься зачем ты так стремилась в селение?

Я кивнула.

– Признаюсь. Если ты расскажешь, как понял, что я невинна.

От насмешливого взгляда в уголках его глаз тут же появились морщинки, и я вновь задумалась о том, на сколько же

лет я задержалась, попав в воронку уробороса позже Хана.

– Ты бы не стала спать с первым встречным.

Моментально вспыхнув, я нахмурилась, чем еще больше повеселила Хана.

– Я говорю это не потому что так сильно уверен в твоей верности. Просто для тебя в принципе делить одну постель с мужчиной – это самый большой страх. Разве не так?

Слышать все это было неприятно, и я распалилась:

– Нет, не так!

Рука Хана скользнула мне за спину.

– Не так значит?

Мужчина откинулся на кровать, увлекая меня за собой. Теперь получалось, что я буквально лежала на нем.

– Я же вижу, что ты тоже что-то чувствуешь ко мне. Просто страх сейчас сильнее, – прошептал он.

Я молчала. Глупо было отрицать очевидное.

– Дело не только в страхе, – прошептала я в его приоткрытые губы, – Ты... Ты даже не представляешь каковы настоящие причины.

– Так расскажи мне.

Рука исчезла с талии чтобы тут же прижаться к моей щеке.

Я прикрыла глаза, наслаждаясь теплом его ладони на своей коже. Но продолжалось это недолго. Хан все еще ожидал ответа. С огромным сожалением отняв его ладонь, я перекатилась и встала с кровати.

– Скажи, ты бы смог оставить улус, своих родных, и сбе-

жать со мной? Далеко. Настолько далеко, что ты даже вообразить себе не сможешь это место.

Хан приподнялся на локтях и непонимающе посмотрел на меня.

– Ты хочешь вернуться на родину?

Я грустно хмыкнула.

– Не совсем... Но это неважно. Не имеет значения куда мы сбежим, главное то, согласен ли ты вместе со мной покинуть родные края и свой народ.

И ответ не потребовался. Я и по глазам прекрасно видела, что это предложение кажется ему диким.

Печально улыбнувшись, я сказала:

– Вот видишь, здесь наши дороги расходятся. Поэтому не стоит беречь душу, подпуская друг друга слишком близко.

– Ты в любом случае уйдешь из улуса... – наконец понял он, – Со мной или без меня, не имеет значения.

– Уйду, – подтвердила я, – Даже если ты запретишь... Даже если посадишь на цепь. Поверь, я найду способ.

Хан встал на ноги и приблизился ко мне. Взгляд был задумчивым и мрачным.

– Так почему ты до сих пор здесь? Что-то же тебя держит, если не я...

И этого я тоже не стала скрывать.

– Не могу уйти пока не найду это чудовище, убивающее девушек. Я потому и сбежала с ярмарки. Пыталась узнать у одного знакомого про Менгуя.

– При чем здесь Менгуй? – не понял Хан.

– По началу я думала, что это он убийца. Но оказалось что нет, Менгуй сам мне об этом сказал.

– С чего ты взяла, что он просто так скажет тебе правду?

Похоже Хан тоже допускал, что его военачальник способен на такие зверства. Ну хоть сейчас не списывает все на высшие силы. Уже подвиг.

– Он сказал это в момент своей крайней откровенности, сразу после того, как поведал о ненависти к тебе. Не думаю, что Менгуй бы соврал об убийствах, при этом признавшись, что собирается всеми способами испортить тебе жизнь. К чему это? Преступление против правителя куда серьезнее, чем убийство русских рабынь. Да и если он все-таки был бы убийцей, то и меня вероятно не стал выкупать, а просто-напросто убил.

Хан пожал плечами.

– Не знаю... В любом случае, держись от него подальше. Нас с Менгуем растили почти как братьев, но я всегда знал, что он недолюбливает меня. Правда не подозревал насколько. Похоже сейчас его цель это ты. И он не успокоится пока не поймет, что сделал мне больно. Нам стоит сделать вид, что я поверил в твою измену и действительно спас тебя лишь для того, чтобы отомстить за предательство.

– Но как?

– Минимум личного контакта. И видимо придется отправить тебя на какие-нибудь работы в наказание, – мужчина

задумался, – Скотники это слишком тяжело... Значит остаётся кухня. Будешь помогать там.

Я согласно кивнула, не видя в этом ничего зазорного.

– И ещё. Отдельная юрта наложниц теперь не соответствует твоему статусу, люди не поймут, если я оставлю тебя здесь. Будешь жить вместе с остальной прислугой, только умоляю! Держи себя в руках и не устраивай поджоги!

Тут я немного расстроилась, не очень хотелось терять уединенное жилище. Но виду конечно подавать не стала. Надо же – неженка какая! Отдельные апартаменты ей подавай!

– От меня это не всегда зависит, но обещаю, буду осторожнее с огнем, – пообещала я.

– Хорошо. Тогда собирай вещи, завтра утром тебя отведут в юрту для прислуги. С этого дня твое положение в гареме неоднозначно. Ты будешь жить на правах обычной прислуги, однако официально я не лишал тебя статуса наложницы. Надеюсь этого пока хватит, чтобы никто тебя не трогал.

Возникать я не стала, план меня вполне устраивал.

Больше нам было нечего сказать друг-другу, и тяжелое молчание наэлектризованным облаком зависло над нашими головами. Уходить же Хан почему-то не торопился.

– Что-то не так? – спросила я, когда эта немая сцена стала уже до неприличного долгой.

Мужчина поднял руку и едва ощутимо коснулся завитка волос на моем виске.

– Не могу уйти от тебя, – прошептал он, – И зачем ты

только появилась в моей жизни...

Если бы только он знал.

– Чтобы ты не потерял свою душу, – едва слышно прошептала я на своем родном языке, касаясь губами его щеки и одновременно подталкивая в сторону выхода, – Уходи. Не стоит давать людям повод для сплетен.

И он действительно почти ушел. Однако перед тем как толкнуть дверь, вдруг притянул меня к себе и почти до боли прижался к губам, сорвав с них невольный стон.

И ушел, прошептав напоследок:

– Пусть у меня будет хотя бы этот поцелуй.

Больше мы не виделись. Даже случайно. Возможно потому что всячески избегали друг-друга, а может просто сама судьба решила сжалиться над нами.

Выйдя за ворота, я сразу свернула на тропинку, ведущую к скотникам. Поросшая пыреем узкая дорожка медленно, но верно переходила в крутую гору, преодолеть которую, как всегда, оказалось непросто. Тем не менее до курятника в этот раз я добралась довольно быстро. Тому поспособствовали старые остроносые тапки, выданные кухаркой на смену моим хоть и красивым, но совсем неудобным туфлям.

Скотный двор был обнесен невысокой оградой из частогокола и состоял из множества смежных загонов с овцами, коровами и лошадьми. В самом дальнем углу расположился небольшой хозблок с инвентарем и собственно сам курятник.

Немного поскандалив с квочками, я наложила полную корзину яиц и потащила ее на кухню, ворча и пыхтя как старая бабка.

А это еще что такое?

Я в ступоре застыла посреди тропинки не веря своим глазам. Сквозь живую можжевелевую изгородь за курятником, пугливо озираясь, кралась Солонго.

Что делать сестре каана в скотниках?

Шагнув обратно в тень навеса курятника, я быстро спряталась от глаз девушки, осторожно наблюдая за ней из-за угла.

Солонго явно не желала быть замеченной.

С трудом продравшись сквозь колючие кусты, девушка отряхнула цветастую юбку, и согнувшись в три погибели, посеменила к хозблоку.

Да, чем дальше тем интереснее.

Тихонько отставив корзинку на пол, я тайком проследовала вслед за Солонго, которая уже успела скрыться за широкой деревянной дверью. Пришлось притаиться у задней стены постройки, прильнув щекой к большой щели между досками. Видно было плохо, но силуэт девушки я сумела рассмотреть. Она нервно расхаживала из стороны в сторону, то и дело покусывая указательный палец правой руки.

Минут пятнадцать вообще ничего не происходило. Солонго все также металась от одной стены к другой, а я изо всех сил пыталась не создавать шума. И вот, когда я уже

собиралась зайти к ней и в открытую узнать, что происходит, раздался сигнал горна, созывающий работников на обед. Услышав его, девушка тут же встрепенулась и притаилась за стойкой с инструментами. Вскоре дверь с тихим скрипом приоткрылась, и на порог легла большая мужская тень.

– Солонго, ты здесь? – тихо спросил знакомый голос, слегка коверкая слова русским акцентом.

Девушка сразу же выскочила из-за стойки и бросилась мужчине на шею.

– Саян! Ты пришел!

Я едва не застонала от ужаса.

О нет... Только не это.

ГЛАВА 14

– Я же обещал! – Саян подхватил девушку на руки и прижал к своей груди, – Но у нас мало времени. Я сказал сторожиле что вилы затупились, и он отпустил поменять их. Вскоре меня начнут искать.

Солонго умоляюще взглянула в его глаза.

– Прошу, давай сбежим! Сегодня же, слышишь?!

Да что она творит?! Хан убьет их обоих!

– Нельзя, свет мой, не сейчас. Придет время и мы обязательно убежим, обещаю. А пока наберись терпения и главное, береги себя.

Мужчина был непреклонен.

– Ты веришь мне?

Солонго расстроено всхлипнула.

– Верю. Но не могу смотреть как они истязают тебя. Почему твоя одежда снова в крови?

– Потому что здесь я просто раб, Солонго.

– Это нечестно! Бат поступил подло! Он не побеждал тебя в честном бою, да и за что тебя вообще пленили? Бат своим поступком не принес ни богатств ни новых территорий улусу!

Мужчина снисходительно усмехнулся.

– Тебя растили вдали от крови и грязи войны, свет мой.

Ты прости, но твоим сородичам не нужен повод для того, чтобы взять в плен или даже убить. Бат просто хотел показать всем, что смог победить русского богатыря. Он желал славы.

– Но Ерден не такой! Я могу поговорить с ним, он поймет! Саян покачал головой.

– Может твой брат и лучше остальных, но он не пойдет против своих воинов ради простого раба.

Тут Саян был прав...

Они еще немного постояли в обнимку, и богатырь ушел, жадно прижавшись к губам Солонго на прощание. Девушка покинула хозблок минут через пять после него.

Выждав пока ее тоненькая фигура скроется за можжевелевой оградой, я наконец выскочила из своего укрытия и стремглав понеслась к курятнику. За всеми этими событиями я совсем забыла о своих обязанностях, а оставаться еще и без ужина мне сейчас никак нельзя.

Однако от дурных мыслей и предчувствий меня это не избавило.

Как так вышло? Саян чуть больше месяца в улусе, когда они успели? Неужели все снова повторится... Боже, я не должна этого допустить! Иначе все жертвы были зря.

Вот черт. Похоже мне придется задержаться здесь немного дольше чем хотелось. Что теперь делать со всем этим? Хану ничего не скажешь, а сама я вряд ли отговорю эту парочку от побега.

Добравшись до кухни значительно позже чем должна была, я отдала поварихе яйца, получила долгожданный перекус и под ее непрекращающееся ворчание отправилась начищать посуду.

Не прошло и получаса как мне на колени плюхнулась грязная вонючая тряпка.

– Эй, ты!

– Я не глухая, можно было и словами обойтись! – не выдержав, огрызнулась я.

Повариха лишь фыркнула.

– Нургуль заболела, так что отнесешь ужин Алтан хатун вместо нее! И побыстрее! После можешь быть свободна.

Я попыталась возразить:

– Не думаю, что это хорошая ид...

– Я твоего мнения не спрашивала! Будешь пререкаться, отправлю на огород пахать!

Развернув громоздкий зад, повариха поковыляла обратно к своим котелкам. Не удержавшись, я показала ей в спину язык.

Пфф... Да пожалуйста! Отнесу я этот чертов ужин, только сама потом будешь недовольства от старухи выслушивать.

Психанув, я бросила тряпку в глиняный таз с грязной водой, и моментально получила отдачу в виде кучи вонючих брызг в лицо. Скривившись, утерлась рукавом и подхватив разнос с едой, потопала к Алтан хатун.

Стража у ее дверей сперва не желала меня впускать, од-

нако после того как я сказала, что меня отправили на замену Нургуль, двери нехотя распахнули.

Бабка Хана, как обычно, сидела за шитьем, не замечая ничего вокруг. Кашлянув пару раз для приличия, и не увидев никакой реакции, я с громким стуком опустила разнос на тумбу у входа.

Алтан тут же подслеповато заозиралась, пытаясь найти источник шума. И когда мутный взгляд остановился на мне, бабка Хана гневно поджала тонкие губы, процедив:

– За каким лешим ты сюда явилась? Разве Ерден все еще не вышвырнул тебя на корм свиньям?

Я закатила глаза.

– И вам доброго дня. Не спешите проклинать, я всего лишь принесла ужин. Нургуль захворала, так что я ее временная замена, – я подняла разнос с тумбы и двинулась к кровати, на краю которой сидела женщина, – И нет, меня не отдали на корм свиньям, пока я просто работаю на кухне на правах обычной прислуги.

Пусть бабка думает, что Хана и меня больше ничего не связывает.

Оставив еду на прикроватном столике, я заметила под ним несколько плашек с разноцветными порошками.

Вот оно!

Осознав, что уже с минуту молча пялюсь на пол, и это явно выглядит странно, я сделала вид, что поправляю тарелки на разносе, и как бы невзначай поинтересовалась:

– А что это такое у вас под столом? Никогда раньше не видела подобного...

Алтан хатун посмотрела под стол и звонко прицокнула языком:

– Бестоковая! Это ж красящий порошок. Ты что, не знаешь как краски делают? Разводят порошки, а потом рисуют, ткани красят, посуду, да много чего. Ты что, совсем из глубинки что ли?

Все я знаю, старая ты перечница! Не пойму только одного, ты девчонок прирезала или нет...

– А вам они для чего?

Она покрутила перед моим носом длинной желтой ниткой.

– Пряжу крашу.

Так вот оно что!

– Все, иди отсюда, а то и так уже весь аппетит испортила!

Старуха замахала руками, прогоняя меня как какую-то муху.

Да, с радостью.

Выпорхнув из юрты, я помчалась туда, где могла спокойно все обдумать.

К огромному сожалению, мне уже почти месяц приходилось жить в змеюшнике из десяти недолюбливающих меня гадюк. И единственным убежищем стала старая корявая сосна на краю лагеря, на ветвях которой я теперь и проводила все свободное время, возвращаясь в юрту только ко сну. Ту-

да я отправилась и в этот раз.

Добравшись до места, привычным жестом подвернула юбку, и вскарабкавшись по стволу, забралась на самую толстую ветвь.

Да, денек однако был насыщенным... Сколько я не пыталась отвлечься на красоту приближающегося заката, голова все равно гудела от дурных мыслей, а душу терзали сомнения.

Насколько верна моя догадка по поводу Алтан хатун? И главное, что делать если подозрения действительно не беспочвенны? Заявиться к Хану и рассказать о том, что его бабушка жестокая маньячка? Сомневаюсь что он мне поверит. Тем более что из улик только красящий порошок, который кроме меня на пальцах Агнеши никто и не видел.

Однако старуха не могла сама убивать и таскать тела из одного места в другое. Не в ее возрасте и комплекции. У нее явно должен быть пособник.

Кто-то из воинов? Вероятно... Но как мне вычислить точно? И если я права, то какой у нее мотив?

Боже, у меня сейчас голова взорвется! А ведь еще нужно что-то решить с Солонго и Саяном.

Хану понятное дело о них не расскажешь, Солонго слушать явно не станет, да и что я ей скажу? Правду о своем путешествии в прошлое? Ну да, конечно.

Значит надо убедить Саяна. И сделать это как можно скорее. Неизвестно когда эта сумасшедшая парочка соберется

бежать. Он же колдун, верно? Должен поверить в Уробороса и все остальное. А если нет... А если нет, то буду импровизировать.

Вернувшись к себе в юрту далеко за полночь, я надеялась что все уже давным-давно спят. Но мои надежды не оправдались, серпентарий был куда бодрее обычного. Соседки что-то увлеченно обсуждали, облепив кровать одной из девушек.

Досадливо поджав губы, я постаралась как можно более незаметно прошмыгнуть к своей койке. Но все же получила в спину:

– Ой, смотрите-ка кто у нас тут! Фаворитка котлов и поварешек!

Юрта взорвалась женским смехом.

Вот поэтому мне приходится возвращаться когда все уже спят.

Стараясь не реагировать на тычки и подколки, я с напускным спокойствием начала расправлять постель и готовиться ко сну. И у меня даже вполне себе неплохо получалось, пока одна из соседок не вякнула ехидным голоском:

– Странно, что наша хатун еще не убедила каана отдать тебя на потеху воинам. Но ты сильно не радуйся, ты не первая русская наложница, которой Алтан устраивает от ворот поворот! Так что твои дни сочтены, страшила!

Снова залп смеха.

Ну, и конечно меня это задело. Нарочито медленно развернувшись к этим гадюкам, я произнесла:

– А ну повтори, – мой голос был предельно спокоен, но это похоже и напугало соседок.

На их лицах застыл ужас. Все они пялились на меня как на дьявола во плоти. И тут я уже начала догадываться, что вряд ли дело в моем убийственном тоне. Но окончательно все поняла, когда заметила в глазах близстоящей девушки отблеск огня.

– Погаси его! – пугливо взвизгнула она, – Каан тебя уже не спасет, если навредишь нам!

Я опустила взгляд вниз, ожидая, что пламя, как всегда, вспыхнуло на ладонях, но ничего не заметила. И лишь завертевшись вокруг своей оси в поисках источника, поняла, что горят кончики моих волос.

Ну супер. Такого шоу я еще не устраивала. Черт бы побрал эту магию! Одни беды от нее!

Погасить огонь самостоятельно, как обычно, не получалось, так что оставалось ждать, когда он погаснет сам. Ну, я и решила не терять возможность разговорить этих дур.

– Я не трону вас, если скажете что имели в виду. Что значит, я не первая, кому хатун дает от ворот поворот? Разве не каан решает судьбу наложниц?

Девушки молчали, прячась друг к другу за спины. Тогда я сделала резкий выпад вперед, устрашающе протягивая к ним руки, как будто собираюсь сжечь.

– Стой!!! – заверещали они хором, – Мы расскажем! Все расскажем!

Я тут же сделала шаг назад и сложила ладони на груди, выжидаяще глядя на них.

Соседки собирались с духом, переглядываясь и решая, кто начнет рассказ. В итоге смелее оказалась та, что визжала громче всех.

– Батюшка Ердена сильно любил одну русскую рабыню. Людмилу. Так сильно любил, что сначала сделал ее своей наложницей, а потом и вовсе фавориткой. Поговаривали даже, что он хотел и жениться на ней. Когда родился Ерден, Людмила умерла в родах, и Алтан хатун потребовала, чтобы ба-старда отправили на тот свет вместе с матерью. Однако прошлый каан вступился за сына, пойдя против ее воли. Со временем Алтан вроде смирилась и даже полюбила внука, но с того момента русские наложницы подозрительно часто стали пропадать и сбегать.

– Многие думают, что это сама хатун их выдворяет, не желая подпускать русских девок к сыну и внуку! – влезла в рассказ остроносая девчонка лет шестнадцати, – А как Ерден стал кааном, так она и вовсе как цепная собака стала. Теперь уже не только уруски стали не в чести, но и все остальные, кто не имел монгольских корней. Думаю, она боится, что наследник Ердена может не иметь и четверти нашей крови, ведь сам каан лишь наполовину монгол!

А вот и мотив...

Получив долгожданный ответ, я просто молча отправилась постель, предварительно убедившись в том, что волосы

уже потухли.

Соседки еще немного постояли, недоумевая моей реакции, а потом тоже разошлись по кроватям. Лишь изредка до меня еще доносились их шепотки. Похоже девушки были шокированы проявлением стихии, и до сегодняшнего дня вообще не особо верили тому, что я имею какой-то дар.

Ничего, теперь может хоть думать начнут, прежде чем что-то сказать мне.

Повернувшись на бок, я натянула на себя одеяло и прикинулась спящей. На деле же сон не шел. Хотелось сорваться и побежать к Хану, рассказать ему все. Но я конечно понимала, что это не лучшая идея.

Вот и приходилось нервно теревить край одеяла, переворачивая в голове все, что узнала за последнее время.

Оказывается русские девушки пропадали задолго до того как Хан встал во главе улуса. Неужели ни он, ни его отец не догадывались, что наложницы исчезают не сами по себе? Вероятно все списывали на наш строптивый нрав...

Получается, по началу Алтан просто в тихушку высылала девушек за пределы улуса, а когда речь зашла о будущем наследнике Ердена, то она решила действовать уже куда решительней. Весь этот ритуальный подтекст убийств... Она хотела показать ему, что духи против его связи с русской кровью. Отсюда и бред про искупление. Якобы их смертями он и искупает эту связь.

Боже... У старухи явно не в порядке с головой. Как так

можно? И ведь не докажешь ничего!

Нужно найти того, кто делает для нее всю грязную работу. Только так я смогу вывести хатун на чистую воду.

ГЛАВА 15

Следующие десять дней прошли до неприличия бестолково. Алтан таки пожаловалась на то, что я с ней якобы “дерзила”, и потребовала наказания. И знаете какого? Меня отправили на выделку овечьих шкур!

Нет, по началу я даже обрадовалась, узнав что кожевники трудятся прямо на скотном дворе, ведь это прекрасная возможность поговорить с Саяном. Но когда меня завели в небольшую лачугу, где тошнотворно воняло какой-то кислятиной и гнилью, тут я уже осознала всю горечь своего положения.

Дело в том, что для выделки, шкуры сначала несколько дней квасили в больших бочках, наполненных скисшим молоком, солью и еще какой-то дрянью. За всем этим процессом мне и приходилось следить, пока двое престарелых кожевников превращали уже выквашенные шкуры в тонкую мягкую кожу.

Мало того, что меня беспрестанно тошнило от витающих вокруг запахов, так еще и сама работа была физически тяжелой. Настолько тяжелой, что я с ностальгией вспоминала котлы на кухне. Приходилось постоянно перекладывать и переворачивать огромные намокшие шкуры, а также чистить бочки. Даже сами кожевники глядели на меня с сочувствием,

явно недоумевая, кто додумался отправить к ним в помощь девушку, которая и сама весит чуть больше овечки.

Честно скажу, первые дни я редела по ночам, закусывая зубами одеяло, чтобы никто не слышал моих всхлипов. Хотелось пожаловаться Хану на Алтан, рассказать в каких условиях меня заставляют работать, но я лишь крепче стискивала зубы и собрав остатки сил, ползла на новую работу.

Сейчас старуха злорадствовала, сослав меня на скотный двор, да и вообще явно была довольна тем, что наказала меня. И если Хан узнав все, решит вернуть меня обратно, то она поймет, что между нами что-то есть. И тогда мне уже придется опасаться не только тяжелой работы, но и в целом за свою жизнь.

Поэтому приходилось терпеть, каждую минуту напоминая себе, зачем я здесь.

Из-за того, что меня перевели на скотный двор, дальнейшее расследование зашло в тупик. Я возвращалась в лагерь каана лишь к ночи и не имела возможности проследить за Алтан и ее стражей. Но зато сумела поговорить с Саяном.

На скотном дворе была небольшая поляна с неким подобием полевой кухни. И там каждый работник, если он конечно не провинился, получал дважды в день порцию горячей пищи.

Там-то мы и встретились, когда я сидя на краю поляны, брезгливо рассматривала содержимое своей тарелки. Каша была отвратительна и на вкус и на вид.

– Что, не те харчи, которыми тебя каан почивал? – послышался над головой насмешливый добродушный голос.

Щурясь от яркого солнца, я задрала подбородок, пытаюсь рассмотреть шутника.

– Саян?

Ложка выпала из моей руки и шлепнулась на траву, оставив на ней несколько ошметков каши, а рот глупо раскрылся от удивления.

– Надо же, имя мое запомнила!

Мужчина сделал шаг в сторону, и присев рядом, вернул ложку мне в руки.

– Еда тут конечно дрянь, но ты все же не отказывайся. И так от ветра колышешься, – отметил он и с азартом принялся за свою порцию.

Убрав с ложки несколько налипших травинок, я почерпнула немного каши и сунула себе в рот, стараясь проглотить прежде чем почувствую вкус.

Заметив как я кривлюсь, богатырь усмехнулся.

– Ну что, признаешься как из любимой татвар эм превратилась в кожемяку?

– Откуда ты знаешь монгольский язык, – удивилась я.

Саян пожал плечами.

– Бабка была монголкой. Склочная до ужаса, но языку обучила, и как оказалось не зря.

– А как понял, что меня отправили к кожевникам?

Саян аж поперхнулся. Стукнув себя кулаком в грудь, он

просипел, сквозь набитый рот:

– Ты уж прости, но запах говорит сам за себя.

Вот же... Заррраза! Неужели от меня действительно так сильно воняет? Придется теперь на реку ходить мыться прежде чем возвращаться в лагерь.

– Так что, какими судьбами ты здесь?

Совершенно потеряв аппетит, я отставила тарелку подальше, и нехотя ответила:

– Попала в немилость к хатун.

– Мать каана? – поинтересовался Саян.

Я покачала головой.

– Хуже. Бабушка.

Мужчина расхохотался.

– И что, Ерден не стал тебя защищать?

– Он не знает о том, что я здесь. Там все сложно... – я мотнула головой, – На самом деле это неважно. Мне нужно поговорить с тобой кое о чем.

– И о чем же?

Богатырь облизнул остатки каши с ложки и тоже убрал тарелку в сторону.

– Не здесь, нас не должны услышать. Давай встретимся в курятнике после отбоя. Знаешь, где это?

Так мы и договорились о встрече. А за полчаса до отбоя я уже сидела на старой лавке под насестом с курами. Пернатый кстати мое соседство не пришлось по душе, и периодически кто-то из квочек начинал недовольно кудахтать, гроз-

но размахивая крыльями.

Вскоре после моего прихода появился и сам Саян. Дверь приоткрылась с тихим скрипом, и он спиной просунулся в проем, пристально следя за чем-то снаружи.

Когда дверь наконец оказалась прикрыта, я тихо спросила:

– Что там? За тобой кто-то следил?

Богатырь пожал плечами.

– Вроде нет. В сарае гремит что-то. Может зверь какой забрался...

Мужчина прищурился, пытаясь разглядеть меня в крошечной тьме. Я же его видела прекрасно. Яркий лунный свет падал аккуратно на мужскую фигуру. Приглядевшись, я едва не охнула, заметив на изодранной рубахе три кровавые борозды.

– Что с тобой?

– А, ты об этом? – богатырь с шипением отлепил пропитавшуюся кровью ткань от груди, – В скотниках завелся вор, и сторожила отчего-то решил свесить все пропажи на меня.

– Ужас, – пробормотала я, глядя как он с болезненным стоном присаживается на соседнюю лавку, – Ты же колдун, почему позволяешь так обращаться с собой?

– Позволяю? Они против воли опаивают меня вербеной. Какие уж тут силы. А физически... – мужчина вздохнул, – Против пятерых с кнутами и я не выстою.

Чертова вербена. Удивительно, что меня ей не стали пич-

кать. Хотя за это Хану спасибо.

– Как вообще получилось, что Бат пленил тебя? Он же недоумок.

– Да сам не пойму. Я обычно краюшку хлеба заговариваю и под порог кладу, чтобы недруги не смогли пройти, а тут забыл. Впервые в жизни забыл защиту на дом поставить. Вот он и пробрался, поганец. Духи видать решили так посмеяться надо мной.

Да нет... Не в духах тут дело.

– Что ты знаешь об Уроборосе? – решила я не тянуть с самым важным.

Саян задумчиво почесал прилично отросшую бороду.

– Змей, кусающий себя за хвост? Батка рассказывал какие-то сказки о нем, но я не особо помню.

– Уроборос это древнее божество. Змей, олицетворяющий начало и конец всего. Времени, жизни... И именно из-за него я появилась в этом улусе.

Я рассказала Саяну все. По началу он лишь недоверчиво хмыкал, но когда история дошла до момента их с Солонго гибели, мужчина напрягся. Когда рассказ подошел к концу, я подытожила:

– Вы не должны быть вместе, Саян. История повторится. Ты потеряешь Солонго и сам погибнешь. А Хан погубит тысячи невинных жизней. Я обещаю, что помогу тебе сбежать. Но только без сестры Хана.

Саян хмуро уставился в пустоту. Он молчал. И я не торо-

пила с ответом, нелегко сразу поверить в такое.

– Мы не знаем наверняка, что история повторится, – в итоге выдал он. Мужчина не хотел мириться с трагическим будущим.

Я согласно покивала.

– Да, не знаем. Но ты готов рискнуть ее жизнью?

Богатырь со всей злости долбанул кулаком по лавке.

– Давай призовем этого змея, пусть все исправит! – про-рычал он.

Я понимала его чувства. Отчаянье, злость, горечь... Самой пришлось через все это пройти. Но на кону стоит слишком много человеческих жизней. Он должен сделать правильный выбор.

Я сочувственно потрепала Саяна по плечу, тихо произне-ся:

– Он не может изменить ход истории... Максимум, вернет нас в исходную точку, в тот момент когда вы с Солонго еще не были знакомы. Но это ничего не изменит, все повторится вновь. Лишь мы сами выбираем дорогу по которой идти. И будущее тысячи невинных людей сейчас зависит от твоего выбора.

Мужчина горестно смежил веки. В уголках глаз блеснули слезы, подсвеченные ярким сиянием луны.

– Я же разобью ей сердце.

– Зато сохранишь жизнь...

И он согласился. Богатырь был раздавлен, морально уни-

чтожен. Но он дал обещание что расстанется с Солонго. Я же в свою очередь дала слово, что обязательно вытащу его отсюда прежде чем вернуться в свой век.

И вскоре я смогла убедиться в том, что Саян сдержал свое обещание.

Через несколько дней после нашего разговора, я увидела как Солонго в слезах убегает со скотного двора, не видя ничего и никого на своем пути. Девушка даже не скрывалась, видимо ей уже было плевать, что кто-то может ее заметить.

А я все упорно твердила себе, что поступаю правильно. Только вот сердце ныло от необъяснимой тоски...

Первые десять дней работы в подмастерье у кожевников прошли кошмарно. Тело не успевало отдохнуть от тяжелого физического труда, а мысли целиком и полностью занимали муки совести за то, что разлучила двух влюбленных. И никакие доводы о том, что иного выхода просто нет, не помогали.

Повезло лишь с тем, что старички, видя мое состояние, отпускали пораньше. И я хотя бы успевала до отбоя спуститься к реке и смыть с себя тошнотворный кислый запах, возвращаясь в постель чистой.

Но сегодня меня все таки угораздило задержаться. Ночью с гор спустились волки и задрали двенадцать овец. Пришлось в срочном порядке обрабатывать шкуры, чтобы они не испортились. В итоге мастерскую я покинула уже за полночь.

Ужасно манила мысль о том, чтобы сразу отправиться в

постель, но я все же поплелась к реке преодолевая усталость и боль в теле.

Привычным движением отогнув камыши, я протиснулась к небольшой заводи, надежно скрытой от посторонних глаз густыми зарослями. Здесь можно было спокойно искупаться, не переживая о том, что меня кто-то увидит.

Быстро сбросив одежду, я забрела в реку по бедра и резко опустилась вниз прямо с головой. Сегодня не было времени на то чтобы постепенно привыкать к остывшей за вечер воде.

Хорошенько прополоскав волосы, я до красна растерла кожу куском грубой ткани, который использовала как мочалку и всегда теперь носила с собой. Только так можно было избавиться от въедливого запаха. Закончив с водными процедурами, я дрожа от холода выбралась на берег, и принялась вытираться нижним платьем, которое планировала обратно нести в руках.

На все про все у меня ушло не больше пятнадцати минут, и вскоре я уже стояла на берегу полностью одетой, застегивая последние пуговицы на дээле. Тогда и заметила пропажу.

Кулон. Его не было.

Заколка для волос, кузунгу, подвеска из магмы. Все лежало на прежнем месте, кроме него.

– Нет... Только не это, – испуганно забормотала я, ощупывая дээл руками, в надежде, что цепочка просто зацепилась за одежду, – Куда он мог подеваться?

Кулон был единственной памятью о родителях, и я берег-

ла его как зеницу ока. Неужели я забыла его снять, и потеряла в воде?!

– Нет, нет, нет...

Чуть ли не на коленях облизав весь берег, я без сил рухнула на песок. Кулона нигде не было.

– Ну, за что мне все это?! – со злостью прокричала я, забросив в воду камень, удачно подвернувшийся под руку, – Ненавижу, ненавижу!!!

Так я и кричала на воду, бросая в нее ветки и камни, пока за спиной не послышался удивленный мужской голос:

– И в чем же так провинилась река?

Из камышей выбрался Хан.

ГЛАВА 16

– Что ты здесь делаешь? – смутившись, спросила я, отбрасывая очередной камень в сторону.

– По-моему об этом тебя должен спрашивать я, ты так не считаешь?

Хан неспешным шагом направился в мою сторону, будто просто прогуливаясь по берегу.

– Почему ты не рассказала, что Алтан отослала тебя на скотный двор?

Мужчина не скрывал своего недовольства. Остановившись у кромки воды, он выжидающе уставился на меня, требуя ответа.

“Чтобы твоя чокнутая бабка меня не прирезала!” – подумала я, но вслух этого конечно же не сказала.

– Если бы ты узнал, то попытался вернуть меня обратно. Тогда и Менгуй и Алтан поняли бы, что между нами что-то есть. А мы уже вроде выяснили, что сейчас это ни к чему.

Хан повел бровью

– А между нами что-то есть?

Я наигранно фыркнула:

– Ага. Бездна недопонимания.

– Упрямица... – произнес он, и попытался коснуться моей ладони.

Я тут же отдернула ее и нервно вцепилась в край пояса на талии.

– Прости, мне сейчас не до выяснения отношений. Я потеряла одну очень важную вещь.

Хан опустил руку и сделал вид, будто ничего не случилось, и я не оттолкнула его в очередной раз. Удивительно, но вспышки гнева с его стороны становятся все реже. Словно он понемногу пытается подстраиваться под меня.

– И что это за вещь?

Я еще раз провела взглядом по берегу, надеясь что где-нибудь замечу отблеск серебра.

– Кулон. Единственное, что осталось от моих родителей. Похоже он соскользнул с шеи в воду.

Мужчина непонимающе скривился.

– А что ты делала ночью в ледяной воде?

Лицо предательски запунцовело. Ну не признаваться же ему, что после дня в мастерской от меня воняет квашеными шкурами!

– Это не важно. Главное, что кулон пропал, и на дне реки я его уже точно не смогу найти.

К горлу подступили слезы. Заметив мой убитый вид, мужчина слегка смягчился:

– Мне жаль...

Он тоже принялся бродить по берегу, рассматривая гальку и вороша носками сапогов песок.

– Бесполезно, – грустно отметила я, глядя на это, – Я тут

каждую песчинку облазила. На берегу его нет.

Раздался тяжелый, сердитый вздох.

– Я все равно, хоть убей, не понимаю, какого демона ты забыла ночью в этом болоте!

Ну все.

У меня сейчас дым из ушей пойдет. Дыши, Кара... Дыши!

Не помогло...

– Да потому, что я сутками как проклятая квашу эти чертовы овечьи шкуры по милости одной старой перечницы! – через секунду взорвалась я, – И к концу дня кожа и волосы все это впитывают! Да остальные прислужницы меня даже в юрту не запустят, если почуют этот запах!

Было до ужаса обидно и стыдно. Но я просто устала все это терпеть.

Хан даже бровью не повел, услышав мое признание. Лишь уголок губ нервно дернулся, выдавая его эмоции.

– Ты сегодня же возвращаешься в лагерь, – тоном, не терпящим возражений, заявил Хан, – И жить будешь в моей юрте, под охраной моей стражи! Там до тебя никто не доберется, и плевать кто и что скажет! Мне надоело все это представление! Я не мальчишка, чтобы прятать свою женщину по кустам!

Я грустно усмехнулась.

– Твоя бабушка этого не допустит. Она боится русских наложниц больше чем гнева богов.

– С чего ты это взяла? – небрежно выпалил он, – Хатун

конечно со своими тараканами в голове, но ей нет дела до того, кто ночует в моей постели.

– Да, ей нет дела до того с кем ты спишь. Но она опасается, что ты женишься на уруске, и твой наследник не будет иметь и половины монгольской крови, – не стала скрывать я, – Ты ведь и сам явно не раз слышал, как она относилась к союзу твоих родителей.

Хан отшатнулся как от пощечины.

– Не хочешь ли ты этим сказать, что это она убивает наложниц? – с подозрением спросил он.

Я растерянно развела руками.

– Seriously?! Ты серьезно, Кара?

– Не знаю... Я уже ничего не понимаю. Просто слишком много фактов, подтверждающих ее вину. Я нашла на коже последней убитой девушки красящий порошок, который хатун использует для придания цвета нитям, которыми она вышивает.

– Это все какой-то бред...

Опустившись на колени прямо в песок, он зачерпнул пригоршень воды и плеснул себе в лицо, не замечая как ледяные капли скатываются за воротник его дээла.

Я присела рядом, и участливо сжала его плечо.

– Может я все же не права. Мне не удалось найти полного подтверждения ее вины. Но другие прислужницы рассказывали, что русские наложницы пропадают уже очень давно. Просто раньше их тела не выбрасывали на всеобщее обозре-

ние, и все считали, что они просто сбегали.

Обернувшись, Хан крепко схватил меня за ладонь, сжимающую его плечо, и уверенно процедил:

– Я не верю, что это она. Но если ты все же права... – он мрачно обвел взглядом берег, – Я должен сам разобраться с ней. Обещай, что расскажешь мне все, что знаешь.

Все еще пребывая в небольшом шоке от того, что он прислушался ко мне, я согласилась, пообещав выложить все подробности.

– Гроза начинается, – Хан указал пальцем на мелькающие в небе молнии, – Нужно уходить.

Мужчина встал и потянул меня за руку, но я упрямо уперлась пятками в землю, останавливая его.

– В чем дело? Хочешь еще поискать свой кулон? Лучше сделать это завтра посветлу.

– Нет. Я не стану жить в твоей юрте. Поверь, это не лучшая идея.

– Почему? – в черных глазах вспыхнула досада, – Потому что ты боишься своих чувств? Боишься, что вся твоя броня в один миг рухнет, и ты захочешь остаться?

– Даже если я захочу остаться, это невозможно, Ерден...

– Да, почему?! – воскликнул он, – Я женюсь на тебе, откажусь от гарема! Такое уже случалось в других улусах, я узнавал! Мы не первые, Кара! На севере государства каан распустил гарем и женился на полячке. Его улус принял это! Я весь мир готов положить к твоим ногам! Что еще нужно,

чтобы ты осталась со мной?!

Каждое его слово било прямо в сердце, выжигая где-то глубоко внутри огромную ноющую рану. Я устало потерла ладонями слезящиеся глаза.

– Замолчи, прошу...

– Нет, Кара! Нет, я не замолчу! Устал молчать! Устал жить по чужой указке! Почему тебе так важно покинуть улус? Кто ждет тебя за его пределами?

– Никто, – тихо прошептала я, – Никто меня не ждет, и даже больше, никто там не будет мне рад. Но и здесь мне не место.

Обхватив мое лицо шершавыми горячими ладонями, он с мольбой произнес:

– Так объясни мне, почему? Я ничего не понимаю...

Ногти сами собой впились в ладони, оставляя на слегка загрубевшей коже кровавые полумесяцы, а глаза снова защипало.

Может быть стоит хотя бы попытаться объяснить ему? Что я теряю?

Гулко сглотнув нервный ком, застывший в горле, я нерешительно вымолвила:

– Я постараюсь все объяснить, – в раскосых глазах промелькнуло облегчение, – Но только после того, как мы найдем убийцу девушек.

Хан хотел было возразить, но я не дала ему даже попытки высказаться:

– Нет! Только так. После того как я скажу правду, обратного пути уже не будет. Поэтому сначала я хочу решить все проблемы, которые меня держат здесь. И прошу, пока мы будем ночевать под одной крышей, давай соблюдать дистанцию. Если ты согласен на такие условия, то я правда готова все тебе рассказать.

Тонкие брови сошлись у переносицы, образуя глубокий залом на коже.

– А если я был прав и убийцы среди людей просто нет? Что тогда?

– Это не так, – возразила я, – Прошу, просто поверь мне. По одному его взгляду было ясно, что слепо доверять чужим словам он не привык. Тем не менее через пару мгновений мужчина произнес:

– Ладно. Я согласен. Но с этого момента ты будешь ко мне прислушиваться! И не станешь тайком сбегать из лагеря без моего ведома, хорошо?

Вот пришла и моя очередь идти на уступки.

До юрты Хана мы добрались, когда кромка горизонта уже вспыхнула ярким оранжевым светом. Приближался рассвет. Поездка на лошади в надежном кольце рук Хана разморила меня окончательно. И, по-моему, уснула я куда раньше чем моя голова коснулась подушки. Даже тревога по поводу того, кто будет спать на другой половине кровати отошла на задний план, затерявшись среди усталости и всех впечатлений пережитого дня.

Проснувшись я по привычке за час до начала своей трудовой повинности, чем переполошила Хана, который вероятно решил, что я собираюсь сбежать.

Перекатившись на спину, мужчина с сонным прищуром пошарил ладонью по опустевшей постели, и резко сел, вглядываясь в полумрак юрты. Лишь когда его взгляд наткнулся на меня, замершую перед чашей для умывания, он как будто успокоился и вновь откинулся на подушки.

– Ты почему не спишь?

– Так работа же, – протянула я сквозь зевок, – Если не успею до прихода кожевников снять с сушки шкуры, придется опять до ночи сидеть.

– Никакой работы больше не будет, ложись обратно, – сонно пробормотал он.

Я с подозрением покосилась в сторону двери, раздумывая над тем, какой шквал недовольства мое слушание вызовет у хатун.

– Твоя бабушка будет в ярости, ты же понимаешь это? – на всякий случай спросила я, мысленно уже нежась на мягкой пуховой подушке.

– Ложись уже давай!

Я едва не пискнула от восторга!

Неужели я наконец-то вдоволь смогу отдохнуть вместо того чтобы ни свет ни заря горбатиться на скотниках или на кухне? Боже, похоже я все еще сплю!

Сбросив туфли, я отогнула край одеяла, и хотела уже вер-

нуться в объятия морфея, но этому скромному желанию воспрепятствовала мужская рука, натянувшая толстую шерстяную ткань обратно.

– Ну уж нет! Вчера ты засыпала на ходу, и я закрыл глаза на то, что ты завалилась в постель прямо в верхней одежде. Но сегодня будь добра, сними дээл, и ляг спать как все нормальные люди.

Хан старался говорить строго, будто отчитывая меня, но в его глазах плясали бесенята, делая взгляд озорным и лучистым.

Я возмущенно развела руками.

– Не могу! Мое нижнее платье все еще мокрое, а другой одежды у меня с собой нет.

Недовольно заворчав, мужчина подскочил с кровати, и быстрым шагом направился к двери, оставив меня в недоумении пялиться на его обнаженную спину, покрытую не одним десятком шрамов. Благо хоть, что все находящееся ниже поясницы было надежно прикрыто хлопковыми шароварами. В теории, покраснеть сильнее было уже невозможно, но на деле я проверять это не хотела.

Свиснув одного из стражников, Хан велел ему передать прислужнице, чтобы та перенесла все мои вещи к нему в юрту.

Всего минут через пятнадцать посреди комнаты уже стоял мой сундук с одеждой, и прочим имуществом, а Хан как ни в чем не бывало отправился спать, показав, где находится

ширма для переодевания.

Выбрав самую простую нижнюю сорочку с длинными рукавами и подолом до колен, я юркнула за ширму и не без удовольствия сбросила тяжелый дээл, все еще слегка пахнувший мастерской кожевников.

– Погаси свечи, когда будешь ложиться, – услышала я оклик Хана, затягивая шнуровку на воротах сорочки.

Сделав как он велел, я наконец-то вернулась в кровать, со стоном блаженства растягиваясь на мягких простынях. И уже засыпая, сонно пробормотала:

– Официально готова признать, что твоя кровать самая мягкая на свете.

Мужчина едва слышно усмехнулся и поправив на мне одеяло, тихо произнес:

– Спи...

Просыпаться по собственному желанию, а не от крика будильницы было просто великолепно. Не вскакивать с постели сразу, а позволить себе немного понежиться – еще лучше!

Я чувствовала себя отдохнувшей и полной сил. Но оно и не мудрено, проснулась я уже далеко за полдень, проспав не меньше десяти часов.

С блаженной улыбкой на устах поднявшись с постели, обнаружила, что Хан уже ушел по своим делам, зато посреди юрты стояла наполненная водой большая лохань, увидев которую, я взвизгнула от радости.

Тут же сбросив с себя одежду, я забралась во все еще теп-

люю воду, и пролежала в ней до тех пор, пока кожа не начала покрываться мелкими мурашками.

Весь последний месяц мне приходилось купаться либо в ледяной реке, либо в большом тазу, щеголяя голым телом перед своими соседками, которые не упускали возможности хорошенько пройтись по моей внешности. Поэтому лохань с теплой водой была просто подарком свыше.

Надев чистую одежду, я заправила постель и опасливо высунула нос из юрты, всерьез опасаясь расправы от бабки Хана. Наверняка ей уже доложили о том, кто ночевал в юрте ее внука этой ночью.

Но вместо Хатун за порогом меня встретили двое стражников, передавших, что каан запретил меня выпускать из юрты без его ведома.

– Я могу хотя бы побыть снаружи? – с надеждой поинтересовалась я, – Буду прямо здесь, вон за тем столиком. Всегда на ваших глазах.

Я указала ладонью в сторону небольшой резной беседки, буквально в нескольких шагах от крыльца юрты.

Стражники с сомнением переглянулись, но все же нехотя разрешили, видимо решив, что так я хотя бы не стану доставать их своим нытьем.

Вернувшись в юрту, чтобы захватить теплую шаль, я обнаружила, что на тумбочке стоит большая кружка с травяным настоем, и лепешка, щедро сдобренная маслом.

Было приятно осознавать, что Хан позаботился о том, что

я проснусь голодной.

Укутавшись в шаль, я подхватила свой завтрак, и довольная отправилась в беседку, где отщипывая от лепешки небольшие кусочки, клала их на язык и смаковала, одновременно оглядываясь по сторонам.

Юрта Алтан хатун находилась рядом с жилищем Хана, и была прекрасно видна мне из беседки. Я все еще надеялась, что смогу заметить что-то странное, что-то, что подтвердит ее виновность в смертях девушек.

Но за весь час моего наблюдения, единственное что я поняла, так это то что ее стража не меняется. На посту всегда стоят одни и те же воины. И сегодня, и на ярмарке, и когда я приносила ей ужин. И вероятнее всего если она бы кому и доверила грязную работу, то им.

Получается они и есть наш главный источник информации. Вот только как их раскрыть?

От размышлений над этим меня отвлекло появление Солонго. Девушка с понурым видом плелась в сторону ворот.

Я тут же вскочила на ноги и окликнула ее.

Сестра Хана растерянно оглянулась, и мне пришлось помахать рукой, чтобы она меня наконец заметила.

– Привет, Кара, – с натянутой и даже напряженной улыбкой поздоровалась девушка, присаживаясь на скамейку напротив меня, – Не ожидала увидеть тебя здесь после того случая на ярмарке.

Похоже она поменяла свое мнение обо мне после тех об-

винений Менгуя. Пришлось в очередной раз оправдываться.

– Менгуй все соврал. Ничего не было, Солонго, – пытаюсь заглянуть ей прямо в глаза, произнесла я, – Скажи, разве я находилась бы сейчас в улусе, если бы действительно была такой распутницей, как обо мне говорят? Твой брат мне верит, и именно поэтому я сейчас сижу здесь.

Солонго слегка смутившись, потупила взгляд, и пробормотала:

– Это не мое дело. Я в личную жизнь брата не лезу.

Едва не зарывчав от злости, я воскликнула:

– Да услышь же ты меня! Ничего не было, Менгуй просто идиот, который пытается всеми способами насолить твоему брату!

Девушка вскочила из-за стола, и сердито уперев кулаки в столешницу, выдала:

– Замолчи! Ты ничего о нем не знаешь! Менгуй лишь желает всем добра. И я ему верю! Если ты такая белая и пушистая, то куда сбежала с ярмарки? А?!

Я на секунду замешкалась, удивившись напору Солонго. И этого ей было достаточно, чтобы утвердиться в своих словах.

– Я так и думала! – бросила она напоследок, и быстрым шагом удалилась от беседки.

– Вот это номер... – озадаченно прошептала я себе под нос, глядя ей вслед.

Что за внезапная любовь к Менгую? Нет, что-то здесь яв-

НО НЕЧИСТО...

ГЛАВА 17

Настроение пропало совсем. Просидев в беседке еще с полчаса, в итоге я вернулась в юрту. Мысли никак не отпускали слова Солонго.

Почему она стала так яростно защищать Менгуй, если при нашей прошлой встрече сама рассказывала, что он уже не единожды домогался к другим девушкам, да и с братом у них действительно отношения натянутые?

Какой-то бред.

Складывается стойкое ощущение, что Менгуй решил познакомиться к Хану через его сестру. Раз со мной ничего не получилось. И если это действительно так, то все очень плохо...

Хан появился в юрте ближе к вечеру, когда я уже успела окончательно известить себя дурными мыслями и предчувствиями.

– Что опять случилось? – хмуро спросил он прямо с порога, заметив мой встревоженный вид.

Перестав мерить шагами комнату, и нервно кусать губы, я ответила:

– Кажется Менгуй добрался и до Солонго.

Сбивчиво пересказав ему все, что произошло, я с тревогой стала ждать его реакции, однако Хан был на удивление

спокоен.

– Думаю, ты преувеличиваешь.

– Что? – шокировано спросила я, – Ты это серьезно сейчас?

Хан усадил меня на край своей постели, всучил в руки пиалу с водой, и присев на пол, прямо около моих коленей, заставил сделать несколько глотков.

– Послушай. Солонго и Менгуй с детства были довольно близки. Не так, как мы с ней конечно, но все же. Не удивительно, что она пытается его защитить. Пусть и неродной, но он тоже ей брат.

– Но я уверена, что дело в чем-то другом! – попыталась возразить я, эмоционально взмахнув рукой с пиалой так, что несколько капель из него выплеснулись, попав на щеку мужчины.

Хан тут же отобрал у меня воду, и крепко взяв за руки, вымолвил:

– Хорошо. Если ты так уверена в этом, я завтра же постараюсь поговорить с Солонго, ладно?

Я расстроено кивнула, стирая капли воды с его щеки.

Все равно в душе остался неприятный осадок от того, что он не поверил в серьезность происходящего.

Прикрыв веки, Хан сильнее прижался щекой к моей руке, и как бы невзначай спросил:

– Ты не голодна?

Ощувив как воздух между нами начинает стремительно

накаляться, я смахнула последнюю капельку с его подбородка, и отняв ладонь, чинно сложила руки на коленях.

– Есть немного. А ты уже ел?

Хан расстроено проследил за движением моей руки, и тяжело вздохнул.

– Нет, я специально ждал вечера. Сегодня нас с тобой ждет кое-что грандиозное.

– О чем ты? – с подозрением спросила я, предчувствуя неладное.

На устах мужчины появилась хитрая ухмылка.

– Устроим ловлю на живца.

Через полчаса на постели Хана был разложен новый белоснежный дээл с очень красивой синей вышивкой и широким поясом. Поверх переливающейся ткани было небрежно брошено несколько золотых украшений с вставками из бирюзы.

– Надевай, – велел он, как только прислужница, отдав одеяние, скрылась за дверью.

– А это обязательно? – скривилась я, представляя как отреагируют другие наложницы, увидев на мне столь дорогой наряд.

– Обязательно, – отрезал мужчина.

Согласно озвученным мне инструкциям, сегодня вечером я должна выглядеть вызывающе, и вести себя надменно. Именно для этого помимо праздничного дээла мне предлагалось надеть еще и устрашающе тяжелые золотые украшения, которые со стопроцентной вероятностью будут тянуть

мою шею и запястья к земле.

Облачившись в шелка и драгоценности, я немного подумав, подколола волосы шпилькой на затылке, решив что пора прекращать прятать свое лицо. Тем более, что новая прическа и так почти ничего не скрывает.

И то, что я увидела в отражении медного зеркала, мне понравилось.

Золотое кольцо прекрасно смотрелось на тонкой шее, а длинные серьги подчеркивали сердцевидный овал лица. Конечно шрамы никуда не делись, но полумрак юрты неплохо их скрыл, так что можно было подумать будто на мое лицо просто падают причудливые тени. Лишь излишняя худоба и синева под глазами портили облик, делая меня слегка похожей на странное рыжее привидение.

Отложив зеркало в сторону, я вышла из-за ширмы со словами:

– Не уверена что это сработает, но давай попробуем.

Хан ожидал меня у входной двери, со скучающим видом пиная носком сапога деревянную колоду. Но когда его взгляд скользнул по моей фигуре, растерянно замершей в тени ширмы, его лицо преобразилось. Интерес, вспыхнувший в мужском взгляде безусловно польстил мне, добавляя уверенности к сегодняшнему облику.

Не сдержав легкой улыбки, я приблизилась к нему и положив пальцы на его локоть, спросила:

– Ты готов?

Хан улыбнулся в ответ.

– Только если ты готова.

И вот, мы уже чинно шагаем с ним под руку по освещенной факелами дорожке, направляясь в сторону площади.

Как оказалось, пока днем я спала, Хан гадал как вывести свою бабушку на чистую воду.

Если это конечно все же она убивала девушек...

В итоге он не придумал ничего лучше, чем устроить пир, на котором все узнают, что каан возжелал взять в жены распутную русскую ведьму.

Так он решил убить сразу двух зайцев. Так сказать, представить меня ко двору, намекнув всем, что я неприкосновенна, и заодно узнать на сколько я была права насчет его бабки.

Нет, в целом план был хорош. Если хатун действительно имеет отношение к смертям русских девушек, то узнав, что ее внук захотел жениться на одной из них, она непременно решит избавиться от претендентки на его сердце.

Вот тут-то она и попадется.

Ну, а если на самом деле бабушка Хана не причастна к преступлениям, то нас просто ожидает грандиозный скандал, который я уже сейчас воображала себе с дрожью в коленках.

Но пугали меня не только возможные разборки, но и то, что у старухи действительно может получиться меня угробить.

Вот весело то будет... Особенно мне.

Тем не менее я упорно старалась не показывать окружающим своего страха. Сегодня нужно было держать лицо. Хатун должна поверить в то, что я действительно уже вообразила себя женой каана.

Ну, а если и это ее не выведет из себя, то я прилюдно признаюсь в том, что она божий одуванчик, и сделав всем ручкой, улечу на уроборосе в свой век. Потому что я понятия не имею, кому еще могут так мешать русские девушки!

– На нас все пялятся, – процедила я, сквозь фальшивую, надменную улыбку, сильнее впиваясь пальцами в рукав Хана, – Того и гляди, на меня сейчас кто-нибудь кинется.

Мужчина успокаивающе накрыл мои похолодевшие пальцы своей большой, горячей ладонью.

– Успокойся, никто не посмеет тронуть тебя в моем присутствии.

– Именно поэтому, пообещай, что не будешь отходить от меня весь вечер! – прошипела я, когда мы под изумленными взглядами местной знати проходили на свои места в центре огромного шатра.

Хан за несколько часов умудрился сделать праздник для всего улуса. Для простого народа на площади были выставлены бочки с аракой, а для знати растянули открытый шатер, под которым столы аж ломились от яств.

Нам с Ханом конечно же предстояло восседать во главе всего этого пиршества. По левую руку сидели приближенные воины, а по правую родня каана в лице Солонго и Алтан ха-

тун, которая судя по всему пыталась убить меня взглядом.

Лицо женщины перекосило от гнева и возмущения, а пальцы до побеления вцепились в металлический кубок.

Похоже мы своего добились.

Вот только не могу сказать, что я была этому рада.

Усадив меня за стол, Хан наполнил наши кубки, и обвел взглядом гостей. Все тут же отвлеклись от еды, и с ожиданием воззрились на своего каана. Каждому присутствующему было любопытно по какому поводу состоялся сегодняшний праздник.

– Дорогие гости! Сегодня я собрал вас здесь, чтобы поделиться радостной вестью, – торжественно начал Хан.

Подав ладонь, он заставил меня встать со своего места, и подняв вверх кубок, продолжил:

– Дни моего одиночества остались позади! Я наконец-то нашел ту самую женщину, которая готова разделить со мной тяготы и радости судьбы каана.

Фальшивый восторг в его голосе был слишком очевиден, однако люди этого не видели. Они с недоверием и даже ужасом следили за происходящим, нелепо раскрыв рты и побросав еду.

– Эту женщину послали мне сами духи, и вскоре я готов буду представить ее улусу как свою первую жену!

Осушив кубок до дна, Хан с громким стуком поставил его на стол. Гости, шокировано переглядываясь между собой, последовали его примеру. Им был не по нраву выбор их гос-

подина, но и перечить они пока еще не решались.

А вот Солонго и Алтан хатун не поддержали всеобщего повиновения. Сестра Хана шептала бабушке на ухо что-то успокаивающее, видимо пытаюсь убедить ее не учинять скандала при гостях, но судя по всему ее действия не возымели должного эффекта. Старуха была в полушаге от того, чтобы накинуться на меня.

И возможно, меня спасло от прилюдной расправы лишь то, что внезапно со своего места поднялся Менгуй, обратив все внимание хатун на себя.

– Ну, раз сегодня у улуса такой счастливый день, то и я готов поделиться своей радостью, – отсалютовав кубком Солонго, военачальник довольно осклабился во все тридцать два зуба, – Я просил руки у твоей сестры, Ерден.

Все разом ахнули. Но в этот раз похоже, что гости были рады прозвучавшему. Я же напротив, была просто в ужасе. Хан и вовсе казалось потерял дар речи, и лишь переводил немигающий взгляд с довольного Менгуя на Солонго, которая не слишком-то была похожа на счастливую невесту.

Раскосые глаза были влажными, а уголки губ печально опустились.

Неужели он как-то принудил ее?

– И что же ответила моя дорогая сестра? – хриплый голос Хана трескучей молнией пронзил пространство шатра. Глаза его при этом неотрывно смотрели на Солонго.

Но ответил за нее сам Менгуй.

– Она сказала, что будет счастлива стать моей спутницей жизни, – гнусно пропел он, – И уважаемая Алтан хатун благословила наш союз!

– Этому не бывать. – отрезал Хан, с трудом держа себя в руках.

Сидя рядом, я видела, что его буквально трясет от гнева и злости. И тут взяла слово сама Хатун:

– Ну, отчего же не бывать? Я действительно дала добро на их брак. В отличие от твоего, Ерден.

Старуха гневно прищурилась.

– Прежде чем ты откажешь, я бы очень хотел, чтобы мы пообщались наедине, – вклинился в разговор Менгуй, – Думаю когда ты узнаешь обо всех обстоятельствах и преимуществах нашего союза, то изменишь свое мнение.

Мы с Ханом мельком переглянулись, и на его лице я увидела отражение своего собственного страха. Легонько дернув его за рукав, я едва слышно шепнула:

– Подыграй ему. Нужно узнать, что там случилось на самом деле.

Уголки губ мужчины нервно дернулись, но он все же прислушался к моим словам.

– Хорошо. Завтра оба придете ко мне, – отрывисто бросил он.

Менгуй победно просиял, и издевательски учтиво склонив голову, плеснул себе еще араки. Солонго же упорно пыталась спрятаться от внимания брата за спиной у бабушки.

На этом самая тяжелая часть вечера подошла к завершению и пир продолжился. Гости потихоньку расслабились и позабыв о неприятном инциденте, возобновили веселье. То тут, то там звучали тосты за союз военачальника и сестры каана, но я ни разу не услышала, чтобы кто-то желал счастья нам с Ханом. Напротив, слишком часто ловила на себе недовольные оценивающие взгляды.

Остаток вечера мы просидели как на иголках. Вся еда в наших тарелках осталась нетронутой, зато кубок Хана с завидной частотой пополнялся слугами. Мне же монгольские традиционные напитки были не по нраву, хотя я бы с удовольствием сейчас приглушила тревогу парой глотков чего-нибудь крепкого. Однако один только запах араки и кумыса вызывали сильное отвращение.

В целом мы имели право уже давно покинуть празднество, но у нас оставалось еще одно незавершенное дело. Нужно было дать хатун информацию о том, что этой ночью я буду ночевать совсем одна. Так сказать, создать ей все условия для удачного убийства.

И как только Алтан поднялась из-за стола, то мы тут же последовали ее примеру.

– Что, довольна? – презрительно бросила она, когда мы намеренно столкнулись на выходе из шатра, – А ты! Пригрел на груди змею! Сколько знатных дочерей набивались тебе в жены, но нет! Ты выбрал эту русскую распутницу! Помяни мое слово, она всех нас угробит!

– Бабушка, хватит. Это не обсуждается.

Продолжая играть на ее нервах, Хан приобнял меня за талию.

– С этого дня Кара является моей официальной фавориткой. А вскоре станет и женой. Жить она теперь будет в юрте моей матери, как и полагается ее статусу. И этой же ночью я пойду к святилищу, чтобы попросить у духа рода благословения на наш союз.

Я удивленно взглянула на него.

Дух рода? А это не тот ли, что территорию стана золотой крови охранял? Хотя... Ладно, сейчас это уже не важно.

Женщина с отвращением плюнула на землю у моих ног.

– Давай! Плоди ублюдков! Превращай наш улус в пристанище для урусов! – она ткнула узловатым пальцем в грудь внука, – Ты такой же непутевый, как и твой отец! Лучше бы Менгуй вместо тебя стал кааном.

После этих слов она покинула нас, удалившись в сторону лагеря в сопровождении своих верных стражников.

– Не принимай близко к сердцу, – сочувственно сказала я, заметив, что на Хане просто лица нет, – Она злится, что ты выбрал меня. Хоть хатун и ненавидит русских наложниц, но тебя-то она явно любит.

Мужчина лишь холодно покачал головой.

– Безусловная любовь, это не то, что получает правитель. Кто бы то ни был – родитель, жена, наложница, простой воин, они будут любить тебя только если ты поступаешь так,

как они считают правильным. В моей жизни всегда было так. Любая ошибка может привести к тому, что от тебя откажутся. Безусловная любовь, это недостижимая роскошь для каана. Со временем просто начинаешь принимать, что всем угождать невозможно, и тогда ты сможешь удержать власть и своих людей только если внушишь им страх. Страх и любовь подданных, вот что создает истинного правителя.

– Так зачем ты продолжаешь жить такой жизнью... – тихо спросила я, – Неужели тебе настолько нужна власть?

– Мне не нужна власть, Кара. Мне нужен мой народ, его благополучие. Что станет с улусом, если я уйду? Думаешь Менгуй будет заботиться о простых людях? Пусть мои решения нравятся не всем в улусе, но я стараюсь сохранить людям жизни и не позволяю голодать. Ни один ребенок за время моего правления не умер от голода, и это впервые за последнее столетие. И плевать если для этого мне придется внушать всем недовольным ужас!

Что сказать... Он был прав. Другое время, другие нравы, но принцип власти всегда один и тот же.

ГЛАВА 18

– Я провожу тебя до юрты и уйду, – напутствовал меня Хан по дороге в лагерь, – Твоя задача открыть дверцу, ведущую в подпол. Она находится прямо под шкурой оленя у кровати. В ограждении есть прореха, и выйдя за ворота, я проберусь в лагерь через нее, а потом проползу под полом юрты до люка, который ты к этому моменту должна оставить слегка приоткрытым, поняла?

Я кивнула.

– Ты уверен, что все произойдет уже этой ночью? – дрожащим от волнения голосом спросила я.

– Если те убийства дело рук бабушки, то она явно не упустит такой возможности. Меня в лагере не будет, почти весь народ находится на празднике, и ты ночуешь в юрте совсем одна. Все складывается слишком удачно. К тому же твою смерть запросто можно будет выдать за то, что дух рода против нашего брака. Ведь все случится именно в тот момент, когда я якобы буду просить его благословения у святилища.

– А дух рода, это кто? – все-же полюбопытствовала я.

– Кто конкретно, не знаю. Но вообще, духом рода становится самый сильный и могущественный предок по крови. Мы часто просим у него благословения и совета. Иногда отпущения грехов... Но говорят, если среди живых в семье

появляется кто-то сильнее духа рода, то он может пленить его и сделать своим слугой. Хотя по мне, так, это сказки. Кто решится так осквернить память предков?

Да вот кое-кто уже решился... Теперь понятно, почему дух-помощник беспрекословно выполнял все приказы Хана.

– Почему тебя это так заинтересовало? – спросил он.

Пришлось немного соврать.

– Просто пытаюсь отвлечься. У меня какое-то нехорошее предчувствие, Ерден. Такое чувство, что что-то пойдет не так...

Хан остановился в нескольких шагах от ворот, и взяв меня за плечи, успокаивающе сказал:

– Я все время буду рядом, слышишь? Кто бы не явился в твою юрту этой ночью, он не сможет тебе навредить.

Мужчина легко коснулся губами моего лба, и добавил:

– Все, с этого момента ни слова о нашем плане. В лагере нас могут преследовать стражники бабушки. И веди себя естественно, представь что ты счастливая невеста, хорошо?

Не дожидаясь ответа, Хан вновь взял меня под руку и потянул к воротам. Весь остаток пути мы прикидывались счастливыми влюбленными, радостно улыбаясь друг другу и обсуждая предстоящую женитьбу.

И лишь когда я в абсолютном одиночестве осталась на крыльце своего нового жилища, то поняла, насколько мне страшно. Присутствие Хана все же как-то скрашивало мысли о том кошмаре, который мне возможно придется пережить

этой ночью.

Отперев дверь и зайдя внутрь, я тут же бросилась к тумбе у входа, на которой Хан должен был оставить для меня свечи. Воззвав к стихии, быстро подожгла пять навощенных фитилей, и расставила источники света по юрте.

Дальше был черед люка. Небольшая дверца в полу, как и сказал Хан, обнаружилась около кровати. Чихая и кашляя от накопившейся за долгие годы отсутствия хозяйки пыли, я отбросила шкуру, и приоткрыла люк, из которого тут же повеяло холодом, исходящим от непрогретой солнцем земли.

Теперь оставалось только ждать.

Чтобы не сойти с ума от беспокойства, я стала обходить юрту по кругу, рассматривая внутреннее убранство. Раньше здесь жила мама Хана, и судя по толстому слою пыли на мебели, после нее тут больше никого не было.

Приблизившись к небольшому туалетному столику, я заметила на нем красивую резную шкатулку. Смахнув с нее пыль и паутину, откинула крышку и стала рассматривать содержимое. Кольца, браслеты, бусы... Судя по всему это подарки отца Хана любимой жене.

Проведя кончиками пальцев по помутневшему от времени серебру и камням, я машинально потянулась к своей шее, ожидая ощутить привычную прохладу кулона. Но его не было... Единственная память о родителях, и я как последняя дура умудрилась потерять его.

– Кара, ты уснула там что-ли?

Подпрыгнув от неожиданности, я приглушенно вскрикнула, и с бешено колотящимся сердцем повернулась на голос. Из люка торчала черноволосая макушка Хана.

– Ты напугал меня! – возмущенно зашипела я, захлопывая шкатулку, – Мог хотя бы покашлять или постучать что-ли?

Хан фыркнул.

– Я торчу тут уже минут пять, но ты настолько увлеклась шкатулкой, что даже не заметила.

– Прости... Задумалась о своем кулоне. Все в порядке? Никто тебя не заметил?

– Нет. Зато я кое-кого заметил. В кустах неподалеку кто-то перешептывался. Возможно это и есть наши будущие гости.

Одновременно с его последней фразой со стороны двери раздался тихий скрежет, и в щель просунулось острие кинжала, сдвигая засов в сторону. Хан тут же исчез в подполье, прикрыв за собой крышку люка, а я быстро нырнула в кровать, с макушкой накрываясь толстым пыльным пледом.

Через минуту дверь с едва слышным стуком открылась, и деревянные половицы заскрипели под чьими-то осторожными шагами.

Сердце от страха стучало уже не в груди, а в горле и висках. Я даже всерьез стала опасаться, что преступнику тоже слышен его бешеный ритм. Впившись до боли зубами в нижнюю губу, чтобы они не стучали, я сжалась в комок, ожидая неизбежного.

И вот покрывало уже исчезло с моей головы, а на кровать упала большая мужская тень.

Я не успела закричать.

Послышался глухой звук удара, и тяжелое тело кулем рухнуло прямо на меня, вышибив из легких воздух.

– Подними, – просипела я, – Подними его...

Спустя мгновение я сделала глубокий судорожный вдох, ощутив свободу.

– Как ты?

Надо мной возникло обеспокоенное лицо Хана.

– Все нормально, – сквозь рваные вдохи ответила я, когда могла хоть немного прийти в себя, – Кто это был?

Мужчина подал мне руку и помог подняться. Бросив взгляд на пол, я увидела знакомое лицо одного из стражников Алтан хатун, а рядом с ним и меч Хана, с окровавленной рукоятью.

– Значит я была права...

Хан мрачно кивнул.

– Вот и все, конец истории. Поверить не могу, что это все же была она.

– Что будем делать дальше?

Хан снял с себя пояс от дээла, и склонившись над горе убийцей, произнес:

– Для начала свяжем его. А потом отведем к бабушке. Пусть объяснится. Хочу увидеть ее глаза в этот момент.

И он принялся заматывать приходящему в себя страж-

нику запыстья. Когда тот недовольно застонал, Хан с силой пнул его под дых, тем самым намекая, что ему не стоит дергаться.

Закончив с руками, мы заткнули стражнику рот кляпом, и подобрав с пола его кинжал, направились к так называемой “заказчице” моего убийства.

Народ, возвращающийся с праздника, с удивлением глядел в нашу сторону. Но сколько бы не было сильно их любопытство, поинтересоваться о том, что произошло, никто так и не решил. Поэтому мы беспрепятственно добрались до юрты Хатун.

Второй стражник, заметивший, что в руках Хана безвольно болтается его напарник, резко побледнел. Однако до последнего решил следовать приказам своей хозяйки. Когда мы взошли на крыльцо, он перегородил дорогу, и с едва заметной дрожью в голосе, вымолвил:

– Госпожа уже спит. Не стоит нарушать ее покой. Накануне она плохо себя чувствовала.

– Быстро открыл дверь и зашел в юрту! – рявкнул Хан, направив на стражника свой меч.

Воин гулко сглотнул, и начал судорожно подцеплять пальцами край двери. Когда ему наконец-то удалось ее открыть, Хан пинком толкнул его в спину, да так что мужчина ласточкой пролетел несколько метров, упав ничком на ковер у кровати.

Вопреки словам стражника, хатун не спала. Женщина

беспокойно перебирала свои нитки для шитья, пока мы не появились на ее пороге. Проследив шокированным взглядом за полетом одного из стражников, хатун возмущенно воскликнула:

– Что ты себе позволяешь, Ерден?!

Хан швырнул второго воина на пол рядом с первым, и тяжело дыша, процедил:

– Я? Это ты что себе позволяешь, бабушка?! Как ты вообще до такого додумалась?!?!

Тут женщина перевела взгляд на меня, и до нее наконец дошло, что план провалился. Я жива, а ее стражник был пойман за руку.

Недовольно поджав морщинистые губы, она поправила подушку за спиной, и раздраженно прошамкала:

– А что мне еще было делать? Ты же не послушал меня! Я не дам тебе жениться на уруске! Если так привязался к ней, можешь оставить наложницей, но женой?! Никогда!

– Речь не только о Каре! Сколько безвинной крови на твоих руках?! Сколько еще наложниц ты убила?! – взревел Хан, разведя по сторонам руками.

– Что ты мелешь? – возмутилась старуха, – Я не убивала никого!

– А как же исчезновение русских девушек, и те тела, найденные недавно? – встряла я.

Хатун прицокнула языком.

– Еще раз повторяю, я никого не убивала! Тебя хотела,

да! – воскликнула она, а потом едва слышно пробубнила, – Жалко, что не вышло...

Я лишь возвела глаза к потолку. Психопатка неумная!

Под пытливым взглядом внука, женщина вдруг сторбилась, и устало вздохнув, покаялась:

– Наложниц я высылала за пределы улуса. В основном торговыми бричками. Никто особо их не искал, потому делать это было не сложно. После приключений твоего отца с той рабыней, что родила тебя, я не могла позволить истории повториться. Вот и решала проблему как могла.

Хан недоверчиво покачал головой.

– Допустим, так и было. Но что насчет недавних убийств девушек?

– А я почему знаю? Я их не трогала.

Тут я не сдержалась:

– Вы все врете! Признайтесь, что это вы отправили своих воинов убить их. Также, как и меня сегодня! Да вы просто чокнутая!

– Попридержи язык! – вздернула подбородок она, – И знай свое место!

Я фыркнула.

– Я не верю тебе, – мрачно выдал Хан, – Слишком много совпадений. На пальцах последней жертвы была порошковая краска. Точно такая, которой ты красишь свою пряжу.

– И что, это делает меня убийцей? – надменно произнесла она, – Такие порошки используют для лица, для рисования

картин. Да много для чего! С чего вы взяли, что это были именно мои краски?

– Потому что у вас был мотив! – воскликнула я, выставив перед собой указательный палец.

И тут вдруг с улицы послышались крики. Множество криков, наполненных ужасом. Мы с Ханом переглянулись и одновременно рванули из юрты на гул голосов.

Беседка для наложниц была переполнена людьми. Мужчины и женщины набились в нее как селедки в бочку, толкая друг друга и ахая от ужаса. Где-то были слышны всхлипы и крики о помощи, многие привставали на носочки, чтобы увидеть, что происходит.

Крепко ухватив меня за руку, Хан ледоколом врезался в толпу, расталкивая всех широкими плечами. Я же лишь старалась не потерять его ладонь. Когда мы наконец-то прорвались сквозь людей, то нашим глазам предстала картина из фильма ужасов или самого кошмарного сна.

В этот раз убийца оказался куда более жесток...

На дощатом полу беседки, прямо по центру лежало обнаженное тело девушки. Серовато-землистого цвета кожа, перерезанное горло, знакомые кровавые знаки на животе, лицо скрыто копной русых волос. Но это все пустяки, по сравнению с тем, что убийца сотворил с ее грудью. С молочных желез, ребер и ключиц была содрана кожа, обнажая мышечную ткань и кости.

Хан пытался спрятать меня за своей спиной, не дать уви-

деть весь этот ужас, но я лишь с силой оттолкнула его, на ватных ногах приблизившись к телу. Присев на корточки, трясущейся рукой отвела русые пряди с лица, и в немом крике раскрыла рот.

Через мгновение я уже избавлялась от содержимого желудка, свесившись через перила беседки.

Четвертой жертвой была Агнеша...

Когда болезненные спазмы закончились, и желудок полностью опустошился, я как в полубреду доползла до ближайшей скамейки и разревелась. К этому моменту стражники успели прогнать всех зевак, и в беседке остались лишь мы с Ханом.

Мужчина опустился рядом и стал ласково поглаживать меня по спине.

– Я обещала, что спасу ее!!! – сквозь потоки слез взвыла я раненым зверем, – Обещала, что с ней ничего не случится!!!

– Ты не виновна в ее смерти, Кара, – попытался успокоить меня Хан, – Ты ничего не могла изменить.

– Но как?!!! Кто убил ее и оставил здесь тело, если хатун и ее стражники все время были у нас на глазах?!!! – не успокаивалась я.

– Я не знаю, не знаю, Кара...

Утерев рукавом слезы, я оттолкнула его руки и вновь приблизилась к телу девушки.

– Не нужно! Не стоит тебе на это смотреть...

– Что это? – довольно резко спросила я, – Откуда это

здесь?

Хан вышел из-за моего плеча и спросил:

– О чем ты?

Я указала пальцем на зазубренное лезвие от косы, которое выглядывало из-под волос девушки.

Хан наклонился и осторожно вытащил окровавленное орудие, слегка сдвинув голову Агнеша.

– Эй! – он обернулся к одному из воинов и приказал, – Принеси сюда факел!

Стражник мигом исполнил приказ, и меньше чем через минуту лезвие озарилось желтым светом пламени.

– Вот чем девушкам перерезали горло, – едва слышно прохрипела я.

– Как думаешь, откуда его могли взять? – поинтересовался Хан, обращаясь к воину.

Бритоголовый детина с маленькой черной косичкой надо лбом, пожал плечами, и выдал:

– Так много откуда. Поля же косят, да и на скотниках тоже траву убирают, – мужчина на миг задумался и вдруг добавил, – Только вот с недавних пор с кладовой инструмент начал пропадать... Ножи, веревки... Косы вроде тоже пропадали.

Вот черт. А я ведь тоже слышала, что в скотниках завелся вор. И Саян при нашей последней встрече говорил, что из кладовой доносились какие-то звуки!

– Вора поймали? – напряженно спросил Хан.

– Неа, куда там. Разве ж углядишь за каждым, кто инструмент берет. Но вроде говорят, что какого-то русского видели.

Я что-то упускаю... Что-то, что лежит буквально на поверхности, но я никак не могу это рассмотреть!

– А я говорил, что нужно красильщиков проверить! – начал сокрушаться стражник, – Так кто ж меня слушает?

– Что еще за красильщики? – не поняла я.

– Так рабы, которые святилище восстанавливают. Их как-то на краже красящих порошков ловили, так может они и инструмент умыкнули?

И тут меня накрыло волной подозрения и одновременно непонимания.

– Не может быть... Мотива же никакого нет, – растерянно пробормотала я.

Или все же есть?

ГЛАВА 19

С силой сдавив пальцами виски, я начала лихорадочно сопоставлять факты.

– Что с тобой? Ты догадалась, кто это может быть?

– Я... Я не знаю, – беспомощно простонала я, – Я ничего не понимаю. Зачем ему это нужно?

– Да кому нужно?! – не выдержал Хан, – О ком ты говоришь?

Выдернув из рук мужчины орудие убийства, я заткнула его за свой пояс, совершенно не обращая внимания на то, что кровь с лезвия пачкает белоснежную ткань, и приказным тоном заявила:

– Пусть приведут коня. Нужно кое-что проверить.

Хан секунду поколебался, но все же отдал приказ стражнику, чтобы тот привел его жеребца, мимолетом бросив в мою сторону:

– Расскажешь все по дороге.

Я коротко кивнула.

Примерно через четверть часа мы уже галопом неслись по тропе, ведущей из улуса к реке и святилищу.

– Ты думаешь, что этот твой Антип мог совершить такое? – недоверчиво спросил Хан, когда я объяснила ему кого именно и почему подозреваю в убийствах.

– Честно? Никогда бы на него не подумала, – призналась я, – Но твой стражник сказал, что красящие порошки используют при росписи святилища, и что рабы, трудящиеся там, уже однажды были пойманы на воровстве. Это и натолкнуло меня на мысли об Антипе. Он же как раз восстанавливает святилище.

– Не знаю, Кара, – вздохнул он, – Не думаю, что парень стал бы убивать своих соплеменниц.

– Я все равно должна проверить, – стиснув кулаками сбрую, настояла я.

Прискакав к реке, мы оставили коня около юрты извозчика, привязав его возле поилки с водой, и дальше отправились пешком. Не стоило раньше времени привлекать к себе внимание.

Миновав узкую лесополосу из старых лиственниц, мы вышли на широкую поляну, в центре которой стояла большая одноэтажная пагода с белыми стенами и расписной крышей. Вокруг святилища было расположено множество каменных стел с выбитыми на поверхности рисунками. Поляна подсвечивалась факелами, воткнутыми прямо в землю.

Справа от пагоды горел большой костер, вокруг которого сидела дюжина молодых и взрослых мужчин. Чуть в стороне привалились к деревьям двое длиннобородых старцев.

Не сговариваясь, мы с Ханом тут же направились в сторону костра.

– Стой! Кто идет!

Кричал сонный стражник, услышавший приближение наших шагов. Привстав на телеге, в которой он дремал, мужчина стряхнул с кольчуги налипшую солому, и направив в нашу сторону лук, стал подслеповато щуриться, пытаясь разглядеть поздних гостей.

– Уймись Баяр, это я, – ответил Хан, – Убери лук. Тебя бы уже трижды убили, пока ты спал. Мне лишить тебя жалования?

Стражник тут же спрятал за спину оружие, и вытянувшись по струнке, пристыженно отчитался:

– Виноват, господин. Уже третью ночь без сна. Эन्ह захворал, вот приходится одному нести службу.

– Ладно, отомри, – смилостивился Хан, – Лучше скажи мне, где у тебя Антип трудится?

Мужчина растерянно почесал макушку, и выдал:

– Так я ж их по именам-то не знаю...

– Антип еще в святилище. Роспись на колоннах заканчивает, – вдруг подал голос короткостриженный худой мальчишка лет одиннадцати.

На него тут же начали шикать и косо смотреть мужчины и парни постарше. Видимо у них было не принято сдавать своих.

Мальчишка виновато пожал плечами и опустил взгляд.

У меня сердце сжалось от одной лишь мысли, что этот ребенок вместо того чтобы счастливо проживать свое детство, находится в рабстве и вкалывает наравне со взрослыми муж-

чинами. И он ведь наверняка не один такой...

– Идем, проверим святилище, – Хан потянул меня за руку, вытаскивая из мрачных мыслей.

Тряхнув головой, я освободила свою ладонь из его руки, и пошла в сторону пагоды.

Хану мой жест не понравился.

– Что случилось? – заинтересованно спросил он, – У тебя такое лицо, будто ты сейчас готова кого-нибудь убить.

– Поверь, я в шаге от этого! – не выдержала я, и невольно ускорила шаг, по всей видимости, пытаюсь сбежать и от Хана и от своих скверных мыслей.

– Да, что не так?

Мужчина, догнав меня, положил руку на плечо, заставляя остановиться.

– Все не так, Хан! После твоих слов у реки я правда начала надеяться на что-то. Думала мы действительно можем попытаться быть вместе. Но ничего не выйдет! И дело вовсе не в моей тайне, дело в тебе! В твоих убеждениях, в твоих поступках!

Хан все еще глядел на меня непонимающе.

– Тот мальчик! Сколько ему? Одиннадцать, двенадцать? Он же совсем ребенок! Со сколько лет он находится в рабстве?

Мужчина на секунду нахмурился, а потом вдруг громко захохотал.

Я со злости долбанула ему кулаком в грудь. И в этот мо-

мент на руке вспыхнуло пламя, оставляя горелую дыру на его дээле.

– Что ты смеешься?! У тебя что, вообще ничего святого нет?!!

В дело пошел второй кулак, но Хан успел его перехватить. Зажав оба запястья в стальных тисках, он склонился к моему лицу, и уже без смеха сказал:

– А теперь успокойся и послушай меня. Тот мальчик вовсе не раб. Видела старцев у костра? Так вот, они очень, очень талантливые художники. Мастера, которые путешествуют по миру, расписывая храмы и святилища. Я пригласил их в улус за очень неплохую плату. Тот мальчик – внук одного из старцев. Его родители погибли давным-давно, потому он и ездит вслед за дедушкой, осваивая его ремесло.

Я так и застыла с открытым ртом, пытаюсь осмыслить сказанное. Еще раз обернувшись в сторону костра, увидела как мальчик что-то весело обсуждает с одним из старцев.

А ведь действительно... Он слишком хорошо одет для раба. Вещи пусть и не очень чистые, но новые, да и вместо обычных лаптей на его ногах красовались кожаные сапожки.

Я стыдливо потупила взгляд, нахмутив брови.

– Прости... Я... Просто я видимо никогда не смогу смириться с тем, что абсолютно безвинные люди попадают в рабство.

Хан слегка приподнял бровь.

– Разве когда-то война проходила без жертв?

– Для чего тебе эта война? Для чего все эти убийства и плен?

Внутри у меня все горело. Вся та несправедливость, которую я наблюдала в улусе, начала прожигать мою душу.

– Лично мне? Я не желаю ни войны, ни золота, ни территорий. Война лишь губит мой народ, истребляет его. Но и я всего лишь песчинка в часах нашего ханства. Просто орудие в руках великого хана. Я бы с удовольствием бросил престол и принял простую жизнь рядового воина, но в таком случае мое место займет Менгуй, а я не могу допустить этого, – признался Хан, – Времена золотой орды давно прошли, Кара. Сейчас жестокость и кровопролитие понемногу уступают место сотрудничеству и новым союзам. Однако даже сегодня великий хан требует от простых каанов увеличения государственной казны и территорий. Поэтому мне приходится идти на завоевания. Чтобы не попасть в немилость и не вылететь из улуса.

– А что если я скажу тебе, что существует такое место, где нет рабства и войны? Где почти все равны, и каждый человек имеет право жить так как хочет лишь он?

Хан лишь снисходительно улыбнулся уголком губ.

– Тогда я бы сказал, что не верю тебе. Уж прости.

Я недовольно покачала головой.

– Но я все еще жду, что ты раскроешь мне свои тайны, – напомнил он, – И может быть тогда я возьму свои слова обратно, кто знает?

Его слова были уловкой. Для того чтобы я наконец-то все рассказала ему. Я поняла это сразу же, но не стала заострять внимание. Не так-то просто поверить в то, что никогда в жизни не видел и даже не представлял. Нас впереди ждет непростой разговор...

– Расскажу, -согласилась я, – Но сначала дело.

Мы подошли к двери пагоды, и Хан дернул на себя ручку. Дерево разбухло от недавних дождей и тяжело выходило из колоды. Лишь со второго раза ему удалось открыть святилище.

Изнутри пагода выглядела куда печальнее, чем снаружи. Облезшая краска на настенных картинах, осыпающаяся побелка и запах затхлости. Лишь расписные колонны радовали глаз блеском свеженанесенных рисунков.

– И где он? – спросила я, подхватив один из факелов у входа и обходя помещение по периметру.

Хан провел пальцами по одной из колонн, и выдал:

– Не знаю... Хотя краска еще не успела высохнуть. Может парнишка ошибся и он все же ушел?

Половица под моей ногой натужно взвыла, и я тут же бросила взгляд под ноги.

– Эй, а это что такое? Иди, посмотри.

Хан тут же приблизился и присел у моих ног, рассматривая чугунное кольцо, прибитое к доскам.

– Вроде это дверь в подпол. Там раньше свечи и всякую утварь хранили. Я думал, его давно заколотили.

С силой дернув за кольцо, он распахнул дверцу, и из проема мгновенно повеяло холодом и запахом гнили.

Заткнув носы и закашлявшись, мы тут же отползли от люка.

– Откуда запах? – закрывая нос и рот рукавом, спросила я, – Ты же сказал, что им не пользуются?

Хан еще раз закашлялся, и сдавлено ответил:

– Не знаю, может зверь какой сдох?

Я встала на колени и подползла к смердящему проему в полу.

– Зверь? – переспросила я, – Дай боги, если так... Идем, нужно проверить.

Сев на край проема, я свесила ноги, и протянула факел Хану.

– Ты думаешь, он мог там истязать наложниц?

– Не исключаю, – призналась я, чувствуя как по позвоночнику ползет мерзкая, липкая дрожь.

Мужчина присел рядом со мной и первым сиганул во мрак.

Я протянула факел и пламя тут же выхватило из темноты его бледное лицо, вскинутое к свету.

– Давай сюда факел, а потом сама прыгай. Я поймаю, – велел он.

Я передала факел в его руку, и мысленно прикинув расстояние до земли, немного успокоилась. Подполье высотой оказалось не более чем полтора человеческих роста.

Когда Хан воткнул факел в землю, я с тихим писком ухнула вниз. Подошвы туфель не успели коснуться земли. Сильные мужские руки подхватили меня за талию еще в полуметре от пола.

Соскользнув по телу Хана вниз, я тут же уткнулась носом в его грудь, почувствовав, что смрад усилился. Сам он прикрывал лицо высоким воротом дээла.

– Нужно идти, – просипела я, нехотя отрываясь от него.

Хан кивнул, и подхватив факел, первым двинулся вглубь земляного коридора.

– Странно... – спустя несколько минут произнес он, когда проход сузился до того, что нам пришлось опуститься на колени.

– О чем ты?

– Тоннель не должен быть таким длинным. Я был здесь несколько раз, и раньше это было просто подполье. Небольшое, узкое помещение. Кто-то прорыл лаз дальше.

– Интересно, куда он ведет, – смахнув с волос осыпающуюся землю, прокряхтела я.

Ползти пришлось еще минут десять по моим ощущениям. Хотя время в этом тоннеле тянулось бесконечно долго, и возможно я ошибалась. В любом случае, смрад все усиливался, и вскоре лаз закончился, и мы смогли наконец-то подняться на ноги и выпрямить затекшие спины и колени.

– Что с факелом? – спросила я, осознав, что вокруг меня лишь крошечная темнота.

– Землей на выходе засыпало, – с досадой ответил Хан, –

Ни черта теперь не видно.

– Я попробую призвать пламя. Факел еще при тебе?

– Да.

Долго мучиться не пришлось. Вскоре на кончиках пальцев вспыхнули слабые огоньки, похожие на маленьких светлячков, и я протянула руку к тряпке, пропитанной жиром. Факел мгновенно занялся ярким пламенем.

Все также затыкая носы, мы стали осматривать место, в которое попали.

Оказалось, что тоннель заканчивался в небольшой землянке. Стены и потолок были укреплены досками. Посередине стояло несколько бревен, подпирающих свод потолка.

Медленно двинувшись вглубь землянки, мы неосознанно все больше и больше прижимались друг к другу. Ужас с каждым мигом сильнее сжимал наши сердца. Мы оба чувствовали, что это конечная точка.

Мы нашли то, что искали.

– Гляди, это же пропавший инвентарь, – воскликнул Хан, указывая факелом на один из шатких деревянных столов, расставленных по помещению.

Действительно, на пыльной поверхности лежали ножи и лезвия, покрытые бурыми пятнами. На полу стояло ведро с какой-то темной жидкостью, от которой и исходил весь этот смрад. Я присмотрелась повнимательнее... Похоже на кровь. На испорченную кровь.

Пока Хан рассматривал орудия убийства и пыток, я вновь зажгла на ладони небольшой огонек, и двинулась к следующему столу.

Поверхность оказалась завалена кучей разных вещей. Дээлы, туфли, украшения и даже несколько гребней для волос. Среди всего этого хлама я узнала лиловую ленту, которую Настасья вплетала в волосы. Сейчас переливающаяся ткань была запятнана кровавыми разводами.

Дрожащей рукой отодвинув ее в сторону, я стала копаться в вещах, уже прекрасно понимая насколько была права по поводу Антипа.

Но вскоре обнаружилось кое-что шокировавшее меня намного больше вещей Настасьи. Под одним из платьев лежал мой кулон.

– Иди сюда, – безжизненным голосом позвала я Хана.

Подцепив пальцами короткую цепочку, я попыталась вытянуть его на свет, но вскоре поняла, что украшение за что-то зацепилось.

Засунув руку в ворох тканей, я хотела отцепить его, но пальцы вдруг уткнулись во что-то холодное и мягкое.

Резко отдернув руку, я вытащила из-за пояса лезвие, и с опаской подцепила им лежащий сверху дээл.

То, что обнаружилось под тканью, заставило меня заорать от ужаса и тут же потерять сознание.

Это была кожа. Человеческая кожа.

ГЛАВА 20

– Ну же! Очнись!

Щеки неистово горели от шлепков, которыми награждал меня Хан, пытаясь привести в чувства.

Недовольно зажмурившись, я повернула голову в сторону, уворачиваясь от очередной пощечины.

– Слава духам! – облегченно вздохнул он, – Я уже начал переживать, что придется тащить тебя в лаз без сознания.

Щурясь от яркого света факела, я попыталась подняться с пола, и Хан тут же подsunул руку мне под спину, чтобы помочь. Голова еще немного кружилась, а язык во рту высох до состояния наждачной бумаги. Да и в целом чувствовала я себя весьма скверно.

– Что-то я в последнее время слишком часто падаю в обмороки, – недовольно буркнула я.

– А ты есть больше не пробовала? – хмыкнул Хан, – Что случилось-то? Может тебе просто воздуха не хватило?

Я угрюмо покачала головой.

– На том столе вещи убитых девушек и мой кулон. А под ними кожа. Человеческая. Судя по всему Настасьи.

Лицо Хана тут же вытянулось, а в глазах поселился ужас и недоверие. Оставив меня на полу, он медленно поднялся и подошел к столу. Сначала просто осмотрел его, а потом

отбросил в сторону дээл, под которым и лежала страшная находка.

– Большой ублюдок... – тут же выпалил он, прижав к губам сжатый до побеления кулак, – Клянусь, я с него самого кожу живьем сниму, когда найду!

Встав на колени, я ухватилась за край столешницы, и с усилием подняла тело с пола. На содержимое стола больше старалась не смотреть. Вместо этого попросила Хана отдать мне кулон, и застегнув его на шее, решила, что не будет лишним найти выход из этой пыточной.

Он ведь здесь есть?

Дверь действительно нашлась. Пусть и не сразу. Доски настолько поросли мхом, что пришлось искать на ощупь, пока рука не наткнулась на холодный металл ручки.

– Эй, я похоже нашла выход! – облегченно сообщила я Хану.

Вот только в этот момент дверь распахнулась, и меня отбросило к стене, больно впечатав лопатками в сырые бревна. Я не сразу поняла кто стал поздним гостем землянки – обзор закрывала дверная створка. Но зато мне было прекрасно видно лицо Хана с налитыми гневом глазами.

– Так это все же ты! – прорычал он, и кинулся на убийцу, который тут же попытался сбежать.

Вынырнув из дверного проема, я уже собиралась тоже броситься в погоню, но едва перешагнув порог, увидела как Хан придавливает сапогом к земле тело брыкающегося Ан-

типа.

– Кара, неси веревку!

Я мигом вернулась в землянку и принесла Хану толстый джутовый шнур, которым он связал Антипу руки.

Когда мы перевернули парня лицом к небу, то я мгновенно отпрянула, ужаснувшись тому, насколько безумно он выглядел. Глаза выпучены, по подбородку стекает слюна вперемешку с кровью из разбитой губы, а на щеках алеет нездоровый румянец.

– Зачем... – только и могла прошептать я.

Антип не ответил, лишь суматошно вращая глазами и странно рыча.

Убедившись, что парень не сможет сбежать, Хан выпрямился и оглянулся вокруг.

– Да это же наш лагерь! – удивленно выпалил он, – Крысеныш прорыл ход прямо до кухни. Смотри! Вон же шатер!

И правда... Всего в паре метров белела крыша шатра, в котором я еще недавно драила котлы. Обернувшись к землянке, я поняла, что она вырыта в небольшом пригорке, а дверь скрыта густой порослью осоки.

Умно. За кухней находилась только выгребная яма, в которую по ночам конечно никто не ходил. Вот как он забирал девушек и подбрасывал обратно тела.

– И все это было прямо у меня под носом! – отчаянно прошептал Хан, – И я ничего не заметил...

– Как ты уводил девушек? – едва сдерживая в себе жела-

ния спалить его дотла, спросила я, – Неужели они не кричали?

Антип безумно ослабился и процедил:

– Не кричали... Кто ж станет кричать с лезвием в горле.

Я судорожно сглотнула, невольно сделав еще один шаг назад.

– Давай отведем его в мою юрту, – сказал Хан, – Здесь нас могут заметить, ни к чему народ лишний раз пугать.

Я согласилась.

На душе было пусто. Вместо долгожданного упоительно-го чувства победы и восторжествовавшей справедливости, я получила лишь горький привкус гнева и скорби. Хотелось только одного – чтобы все это как можно быстрее закончилось.

Поэтому я без особого воодушевления плелась вслед за Ханом, толкающим в спину Антипа. Ноги все еще двигались лишь благодаря желанию узнать, ради чего погибли четыре безвинные девушки.

Очутившись внутри юрты, я обессиленно опустилась на край постели, ожидая пока Хан привяжет Антипа к стулу. Проверив веревки несколько раз, он привалился к балке, подпирающей свод потолка, и устало потерев ладонями лицо, произнес:

– Давай рассказывай. Зачем наложниц убивал?

Парень молчал, безвольно уронив голову на грудь. Похоже безумие потихоньку отпускало его, и взамен приходило

осознание того, что все его злодеяния окончены. Он пойман.

Хан подождал еще с минуту, и так и не дождавшись ответа, оторвался от балки и одним ударом ноги опрокинул стул вместе с Антипом на пол, а после наступил носком сапога ему на горло.

Парень захрипел. Глаза налились кровью, а кожа приобрела синюшный оттенок.

– Остановись! – закричала я, – Ты так убьешь его и мы ничего не узнаем!

Хан нехотя убрал ногу, и рывком поставил стул на место. Послышались всхлипы. Ухватив Антипа за челку, он дернул его голову назад, и я увидела, что парень плачет.

– Ты забрал ее!!! Забрал ее у меня!!! – провыл он, – Ненавижу! Будь ты проклят!

Теряя терпение, Хан процедил:

– Выражайся яснее. Я не понимаю, что ты там бормочешь!

Губы Антипа искривились в беззвучном плаче, и он с придыханием взвыл:

– Ты убил ее..! Убил мою Заряну! Мою любимую...

– Да что ты несешь! – возмутился Хан, – Я эту Заряну всего два раза в жизни видел!

– Ты убил ее!!! Убил! – Антип как мантру все повторял и повторял эту фразу.

Подтянув ноги к груди, я устало уперла подбородок в колени, и обратилась к Хану:

– Что-то я ничего не понимаю... О ком он говорит?

– Заряна. Наложница была у меня с таким именем, – пояснил Хан, – Я и знать ее не знал, в гарем она попала совершенно случайно. Эта Заряна как-то раз прицепилась ко мне в селении и стала падать в ноги, умоляя чтобы я защитил ее и взял к себе в гарем. Якобы над ней жених издевается, убить хочет. Ну я и сказал, чтобы ей выделили место в гареме. А потом, через месяц ушел в поход, а как вернулся, то узнал, что она с лихорадкой слегла и не выжила. Вот и все.

Закончив рассказ, он вдруг нахмурился, и косо посмотрев на Антипа, вдруг протянул:

– Так, погоди, жених это ты что-ли?

Тут парень снова погрузился в какое-то безумие. Опустив голову вниз, он неистово щелкал зубами, как будто пытался перегрызть веревки, стягивающие его грудь. При этом из горла сквозь рык периодически вырывались слова о том, что Хан лжет, и что это именно он убил его невесту.

– Полудурок! Меня даже в улусе в этот момент не было, тебе это любой подтвердит! Как я мог ее убить?!

Но Антип его даже не пытался его услышать.

Хан раздраженно фыркнул, и разведя руками, воскликнул:

– Это все какой-то бред! Как с ним вообще разговаривать, он же сумасшедший?!

– Дай мне попробовать, – вдруг предложила я.

Но Хан одним лишь взглядом дал мне понять, насколько ему не нравится эта идея.

– Да брось! Ну что он мне сделает? В таком-то виде...

Я указала рукой на веревки.

– Хорошо, – нехотя сдался он, – Но держи расстояние не меньше двух шагов.

Поднявшись с постели, я приблизилась на оговоренное расстояние, и села прямо на пол, вновь притянув колени к груди. Сам же Хан встал у Антипа за спиной.

Немного поразмыслив, как лучше начать разговор, я постаралась хоть немного унять ненависть к этому чудовищу, и спокойным, ровным голосом произнесла:

– Ты ведь любил ее... И Заряна тебя любила. Просто жизнь была слишком жестока с вашей любовью.

Я не смотрела на него. Старалась говорить в пустоту. Понимала, что если только увижу его глаза, то непременно сорвусь.

– Вы наверное хотели провести вместе всю жизнь...

Сработало. Антип приподнял голову, и тихо забормотал:

– Мне было всего шесть лет, когда я увидел ее впервые. Мою Заряну... Она собирала морошку на нашем лугу со своей сестрой. У нее были такие красивые глаза. Как озера. Я в тот же день пообещал, что обязательно женюсь на ней, когда вырасту. А она лишь посмеялась и назвала меня дураком... Но прошли годы, мы стали взрослыми. Она каждый год на рождество гадала на жениха. А я любил ее... И с каждым днем все сильнее. Подружки Заряны говорили, что она мне не ровня, что с ее красотой жениха не в селе искать надо, а

в княжеском дворце. И она их слушала. Но так было лишь до того, как в деревню пришли монголы и мы оба попали в плен... Тогда она наконец и призналась мне в своих чувствах. Сказала, что если я спасу ее от плена, то мы обязательно поженимся!

Все ясно... Девчонка просто использовала его. А потом, присмотревшись к каану, нашла вариант получше.

– И с того дня я начал подготавливать все для побега. Каждую ночь, когда все засыпали, я спускался в подпол святилища, и рыл тоннель, через который мы смогли бы незамеченными покинуть улус. А еще украл красящий порошок, чтобы продать его на первой же ярмарке, и выручить хоть каких-то денег. Я был на все готов, только бы она была со мной...

Тут Антип замолк и его как будто передернуло. Скривив губы, он завернул голову через плечо и процедил:

– Но в один прекрасный день она не пришла на встречу. И одна из пленниц сказала, что каан забрал ее в свой гарем! – голос парня начал срываться на визг, – А через месяц я наткнулся на ее тело, брошенное в степи на съедение зверям! Ее кожа была изъедена насекомыми, а глаза выклевали птицы! И все это сотворил с ней ты!!!

– И тогда ты решил отомстить, – мрачно продолжил Хан. Он больше не пытался с ним спорить, видимо наконец понял, что это бесполезно.

– Нееет, – Антип стал яростно мотать головой, – Не месть была моей целью! Я хотел, чтобы ты поверил... Поверил в

то, что твои боги против пленения русских девушек! Чтобы ни одна из них больше не попала в твои когти!

– И ради этого ты решил убивать своих соплеменниц? – неверяще спросила я.

– А что еще мне было делать?! – взревел Антип, – Никто кроме меня не остановил бы его! И как видишь, мой план сработал! Урусок в наложницы не брали уже почитай полгода! Но появилась ты!!! И этот урод как будто забыл о том, из-за чего погибли прошлые наложницы! Я видел! Я все видел! Как он смотрит на тебя, как спас от расправы на площади после ярмарки! И тогда я понял, что нужно вновь напомнить ему о том, что следует за грехом... За грехом наступает расплата! Пришлось чуть дольше повозиться с последней девушкой, чтобы он навсегда запомнил ее изуродованное тело!

В голосе Антипа звенело торжество, и чувствуя свое превосходство он вдруг добавил:

– Знаешь, вообще-то следующей жертвой должна была стать ты, Кара! Да, да! И у меня почти получилось, тогда, на берегу! Но появился этот ублюдок и мне пришлось спрятаться! Один кулон и успел ухватить. После этого я решил не рисковать и выбрал Настасью. Эта дурочка перед тем как я ее убил, рассказывала своим подружкам какой их господин великолепный и расчудесный! Предательница! За то и поплатилась!

– Так вот откуда у тебя мой кулон, – прошептала я, чувствуя как злые слезы скатываются по щекам и капаят на ост-

рые носы туфель.

Это не человек... Давно уже не человек. Выродок. Чудовище. Не знаю, сломал ли его плен, предательство Заряны, или же все дело в его насквозь прогнившей душе, но я точно могу сказать, что это существо не достойно жалости или помилования.

В моей голове проносились воспоминания о Настасье. Ее ехидный смех, любовь к своим волосам, напыщенная строгость и бесконечное жизнелюбие...

И все это отобрал он.

Встав с пола, я наконец-то посмотрела в его глаза. В глаза убийцы. Безумного чудовища с крайне извращенной моралью.

– Твой план не сработал, – презрительно выпалила я, – Знаешь почему? Все еще остаюсь я. Я еще жива и стою здесь, перед тобой. А еще знаешь, что? Совсем скоро каан женится на мне, и вот тогда все твои планы рухнут окончательно!

Приблизившись на пару шагов, я склонилась над обозленным парнем, и злорадно пропела:

– Только вот беда... Ты этого уже не увидишь!

Последние слова вырвались из моего горла вместе с гневным шипением, и вытянув воспламененные руки вперед, я с силой вдавила их в лицо Антипа.

Из перекошенного от боли рта раздался душераздирающий крик. В нос ударил запах горелой плоти, и кожа под пальцами начала пузыриться и моментально обугливаться.

Пришлось закрыть глаза, чтобы не видеть этого.

Кажется Хан что-то кричал, пытался остановить меня. Но это было невозможно. Горели не только мои руки.

Я вся была как живой факел.

Лишь когда его вопли стихли, а тело обмякло, я смогла прийти в себя.

Отняв ладони от обугленного дотла черепа, я пошатнулась и накренилась назад, все еще не открывая глаз. Но сильные руки тут же поймали меня и заботливо уложили на постель.

– Ты не должна была брать на себя бремя расправы, – прошептал Хан, с болью глядя на мое покрытое слезами лицо, – Но я не могу не сказать тебе спасибо. То, что ты сделала с ним... Он это заслужил. Благодаря тебе все те девушки смогут покоиться с миром, зная, что их мучитель пережил не меньшую боль.

Я лишь с громким всхлипом закрыла руками лицо и сжалась в комок.

Хан легко поцеловал меня в макушку и завернул в покрывало.

– Не открывай глаза, пожалуйста, – попросил он, – Я позову стражников, чтобы они вынесли тело. Не стоит тебе на это смотреть.

После этого он и правда позвал несколько воинов, которые несмотря на явное удивление, с гробовым молчанием начали выполнять приказ.

Я же действительно до боли смежила веки, для надежно-

сти еще и натянув на голову край покрывала. Просто слишком сильно боялась, что если увижу то, что сотворила с ним, то уже никогда не смогу избавиться от этого жуткого кадра в своей голове.

Вскоре пришли прислужницы, которые должны были заняться уборкой. В целом можно было вылезать из своего укрытия, но я была настолько вымотана, что даже не заметила как уснула.

И на границе сна и яви в голове возникла четкая мысль, ужаснувшая меня.

Я. Убила. Живого. Человека.

ГЛАВА 21

Большое черное пятно на полу – вот, все что осталось от вчерашнего кошмара. Я все утро смотрела на него, не в силах оторвать взгляда. В мыслях то и дело возникало перекошенное лицо Антипа, а в ушах звучал его душераздирающий вой.

Хан сказал, что я кричала во сне. Не знаю... Мне показалось, что я вообще не спала. Только закрою глаза и начинается...

Промучившись до рассвета, я не выдержала и тайком улизнула из юрты. Благо, что стражи не было у двери, и мне никто не стал мешать. Похоже этой ночью Хан отправил своих воинов избавляться от тела Антипа.

Ноги сами повели меня к реке. Несмотря на грозу и мощные порывы ветра, мне до дрожи захотелось с головой окунуться в ледяную воду.

Добравшись до своей тайной заводи, я сбросила одежду и шагнула навстречу мелким волнам, вызванным бушующей с раннего утра погодой.

Река с тихим всплеском приняла меня в свои объятия, остужая тело и мысли. Всласть наплававшись, я обессилена легла на воду, почувствовав как мышцы начали гореть от усталости.

Небо над головой то и дело рассекали искристые змейки – молнии, а графитовые тучи рваными мазками перекрывали голубую высь. Гроза превратила рассвет в вечерние сумерки.

Прикрыв веки, я позволила волнам нести свое тело к берегу, наслаждаясь убаюкивающим покачиванием. Однако вскоре моя голова уткнулась вовсе не в камыши, а во что-то твердое, заставив испуганно дернуться и мигом уйти под воду, хлебнув ртом и носом воды.

Вынырнув на поверхность, я запрокинула голову назад, откашливая из легких жидкость.

– Прости, не хотел пугать тебя, – раздался над ухом виноватый голос Хана, – Мне показалось, что ты уснула. Твое тело уносило от заводи к руслу реки.

Протерев тыльной стороной ладони глаза, я сквозь слипшиеся ресницы оглянулась вокруг. Похоже, что Хан прав. Еще немного и меня бы унесло к большому течению.

– Я думала волны вынесут меня к берегу, – призналась я, радуясь, что темная вода скрывает обнаженное тело от мужского взгляда.

– Не стоило тебе плавать в такую погоду, – с укором сказал он, поддерживая меня под локти, – Или хотя бы могла предупредить меня.

– Прости. Мне не спалось...

Дурные мысли вновь накатили на меня удушливой волной, заставляя погружаться в пережитый кошмар.

– Давай к берегу. Не стоит в грозу находиться в воде –

плохая примета.

Я пожала плечами и первой погрелась к суше. Не услышав за спиной характерных всплесков, обернулась и поняла, что Хан все еще стоит на прежнем месте.

– Ты чего?

– Одевайся спокойно, я позже выйду, – сказал он, не поворачивая головы.

Надо же... Нашему каану оказывается не чужды джентльменские замашки. Как много изменилось с моего первого дня в улусе.

Плюнув на все “надо” и “должна”, я резко развернулась и поплыла в обратном направлении. Приблизившись к Хану, всем телом прижалась к его обнаженной спине, обхватив руками ребра. Мышцы под изрезанной шрамами кожей моментально окаменели, но я не почувствовала сопротивления.

– Я больше не боюсь тебя... – тихо прошептала я, прижимаясь губами к прохладной коже, – Но до дрожи переживаю за то, что судьба в очередной раз лишь посмеется над нами.

Хан развел мои ладони, обнимающие его грудь, и развернувшись ко мне лицом, замер, глядя прямо в глаза.

Позволив разорвать объятия, я тут же ощутила болезненную пустоту и невольно обхватила себя руками.

– Но бояться ведь можно до конца своих дней, верно? – спросил он, – Только вот какой тогда вообще смысл в жизни... Если все что любишь, ты всегда будешь бояться потерять, упуская возможно самые прекрасные моменты своего

существования.

Нежно коснувшись кончиками пальцев моих побледневших от холода губ, Хан вдруг настойчиво притянул меня к своей груди, и впился поцелуем, запуская ладони в волосы.

Устав противиться собственным чувствам, я с глухим стоном подалась ему навстречу, с силой впиваясь ногтями в кожу на широких плечах.

Вокруг нас бушевала стихия. Гроза норвила обратиться ураганом, а волны все сильнее били по нашим телам. Но сердце... Сердце горело от страсти и любви, заставляя забыть о том, что происходит вокруг.

Оставив в покое истерзанные поцелуями губы, Хан приник к шее, оставляя болезненные следы на нежной коже. Подхватив меня под бедра, он рывком приподнял мое тело, заставив обхватить ногами его талию. Я тихо ахнула, ощутив насколько сейчас близки наши тела. Мое, полностью нагое, и его, скрытое лишь тонкой тканью хлопковых шаровар.

– Уйдем отсюда, – прерывисто выпалила я, почувствовав что ветер начинает захлестывать наши лица.

Хан согласно промычал, не отрывая губ от моих ключиц, и начал выходить к берегу, по-прежнему не спуская меня с рук.

Оказавшись на суше, он подхватил с песка мою одежду, и отряхнув, быстро помог мне натянуть нижнее платье и дээл, после чего оделся и сам.

Как только я застегнула последнюю пуговицу на вороте, с

неба хлынул дождь, и мы как сумасшедшие рванули с заводи, разбрызгивая ногами воду из мгновенно набегающих луж.

Конь Хана, как обычно, был привязан неподалеку, поэтому нам не пришлось добираться до лагеря пешком. Вскочив в седло, Хан усадил меня перед собой и пустил жеребца в галоп.

Когда впереди показалась площадь, я прищурила глаза и всмотрелась вдаль.

– Что происходит? – громко спросила я, пытаясь перекрыть ветер и ржание коня.

На площади собралась целая толпа вооруженных воинов, среди которых яростно метался Менгуй, хватая то одного, то другого стражника за грудки.

– Не знаю! – крикнул Хан, – Когда я уезжал все было в порядке!

“Неужели нападение?” – со страхом подумала я.

Перейдя с галопа на рысцу, Хан уверенно направился прямо в гущу событий.

– Объясни, какого демона ты собрал всех воинов на площади? – потребовал он от Менгуя.

Военачальник оттолкнул от себя очередного перепуганного вояку, и с перекошенным от злости лицом повернулся в нашу сторону.

– Твоя полоумная сестрица ночью сбежала из улуса! – недовольно выкрикнул Менгуй. Казалось, что еще немного, и он набросится на Хана, – И пока ты развлекаешься с этой

ведьмой, вместо того, чтобы исполнять свои обязанности, я как чокнутый разыскиваю хоть кого-то, кто мог видеть куда она ушла!

Хан в момент спрыгнул с коня, и схватив Менгуя за горло, яростно процедил:

– Что ты сказал?

Менгуй захрипел и вцепился в его ладонь обеими руками.

– Клянусь, если я узнаю, что ты как-то замешан в ее исчезновении, то я живьем закопаю тебя в выгребной яме!

– Отпусти меня! – прохрипел он, – Я не трогал ее!

Хан резко убрал с его шеи руку, отряхивая ее, как будто коснулся чего-то гнилого. Менгуй пошатываясь, отступил на несколько шагов назад и обхватив свою лошадь за шею, буквально повис на ней.

– С чего Солонго вдруг решила сбежать, если еще вчера она вроде как была “счастливой” невестой? Или ты принудил ее к помолвке?

Все еще тяжело дыша, Менгуй с громким харканьем сплюнул на землю и сипло усмехнулся.

– Принудил? Она сама пришла ко мне и стала умолять, чтобы я женился на ней!

– Лжешь! – гневно сжимая кулаки, рывкнул на него Хан.

– О, поверь, я говорю правду! У твоей сестрицы были на это свои причины! Хочешь, расскажу о них, а? Прямо здесь, при всех!

Хан с подозрением начал всматриваться в лицо своего во-

еначальника, не понимая, блефует он или нет.

Но я уже поняла, что Менгуй не врет. Догадывалась какие обстоятельства могли побудить Солонго выйти замуж за Менгуя.

Осознав, что их перепалка рискует перерасти в драку, я соскользнула с коня, и подошла к Хану, осторожно касаясь его плеча.

– Ерден...

– Давай позже, Кара, – торопливо оборвал меня он.

– Ерден, я знаю где Солонго.

Он на мгновение замер, а потом резко обернулся, строгим взглядом всматриваясь в мое лицо:

– И как это понимать?

Я украдкой пробежалась глазами по наострившим уши воинам, и понизив голос, попросила:

– Давай отойдем в сторону и я все расскажу.

Он тут же подхватил меня под локоть и потащил к краю поляны, через плечо бросив Менгуя:

– Мы не закончили!

Отойдя от толпы на приличное расстояние, Хан выжидающе уставился на меня.

– Ну! Рассказывай!

Я сделала глубокий вдох, и решила начать с самого сложного, осторожно спросив:

– Ты помнишь, что недавно в улус привели русского богатыря?

В глазах Хана загорелся недобрый огонек, как только он это услышал.

– В общем у них с Солонго был роман, – не стала скрывать я.

Но Хан на это лишь фыркнул.

– Что за чушь?! – угрюмо скривился он, – Он уже два месяца в скотниках пашет, они бы даже не встретились!

– Я без понятия как они познакомились, но точно знаю, что отношения между ними были, – продолжала настаивать я, – Я своими глазами видела как Солонго тайком бегала к нему на встречи.

Хан поменялся в лице, осознав, что я не шучу.

– И что дальше?

– Дальше я пошла к Саяну и заставила его разорвать отношения с Солонго, и на следующий же день он ее бросил. И судя по всему это и стало причиной того, что твоя сестра пошла к Менгую. Может так она хотела отомстить Саяну, или вызвать его ревность. Или вообще боялась быть опороченной!

– Допустим, все так и есть. Но с чего это богатырь вдруг послушал тебя? – резонно поинтересовался Хан.

Я застыла, не понимая как объяснить ему истинную причину этого. В конце концов пришлось признаться:

– Все это связано с моей тайной. Просто прошу, поверь! Случилось что-то серьезное, раз они решились бежать. Просто так Саян бы не стал подвергать опасности твою сестру.

– Великие духи, Кара, ты сейчас серьезно?! – взревел Хан, – Моя сестра миловалась с каким-то пленным, и ты все знала и не сказала мне?!

– Да я знаю, что виновата! – вскрикнула я в ответ, – Но поверь, у меня были на то свои причины! Нам сейчас не ругаться нужно, а ехать за ними! И чем быстрее, тем лучше. А по дороге я все тебе расскажу, обещаю.

Хан раздраженно вскинул голову к небу, и процедил:

– Еще бы знать, куда ехать!

– Они бы отправились только в одно место... В дом Саяна. В тех местах его сила, и там ему не страшны никакие враги.

– Ты уверена в этом?

– Да.

На самом деле моя уверенность скрывалась вовсе не в том, что я знала о силе Ергак и о том, что Саян охраняя горы, взамен черпает их силу. Я просто чувствовала, что в этот раз все закончится на том же самом месте... Все повторяется.

– Тогда я немедленно соберу воинов из стана, и выдвигаемся, – вырвал меня из мыслей Хан.

Тут что-то щелкнуло у меня в голове. Я не сразу могла осознать, за что так сильно зацепился слух, но... Но когда мозг сумел вычленить из фразы Хана до ужаса знакомое слово, то я невольно вздрогнула всем телом.

– Что ты сейчас сказал? – переспросила я, чувствуя как сердце замерло от услышанного.

Хан смерил меня странным взглядом, и повторил:

– Я сказал, что нужно собирать воинов в дорогу.

– Да нет же! Как ты их назвал? Ну же, повтори! – потребовала я.

Судя по выражению лица, он видимо решил, что я двинулась умом. Медленно растягивая слова, мужчина ответил:

– Воины из стана золотой крови. А что не так?

– Что-то я раньше не слышала про этот стан... – едва дыша, произнесла я, тревожно ощипывая руками какой-то куст поблизости.

Мужчина пожал плечами.

– Это войско, в которое входят самые сильные и одаренные воины. Я создавал его несколько лет, еще при жизни отца начав собирать парней по разным уголкам ханства. Стан собирается только по особым случаям, в простые походы я их не отправляю, потому ты вероятно и не слышала о нем.

Вот значит как...

Я немного выдохнула, успокоив себя тем, что по крайней мере в этот раз стан золотой крови – это просто военный отряд, а не шабаш колдунов.

– Ты какая-то странная... – с подозрением выдал Хан, всматриваясь в мое лицо.

– Не обращай внимания, просто слишком много всего произошло за последние дни, – качая головой, оправдалась я, – Иди, собирай войско. Не стоит терять время. И поговори с Менгуем наедине, узнай, что ему сказала Солонго.

Вернувшись на поляну, Хан сразу же пошел раздавать

приказы воинам, крикнув Менгую, чтобы тот никуда не уходил.

Мне же не оставалось ничего иного, как отправиться в лагерь. Здесь я больше не помощник.

Возвратившись в юрту Хана, я стала спешно собирать вещи в дорогу. Отыскав в одном из сундуков холщовый мешок, сложила в него несколько комплектов удобной одежды и запасную обувь, подумав о том, что неплохо бы еще выпросить у Хана какой-нибудь кинжал, чтобы было спокойнее в пути. Неизвестно где могут поджидать опасности русскую девушку в окружении целого войска монгольских мужчин.

Завязав мешок на несколько узлов, я оставила его у порога и стала ждать. Хан сказал, что сам придет за мной, когда все будет готово.

Время тянулось до неприличного медленно и усугублялось все тем, что я раз за разом прокручивала в голове предстоящий нелегкий разговор. Тысячи вопросов без ответа вгоняли меня в уныние... Поверит мне Хан или нет? Простит за то, что не рассказала об отношениях между Солонго и Саяном?

И главное – чем закончится вся эта история?

Устав от тревожных дум, я вышла наружу и побрела к юрте Солонго. Может Менгуй не заметил что-нибудь, что намекнет на обстоятельства ее побега?

Подойдя к широкому крыльцу, я заметила, что внутри кто-то есть. Сквозь небольшие оконца в двери были заметны

отблески огня.

На цыпочках поднявшись по ступеням, я досчитала до трех и резко распахнула дверь, надеясь застать неизвестных гостей врасплох.

Однако в жилище девушки не происходило ничего криминального. Просто ее бабушка по всей видимости пришла сюда с той же целью, что и я, и теперь скрупулезно переверачивала каждую мельчайшую вещичку вместе со своими стражниками.

Заметив меня, застывшую в дверях, она сперва удивленно приоткрыла щербатый рот, а потом плотно сомкнув губы вернулась к своему делу, лишь спешно буркнув:

– Чего пришла? Решила и в ее пропаже меня обвинить?

– Нет, – спокойным тоном ответила я, – Всего лишь хочу проверить, что при осмотре юрты ничего не упустили.

Скандалы сейчас были ни к чему, поэтому я пыталась держаться с ней почтительно-вежливо.

Хатун сбросила с кровати Солонго подушки, и принялась стягивать одеяло, тщательно перебирая пальцами чуть ли не каждый миллиметр.

– Ну, помогай, раз пришла, – не подымая глаз, бросила она.

Удивившись ее миролюбивому настрою, я окинула взглядом юрту, и решила начать с умывальника. Обогнув стражников, перерывающих сундуки с вещами, я присела у высокой тумбы и стала поочередно выдвигать ящички, проверяя

содержимое. Ничего значимого там не нашлось.

Дальше мой взгляд пал на ковры, шкуры, шторы и даже небольшую печь-буржуйку. Но все было тщетно. Ни единого намека, почему девушка сбежала, никому ничего не сказав.

Вскоре и Алтан опустила руки. Вся кровать внучки была на несколько раз перевернута вверх дном, но ее осмотр также ничего не принес.

Женщина вдруг опустилась на пол, и тяжело привалившись к ставнику, вдруг горестно забормотала:

– Бедная моя девочка... Куда же ты подевалась... На кого оставила старую, больную хатун...

Я едва удержала себя от острого желания закатить глаза, и предложить старухе подумать над тем, что может быть это карма ей бумеранг обратно подкинула за то, что она русских девчонок невесть куда отправляла?

Однако пришлось затолкать ехидство куда поглубже, и вспомнить о том, что мне бы уже пора возвращаться.

– Ладно, похоже здесь действительно ничего нет, – признала я, задвигая чайный столик на место, – Я наверное пойду. И вы бы растение забрали себе, пропадет же. Жалко.

Я указала рукой в сторону глиняного горшочка с густой зеленой порослью, стоящего на полочке в столе.

Хатун проследила за моим жестом, и лицо ее вытянулось так, как будто я не растение ей забрать предложила, а ежа в кипяток засунула.

– Не может быть... – ошарашенно протянула она, прямо

на коленях подползая к столу.

Добравшись до цели, она подхватила горшок, и стала крутить его в разные стороны, рассматривая со всех углов маленькие росточки.

– А что не так? – не понимая чему она так удивлена, спросила я.

Горшок с грохотом выпал из трясущихся рук женщины, и она вмиг побелевшими губами выдала:

– Солонго беременна.

ГЛАВА 22

– Погодите... Что значит, беременна? Как вы вообще это поняли? – опешила я.

– Ты, что? Совсем дура! – сквозь слезы рывкнула Алтан, – Это же пшеница!

Я подняла брови и пожала плечами, тем самым показывая, что все равно ничего не поняла.

– Тьфу ты! Тебя что, в глухом лесу растили? Не знаешь, как беременность на раннем сроке выявляют?

Я еще раз взглянула на ростки пшеницы и потихоньку начала догадываться. Где-то я уже о подобном слышала... История древнего Египта, что ли? Только там вроде ячмень был.

– Нужно семена пшена полить мочой девушки. И если они прорастут, то беременность есть! – едва сдерживая злость на мою глупость, пояснила Хатун.

Вот это поворот.

Так вот почему они так внезапно сбежали... Из-за ребенка. Но для чего Солонго тогда просила Менгуя жениться на ней? Она что, хотела присвоить отцовство ему?

Выбежав из юрты девушки, я стремглав понеслась к площади. Нужно срочно найти Хана! Беременность Солонго все усложняет, необходимо найти их с Саяном как можно ско-

рее!

Далеко бежать мне не пришлось. У ворот стояло с три дюжины лошадей, с восседающими на них всадниками в начищенных доспехах из кожи и железа. Хан тоже был здесь, только он не седлал коня, а ходил между воинами, проверяя наличие оружия и состояние жеребцов.

Заметив меня, мужчина махнул рукой привратнику, давая ему команду открыть ворота, а сам направился в мою сторону, оставив своего коня в руках одного из стражников.

– Готова? – спросил он, осматривая мой наряд, состоящий из двойного слоя шаровар и плотного теплого дээла, – Ехать придется долго. Ты уверена, что выдержишь дорогу?

– Выдержу. Но сейчас не об этом. Я только что узнала кое-что очень важное.

– Ну, так не тяни, – подтолкнул он.

Досчитав про себя до трех, я выпалила:

– Солонго беременна.

Шлем выпал из его руки, но Хан казалось этого даже и не заметил. Не сводя с меня немигающего взгляда, он тихо спросил:

– Ты точно уверена в этом?

Тут я задумалась...

А насколько вообще верны средневековые тесты на беременность? Может зря я переполошилась? Хотя, если бы у Солонго не было определенных подозрений на этот счет, то вряд ли бы она и проверять стала.

– Так скажем, твоя бабушка уверена в этом, – слегка слукавила я, – Но если это действительно так, то ей точно не следовало отправляться в долгую дорогу в таком положении. Это опасно и для нее самой и для ребенка.

– Не понимаю... Почему она не рассказала никому?

– Я думаю она боялась, что узнав, ты убьешь Саяна, – осторожно предположила я, – И вероятно Солонго стала переживать за судьбу их общего ребенка.

– Именно это я бы и сделал! И ее ребенка воспитал бы сам! – вспыхнул он.

– Вот видишь... А ведь ситуация зеркальная. Чем мы с тобой отличаемся от них, кроме того, что наши отношения не зашли настолько далеко?

Хан нервным движением отбросил назад длинные пряди волос и с досадой вымолвил:

– Разница в том, что она моя сестра и я несу за нее ответственность! А наши отношения касаются лишь нас с тобой!

– Ты меня не слышишь... – расстроилась я, – Скажи, ты хочешь, чтобы она жила как удобно тебе и улусу, или желаешь видеть ее счастливой?

– Конечно я хочу, чтобы сестра была счастлива!

– Так пойми, что счастлива она будет только с ним! Не рушь ее жизнь! Солонго возненавидит тебя, если ты разлучишь их с Саяном.

Хан упрямо покачал головой.

– Что он даст ей?! Утащит в берлогу на вершине горы и

запрет там до конца жизни?! Хороша участь!

– Но это будет ее выбор! – вскрикнула я, уже начиная злиться, – Просто обдумай это. Обещаешь? У нас еще есть время, для того чтобы принять решение. И я надеюсь, что в итоге ты сделаешь правильный выбор! А сейчас нам нужно торопиться. Будем надеяться, что они не успели уехать слишком далеко.

На этом я развернулась и отправилась в юрту за своими вещами, оставив Хана наедине с его мыслями. Нам обоим сейчас стоило остыть.

Забрав в гульку волосы, которые за месяц успели слегка отрасти, я привязала к поясу дээла теплую шаль, и подхватив мешок с одеждой, выскользнула наружу, втайне надеясь на то, что меня не заставят ехать на отдельной лошади самостоятельно. Конный спорт это точно не мое, и оставлять меня наедине с лошадью не лучшая идея.

Хан по прежнему ожидал у открытых ворот, блуждая задумчивым взглядом по темнеющему, вечернему небу. Он выглядел разбитым, но следов прежней ярости на лице уже не было.

– А что, отряд уже ушел? – нейтрально поинтересовалась я, чтобы нечаянно не вывести разговор в прежнее русло.

Забрав у меня из рук мешок, он навьючил его на коня, и ответил:

– Да, но мы успеем их нагнать. Кстати, вам пора познакомиться, – он кивнул на коня, – Это Мунх, самый выносливый

и умный конь во всем улусе, и мой верный товарищ. Мунх, это Кара, пожалуйста не кусай ее и не сбрасывай, она нам еще понадобится.

Я с опаской взглянула на черного как смоль жеребца, и после слов Хана он показался мне даже устрашающим.

– Мне не нравится как он на меня смотрит, – хмуро проворчала я.

Хан тихо усмехнулся, заметив как мы с конем переглядываемся.

– Я пошутил, Кара. Мунх смирный жеребец, и к тому же очень сильно любит девушек. Тот еще дамский угодник. Короче, тебя он не тронет, не переживай.

В подтверждение его слов, конь зафыркал и уткнулся мне головой в живот, намекая на почесушки.

Осторожно запустив пальцы в гриву на шее, я послушно выдала Мунху порцию ожидаемой ласки.

– Ну, все. Хватит миловаться.

Хан подхватил коня под уздцы и выведя его за ворота, вскочил в седло и подал руку мне.

Втягивая меня на спину Мунха, он напутствовал:

– В этот раз поедешь позади меня, в долгой дороге тебе будет неудобно спереди. Держись крепко за мою спину, если начнешь засыпать, говори, я тебя пересажу. И да, седло узкое, поэтому я приладил под него кожаный доспех и овечью шкуру, чтобы мы оба поместились. Следи, чтобы не начали соскальзывать, если что, не молчи, поняла?

Неуклюже плюхнувшись пятой точкой на импровизированное седло, я слегка поерзала, выискивая максимально удобное положение, и отчиталась:

– Все поняла. Не спать и не свалиться.

– Умница, – похвалил Хан, и мы наконец сдвинулись с места.

Выезжая за пределы улуса, я вдруг поняла, что покидаю его навсегда. Где-то глубоко внутри поселилось предчувствие того, что мое путешествие подходит к концу.

И надо думать, что я должна радоваться этому чувству, однако вместо эйфории я испытывала лишь страх и горечь предстоящей потери.

Мне не место в его мире, а ему в моем... И вряд ли это можно как-то изменить.

Первые несколько часов дороги прошли вполне сносно. Но когда мы обогнали войско, я начала ловить себя на том, что понемногу начинаю клевать носом. Сказалась бессонная ночь и отсутствие возможности хоть чем-то себя взбодрить.

Тогда я стала потихоньку напевать себе под нос разные песни, от попсы до русских народных, периодически прерываясь на зевание.

Слава духам, вскоре мы остановились на ночлег у узкого ручейка, протекающего вдоль кромки кедрового леса. Когда я наконец очутилась на земле, то ясно поняла, что через несколько дней такой дороги ноги у меня станут колесом, а попа превратится в идеальную плоскость.

Кое-как доковыляв до ручья, я умылась ледяной водой и соблазнившись мягкой сочной травкой, не удержалась и легла прямо на нее, раскинув руки в разные стороны. Пока мужчины сооружали некое подобие лагеря и разводили костер, я решила позволить себе эту маленькую блажь, кое-как удерживая себя на границе сна и яви.

– Я уж было решил, что ты сбежала, – раздался вскоре над моей головой насмешливый голос Хана.

Открыв сонные глаза, я зевнула и перевернувшись на бок, заявила:

– Можешь делать со мной что хочешь, но я остаюсь спать здесь. Просто не доползу обратно, ноги отказали.

– Прямо все что захочу? – лукаво поинтересовался он, и не дожидаясь ответа, завел руки под мои колени и спину, рывком поднимая с земли.

От неожиданности я нелепо взвизгнула и судорожно вцепилась в его шею, потеряв ориентацию в пространстве от резкого перемещения тела.

Когда голова перестала кружиться, я наконец осознала, что практически душу мужчине. Пришлось мгновенно ослабить хватку.

– А ты оказывается сильная. Хоть и мелкая, – хмыкнул Хан, и тут же получил за это кулаком в плечо.

– Я еще и злопамятная, – недовольно предупредила я.

Хан снова усмехнулся.

– Учту.

За время моего отдыха мужчины уже успели соорудить кострище, и даже закинули в огонь сосновую хвою и шишки, отпугивающие moskitov. Неподалеку от костра соорудили небольшой майхан – монгольский походный шатер, сделанный из плотной ткани и шестов, отломанных от деревьев прямо на месте. Сами воины расположились непосредственно вокруг огня, подложив под себя что, что нашел.

Миновав костер, Хан понес меня напрямиком в палатку.

– А что, майхан будет только у нас? – поинтересовалась я.

Хан поставил меня у входа в шатер, и отодвигая полы ткани, ответил:

– Мы никогда не берем в поход много вещей и уж тем более походные шатры. Майхан для тебя.

Слегка наклонившись, я зашла внутрь палатки и огляделась. Небольшое пространство было почти пустым, лишь в углу лежал мой мешок с вещами, да еще несколько шкур прямо на земле.

– Погоди, а как же ты? – с замершим сердцем спросила я, – Ты не станешь спать тут?

Хан тепло улыбнулся.

– А ты этого хочешь?

Я потупила взгляд, и едва внятно пробормотала:

– Не думаю, что смогу уснуть здесь одна, когда за стенами майхана будет находиться целое войско незнакомых мужчин.

Конечно же это вовсе не было причиной того, почему я хотела бы, чтобы Хан ночевал вместе со мной. Но признаться

в этом вслух? Ну, нет... К такому я пока не готова.

– Ну, что ж, – произнес Хан, приблизившись ко мне, – Тогда придется стеречь твой сон.

Лба на мгновение коснулись горячие, мягкие губы. Облегченно выдохнув, я привстала на цыпочки и обхватила его шею, прошептав на ухо:

– Спасибо...

Через некоторое время я уже сидела на одной из шкур, накрывшись удачно захваченной шалью, а Хан доставал из своего мешка нехитрый перекус, состоящий из четырех отварных яиц, нескольких полосок вяленого мяса и твердой, пресной лепешки.

– Прости, что ужин такой скудный – пока еду лучше экономить. Но завтра постараемся что-нибудь подстрелить в дороге.

Я лишь равнодушно пожала плечами, запихивая в рот приличный кусок лепешки. Мне уже не привыкать к пустому желудку.

Когда первый голод оказался утолен, я вдруг поняла, что сон куда-то испарился. В голову опять полезли тревожные мысли, от которых даже аппетит пропал. Скривившись, я отложила в сторону недоеденное яйцо, и сделала большой глоток воды из бурдюка.

Глядя на мою реакцию, Хан с подозрением скосил глаза на оставшиеся яйца.

– Только не говори, что они испортились.

Я уныло покачала головой.

– С едой все в порядке. Просто аппетит пропал.

Хан пожал плечами и не глядя закинул себе в рот мое недоеденное яйцо. Не переставая жевать, он спросил:

– Бесполоишься о предстоящем разговоре?

– Ну спасибо! Теперь еще и об этом, – фыркнула я.

Отложив бурдюк, и подогнув под себя одну ногу, я стала разминать ноющие после дороги икры.

– Тогда что тебя так расстроило?

– Просто дурные мысли. О Настасье, Антипе, остальных девушках. И о Солонго... Ты, кстати, успел поговорить с Менгуем?

Хан помрачнел. Завернув остатки еды обратно в ткань, он признался:

– Знаешь, я чуть не убил сегодня этого ублюдка. Оказывается он видел Солонго вместе с этим богатырем еще в тот день, когда они расстались. Менгуй заставил ее во всем признаться и сестра рассказала правду, а еще якобы стала умолять его, чтобы он на ней женился, чтобы избежать позора. И наш благородный Менгуй конечно же согласился спасти ее от участи опороченной блудницы.

– Чего? – возмутилась я, – И ты серьезно веришь в это?

– Конечно нет! Я же не идиот. Думаю на самом деле это он внушил Солонго то, что все рано или поздно все равно узнают о ее позоре и тогда сестру будет ждать незавидная судьба. Так он видимо и принудил ее к этой женитьбе.

– Погоди, а что с беременностью?

Хан покачал головой.

– Нет. Он не знал о том, что Солонго носит ребенка. Думаю, она и сама до последнего об этом не знала. А когда все поняла, тогда и решила бежать из улуса вместе с виновником всего произошедшего.

– Надеюсь с ней все в порядке... – тихо сказала я, со стоном распрямляя затекшую ногу.

– Это с непривычки, – отметил Хан, глядя на мое скривившееся от боли лицо, – Позволь я помогу.

Не услышав явного отказа, он осторожно отбросил с моих ног шаль, и провел ладонями от щиколоток до бедер.

– Будет лучше если ты снимешь их, – чуть хриловато произнес он, перебирая пальцами двойной слой шаровар.

Я привстала на колени и слегка подрагивающими пальцами принялась расстегивать дээл, скидывая плотную ткань с плеч. Оставшись в нижней сорочке, завела руки под пояс шаровар, и спустив их, натянула пониже легкую, хлопковую юбку, прикрывая ей острые коленки.

Когда одежда была отброшена в сторону, Хан усадил меня обратно, и забросил мои ноги к себе на колени, с силой растирая мышцы голени. Когда его пальцы надавили на какую-то особенно болезненную точку, я едва не взвизгнула, попытавшись вырвать ногу из его рук.

Однако этого мне не позволили, крепко ухватив за щиколотку.

– Прости, по-другому никак. Нужно разогнать кровь по ногам.

– Ты садист, – буркнула я, перестав вырываться, – Я как-то думала, что массаж это приятно. Но если честно, то больше на пытки похоже.

Тихо рассмеявшись, Хан слегка уменьшил силу нажатия и перешел к бедрам.

– У тебя такая гладкая кожа... Никогда подобного не видел, – удивился мужчина, проводя кончиками пальцев по колену.

Прикусив изнутри щеку, я едва сдержала смешок, подумав о том, чтобы он сказал, узнав какие экзекуции я для этого прохожу.

На самом деле, тому, что сейчас мне не приходится краснеть перед мужчиной, я должна быть благодарна Далане. Опекунша не позволяла мне тратиться на бритвы и потому приходилось выкручиваться другими способами.

Когда лет в пятнадцать сводные сестрицы стали дразнить меня, заметив на ногах короткий светлый пушок, то я поняла, что, либо мне придется ходить в сорокоградусную жару в штанах, либо придумывать как избавляться от нежелательной растительности без бритвы.

Интернет в помощь, и о чудо! Я нашла рецепт медовой пасты, удаляющей волосы. Благо, что за территорией базы Далана держала пасеку, а потому меда дома всегда было много и пропажи нескольких ложек никто не замечал. Так я и

приспособилась к решению этой деликатной проблемы.

Попав в улус, первые пару месяцев мне было как-то не до наведения красоты. Но вскоре я поняла, что начинаю чувствовать себя крайне некомфортно и потому прибегла к уже знакомому методу. Выпросив у прислужницы мед и пчелиный воск, я растопила все это на своей печке прямо в юрте и приступила к привычным процедурам.

Конечно делать это удавалось не так часто, но благо, что и волосы у меня растут медленно.

– Последствие ожогов, – слукавила я, – Где-то появились шрамы, а где-то пропали волосы.

Тут его рука вдруг скользнула к внутренней стороне бедра, растирая кожу чуть выше колена.

Вздрогнув, я прикусила губу и почувствовала как низ живота наливается приятной тяжестью.

– Пожалуй мне уже лучше, – смутившись, пробормотала я, с досадой воображая степень красноты своих щек, – Спасибо, что помог.

Ладонь Хана замерла, и он жарким взглядом впившись в мои губы, выпалил:

– Не могу так больше...

ГЛАВА 23

Одно легкое движение, и вот мы уже оба лежим на плотном меху оленьей шкуры, отчаянно цепляясь друг за друга.

Но этого все равно мало.

Покрывая поцелуями мое лицо, Хан как будто пытался заклеить губами каждый миллиметр кожи. Его руки с бешеной страстью сжимали мои бедра и талию, а в бездонных глазах пылал просто сумасшедший огонь.

Он не был груб со мной. Но и осторожности в его движениях с каждой секундой становилось все меньше. Это сейчас и не было нужно. Прежний страх исчез. Я просто осознала, что хочу этой близости. Именно сейчас и именно с ним. О последствиях буду думать позже...

В этот миг в тесном пространстве шатра время для нас как будто застыло. И все стало неважно. Больше не было предубеждений и его подавляющей власти. Сейчас мы были на равных.

Подхватив инициативу, я нащупала пуговицы на его дээле и стала их лихорадочно расстегивать, где-то даже вырывая из петель вместе с нитками. И когда между нами не осталось преград в виде одежды, я вдруг осознала, что наши тела пылают не только огнем страсти.

Моя кожа буквально была покрыта мелкими язычками

пламени, вспыхивающими то здесь, то там. Но удивительно было даже не это... Хану стихия не причиняла вреда. Он будто и вовсе не замечал как огонь лижет его руки и грудь.

И лишь когда мое оцепенение стало очевидным, то ему пришлось оставить ласки, чтобы наконец понять в чем же дело.

– Мы горим... – с удивлением отметил он, глядя на то, как озорной янтарный огонек взбегаёт по его запястью.

– Тебе не больно? – с опаской спросила я.

Хан еще немного полюбовался удивительным явлением, и ответил:

– Скорее даже приятно, – и тут он хмыкнул, – Не думал, что когда-нибудь, в прямом смысле этого слова, буду “гореть” от страсти.

Я лишь покачала головой.

– Поверь, это далеко не самое странное, что случилось со мной.

И после этих слов уже сама приникла поцелуем к его губам.

То, что происходило дальше... Тяжело подобрать слова. Не буду врать, того пика эйфории, что описывают в любовных романах, его не было. Было стеснение, легкая боль. Но еще...

Еще было невыразимое чувство единения. Как будто не только наши тела, но и души стали чем-то неразделимым. И это стоило того, чтобы хоть раз забытья и пережить этот

момент.

– Знаешь, раньше, глядя на отца, я думал, что чем больше у тебя женщин, тем больше ты получаешь и любви, – сказал Хан, когда мы проснулись на рассвете в объятиях друг друга.

Слегка приподнявшись, он прижал ладонь к моей щеке, и глядя в глаза, искренне прошептал:

– Но сегодня я ясно осознал, что даже тысяча ночей с другими женщинами не дали бы мне столько любви и страсти, сколько я получил за одну лишь ночь с тобой. Ты лучшее, что случилось со мной в этой жизни...

Я счастливо рассмеялась.

– И что, теперь ты разгонишь весь гарем и сделаешь меня своей единственной женой? То-то твоя бабушка обрадуется.

Хан расхохотался в ответ.

– Да, думаю она не будет в восторге. Но это уже не важно, Кара. Я просто не смогу отпустить тебя. Мы обязательно что-нибудь придумаем.

Улыбка тут же сползла с моих губ, и я отвела взгляд, в один миг ощутив как эйфория испаряется, возвращая меня в жестокую реальность.

– Что не так? – заметив как я помрачнела, спросил Хан.

– Мне нужно рассказать тебе все, – коротко ответила я, пытаясь вытащить из вороха одежды свой дээл, – Ты должен понимать все, что происходит на самом деле, чтобы мы не мучили друг друга ложными ожиданиями.

Натянув дээл, я поднялась с импровизированной посте-

ли, и окинула ее тоскливым взглядом, понимая, что возможно это единственный и последний раз когда я действительно чувствовала себя счастливой. Рядом с ним.

Переняв мой настрой, Хан нахмурился, и удрученно предложил:

– Сегодня вечером. Только давай договоримся, что ты больше не будешь ничего скрывать, хорошо?

Я согласно кивнула.

Весь день мы провели в дороге. Тело ныло от усталости, но больше всего меня беспокоило ожидание предстоящего разговора. Я никак не могла поверить, что уже сегодня все решится. И станет понятно, одна я вернусь в свой мир, или же нет.

К полудню наш отряд остановился в большом улусе, каан которого был когда-то знаком с отцом Хана. Там мы досыта поели и даже посетили базар, на котором запаслись дополнительной провизией, а также небольшим кинжалом и ножами для меня.

Пока Хан отсчитывал монеты наглому торгашу, владеющему лавкой с оружием, я отошла к соседнему прилавку, с любопытством разглядывая разложенный товар.

Деревянные шкатулки, кухонная утварь, свечи... Там много чего было. Но мой взгляд неожиданно зацепился за очень знакомую вещь.

Черная курительная трубка. Очень похожая на ту, что Хан курил в стане.

– Подскажите, а сколько это стоит? – обратилась я к продавщице, ткнув пальцем в трубку.

Солидная тетёха с объемным, выпирающим из-под цветастого дээла животом, смерила меня презрительным взглядом и гаркнула:

– А тебе-то какое дело? Разве рабыням стали давать монеты?

Я молча проглотила оскорбление и вынула из волос заколку, усыпанную бирюзой.

– Это сойдет за оплату?

Я протянула заколку торгашке, и та, воровато оглядываясь по сторонам, выдернула украшение из моих рук. Отвернувшись спиной к прилавку, она с минуту разглядывала его, а потом развернулась с уже довольным видом.

– Сойдет. Забирай трубку и проваливай, и только попробуй кому-нибудь сказать что отоваривалась у меня!

Женщина положила трубку в небольшой тканевый мешочек и закинула туда же небольшой коробок с табаком.

Всучив все это мне в руки, она шикнула на меня и замачала руками, прогоняя от прилавка.

Едва сдержав острое желание спалить к чертям весь ее товар, я спрятала мешочек во внутренних складках дээла и оправив юбку, вернулась к Хану, который сложив руки на груди наблюдал как тот самый наглый торговец оружием с недовольным видом затачивает мой кинжал.

Заметив мое приближение, Хан поинтересовался:

– Что-то присмотрела?

– Нет. Просто решила поглазеть, – соврала я.

Покинув улус, мы взяли направление на одиноко стоящую гору под названием мэргэн аварга, что переводится как – мудрый великан. Хан объяснил, что для монголов эта гора священна и там часто останавливаются путники, зная, что никто не осмелится осквернить сакральное место кровопролитием.

Там то мы и решили заночевать.

В этот раз я уже не слезла, а буквально вывалилась из седла, не разбив голову о скальник только благодаря тому, что Хан успел меня вовремя словить.

– Дорога слишком тяжелая для тебя, – хмуро отметил он, ведя меня под руку к оставленному кем-то ранее кострищу, – Не стоило мне брать тебя с собой.

– Я выдержу, – упрямо промолвила я, – Просто нужно немного отдохнуть.

Хан с тяжелым вздохом усадил меня на шкуру неподалеку от кострища, и едва ощутимо коснувшись губами плеча, отправился помогать воинам разбирать вещи для ночлега.

Примерно через четверть часа за моей спиной уже стоял майхан, а на костре жарилась свежепойманная дичь, источая умопомрачительный запах на всю округу.

Когда мясо было готово, один из воинов споро разделил его на небольшие куски, и раздал всем присутствующим, начав с Хана и меня. Удивительно, но я еще ни разу не заме-

тила в свою сторону брезгливого или озадаченного взгляда. Как будто Хан заранее провел всему отряду инструктаж, или же просто мужчины стана настолько были верны своему кану, что принимали любой его выбор.

Перекусив, мы с Ханом еще недолго посидели у костра, греясь и слушая как один из воинов играет на варгане. Когда звуки инструмента затихли и мужчины стали расходиться на ночлег, Хан вдруг попросил:

– Спой ту песню.

Я опешила.

– Что? Какую еще песню?

– Ты каждый день напеваешь ее в дороге.

Вот черт... А я думала он не слышит.

– Это русская песня, – попыталась отвертеться я, – Ты не поймешь слова.

– Но ты же мне объяснишь? – продолжал настаивать он, поглаживая тыльную сторону моей ладони.

Я едва не застонала.

– Слушай, если честно, то я не люблю петь на людях. У меня слишком высокий голос и это не каждому нравится.

Это правда. Раньше я любила петь, делая какие-то дела по дому. Но однажды Далана услышала мое исполнение, и сказала, что я не пою, а bleю, как раненная овечка. А еще сказала, чтобы она больше не слышала этого ужаса в своем доме. С тех пор я позволяла себе пение только в лесу, где меня уж точно никто не услышит.

На самом деле мой голос просто подходит под определенные музыкальные жанры. И если песня подобрана правильно, то выходит очень даже и неплохо.

Ну, по моему мнению...

– Слушай, ну раз я попросил тебя спеть, то наверняка мне понравился твой голос, ты не находишь это разумным? – никак не отставал Хан.

Сдавшись под таким натиском, я сделала большой глоток воды, несколько раз кашлянула и слегка дрожащим голосом затянула полюбившийся мотив.

Я иду в новый день и несу за собою шум,
За спиной моей – топот толпы неудач.
Помимо тоски, да набитых обидою сум,
Я несу за собой плач.
Кого Бог поцелует, того и колотят по темени.
То ли лезть на рожон, то ли лучше залечь на дно.
Уверяют, что счастье приходит со временем,
Да вот время пришло одно.
Пустота в груди,
И перепутаны пути,
И закрыты все двери.
Сердце воет пусть,
Но если завтра я проснусь,
Значит, Бог в меня верит...¹

¹ Песня – Бог в меня верит. Автор и исполнитель Дарья Виардо.

Когда последняя нота оказалась спета, я с опаской скосила взгляд на Хана. Однако в его глазах не читалось разочарования или усмешки. Он смотрел на меня так, как будто я только что не песню исполнила, а по меньшей мере изобрела новый вид искусства.

– Кто тебе сказал, что твой голос не красив или не благозвучен? – единственное, что смог вымолвить он, – Кара, ты поешь прекрасно.

– Спасибо, – тихо пробормотала я, смутившись от неожиданной похвалы, – Я люблю петь, но моему голосу не все подходит, поэтому одни песни у меня выходят неплохо, а от других птицы замертво падают, едва слышат.

Такое признание повеселило мужчину. Улыбнувшись, он спросил:

– Расскажешь о чем эта песня?

Я пожала плечами, и склонив голову набок, попыталась объяснить:

– Эта песня о тяжелом пути к свету сквозь мрак. О том, что просыпаясь каждое утро, мы должны понимать, что это не просто так. Значит мы еще зачем-то нужны этому миру, и боги верят в нас.

– Жаль, что такой песни нет на монгольском языке... Возможно она бы стала просто подарком для многих в тяжелый момент, – отметил Хан.

– Кстати о подарках, – вспомнила я, – Не уверена, что

раньше ты использовал подобное, но я подумала, что тебе должно понравиться.

Откинув подол дээла, я отвязала припрятанный подарок и протянула его Хану.

Он перевел удивленный взгляд на мешочек и спросил:

– Ты что, прятала его там всю дорогу?

– Это не важно, – с лукавой улыбкой бросила я.

Потянув за тесемки, Хан развязал слабый узелок и запустил пальцы в мешочек. Когда он вытянул на свет трубку, с его губ сорвалось:

– Как ты нашла ее...

Покрутив трубку в руках, он осмотрел ее со всех сторон и даже понюхал.

– Этого не может быть... – пораженно выпалил он, – Эту трубку у меня украли год назад.

ГЛАВА 24

– Откуда она у тебя? – глядя на меня расширенными глазами, спросил он.

Я растерянно пожала плечами.

– Купила сегодня на базаре у одной торгашки.

Хан нахмурился.

– Погоди, что значит купила? У тебя же не было при себе денег.

– Я отдала взамен свою заколку с бирюзой, – призналась я, – Хотела сделать тебе какой-то подарок на память. Чтобы ты не забывал обо мне...

Еще раз взглянув на трубку, он огорченно покачал головой.

– Еще ничего не решено, но ты уже как будто прощаешься со мной.

– Я не знаю, что будет дальше. И не знаю в какой момент мы можем расстаться навсегда... Поэтому хочу чтобы при худшем раскладе у тебя осталось хоть что-то, что напомнит обо мне. Прости, если расстроила.

В воздухе повисло напряженное молчание. Но вскоре Хан первым нарушил тишину:

– Эту трубку мне подарила сестра, в день, когда я стал кааном. Но через некоторое время кто-то выкрал ее во время

пира. И вот, теперь ты нашла ее... Удивительно.

Хан достал из коробка щепоть табака и уложив его в трубку, протянул ее мне.

– Поможешь?

Я натянута улыбнулась и прикоснувшись пальцем к табаку, подожгла его.

Сделав несколько глубоких затяжек, он выпустил в небо дым и взял меня за руку.

– Спасибо... Теперь эта вещь важна для меня вдвойне, потому что будет напоминать и о тебе и о Солонго. Но я не хочу чтобы от вас обеих у меня осталась лишь память.

Я не нашлась, что на это ответить, и тогда он предложил:

– Может быть пора уже все рассказать?

Он был прав. Тянуть больше некуда.

– Давай пройдемся, не хочу чтобы кто-то нас подслушал.

Хан молча поднялся и подал мне руку.

Отойдя от лагеря мы двинулись вдоль подножья горы, и я скрепя сердце, начала свой рассказ:

– Я попала в твой улус из двадцать первого века...

По началу было тяжело, и я долго подбирала слова, чтобы как можно понятнее объяснить все, что происходило с нами в моем времени. Но нужно отдать должное Хану, он ни разу не перебил меня, лишь изредка задавая вопросы когда я специально для этого делала паузу.

Когда история подошла к концу и я дошла до той части, где нас обоих затянуло во временной портал, он снова рас-

курил табак и затянулся до хриплого кашля, держа трубку дрожащими пальцами.

– Выходит, что все повторяется... – первое, что сказал он, когда я замолкла, – Но ты же не хочешь сказать, что Солонго погибнет и в этот раз?

– Не знаю, – честно призналась я, – Но мы должны сделать все, чтобы этого не допустить. Потому я и прошу чтобы ты принял ее выбор и позволил провести свою жизнь с тем кого она любит.

– Может попробовать обратиться к хозяевам стихий за помощью? Ты же можешь это.

– Могу. Но помогать они не станут. Великие духи не вмешиваются в судьбы людей, – разочаровала его я, – Так что придется справляться самим и лишь немного надеяться на уробороса. Хотя от этого змея чего угодно ожидать можно.

– Ты понимаешь, что любая наша ошибка может привести к тому, что тысячи людей погибнут от моей руки? – задумчиво спросил он.

Я вздохнула.

– Понимаю. Но нам не остается ничего иного, как действовать на ощупь. Самое главное сейчас – найти Солонго. А там уже будем разбираться по ситуации.

– Солнце встает, – отметил Хан, глядя как из-за горы поднимается оранжевое зарево, – Нужно возвращаться в лагерь и хоть немного отдохнуть. Подумаем обо всем завтра.

– Слушай, а я что-то не пойму... Мы сейчас с какой сто-

роны горы находимся?

Хан тоже стал оглядываться по сторонам, пытаясь понять в какой стороне лагерь. Оказалось, мы настолько были погружены в разговор все это время, что даже не замечали куда идем.

– Судя по всему, нам туда, – он указал рукой в обратном направлении, – Но я что-то не помню, чтобы мы проходили тот дуб.

И действительно, огромное разохшееся дерево было трудно не заметить.

– Вон, гляди! – я кивнула на каменистую дорожку, обрамленную кустами можжевельника, – Кажется мы пришли отсюда.

Я первой шагнула на узкую тропу, и Хану не оставалось ничего иного как последовать за мной. Хотя он все еще сомневался в правильности выбранного пути.

– Слушай, мы идем уже слишком долго, – отметил Хан через некоторое время, – Тропа давно должна была закончиться.

Я и сама уже начала отчаиваться, представив что придется проделать весь этот путь в обратную сторону. Мышцы болели, а голова слегка подкруживалась, выдавая последствия бессонной ночи. Но вскоре я облегченно выдохнула, почувствовав знакомый запах дыма от костра.

– Смотри! Там вдалеке костер горит, идем, быстрее!

И я ускорила шаг, мечтая как можно скорее принять го-

горизонтальное положение.

– Погоди, Кара! – окликнул меня Хан, – Мне кажется это не наш лагерь...

Но я уже не слушала. Близость майхана манила меня как никогда.

– Да стой же ты! – приглушенным тоном приказал мужчина, догоняя меня и хватая за локоть.

Однако я уже и сама успела понять, что ошиблась. Это действительно был не наш лагерь. Костер, на который я шла, горел возле небольшой ветхой юрты, обтянутой, прохудившейся от времени, темной тканью. А у огня сидел незнакомый мужчина, грея ладони над пламенем.

– Так, все. Уходим, – понизив голос, сказал Хан, – Нам не нужны неприятности.

И мы даже отступили на несколько шагов, вот только мужчина вдруг поднял голову и вперил в нас бельмастый, незрячий взгляд, буквально пригвоздив к месту.

Он был стар. Очень стар... Морщинистая кожа глубокими складками собралась на его худом смуглом лице, а седые волосы, спутанными лохмами висели вдоль острых скул. Он был долговяз и худощав, длинные пальцы простирались над огнем словно тонкие паучьи лапы, а челюсти постоянно двигались, как будто бы пережевывая что-то. Серый дээл сидел на старце как с чужого плеча, он был слишком коротким в рукавах и чересчур широким в поясе.

– Я не могу сдвинуться с места, – тихо признался Хан.

– Да я вроде как тоже...

Ноги словно приросли к земле, и в целом создавалось впечатление, будто я больше не могу сама распоряжаться своим телом.

Незнакомец перевернул ладонь тыльной стороной вниз и сжал пальцы, делая приглашающий жест. И я тут же ощутила как стопы отрываются от земли и меня поднимает воздух. Еще одно движение руки и мое тело уже летит навстречу старцу.

– Что происходит? – взволнованно вскрикнул Хан, глядя как его собственное тело взлетает вверх.

Через несколько секунд мы оба висели в воздухе возле коистра, изо всех сил пытаюсь вернуть себе контроль над телом.

– Что привело вас ко мне? – спросил старец грудным, приятным голосом, который никак не вязался с его обликом.

– Мы просто заблудились и случайно набрали на ваше жилище, – нервно воскликнул Хан, – Отпустите нас, мы не ищем проблем.

Старец покивал, как будто соглашаясь с ним, а потом вдруг перевел белесый взгляд на меня.

– Ни за что не поверю, что дочь хозяина огня попала ко мне случайно.

– Откуда вы знаете... – раскрыв рот, изумилась я.

Однако незнакомец не спешил отвечать. Сделав нехитрый пас указательным пальцем, он опустил меня на землю, и я почувствовала, что контроль над телом вернулся.

– Ухэшгуй знает многое, – ответил он, склонив на бок голову.

Ухэшгуй... Почему это имя мне так знакомо?

– Прошу, отпустите нас! – в груди заворочалось какое-то нехорошее предчувствие, а инстинкты буквально завопили о том, что нужно как можно скорее бежать от этого странного человека.

Старик плавно поднялся с земли и направился в мою сторону.

– Кара, беги! – закричал Хан, извиваясь в невидимых оковах.

Но было поздно. Я вновь потеряла возможность двигаться. А незнакомец был уже совсем близко...

Подняв тонкую как ветвь дерева руку, он прижал ее к моему солнечному сплетению, скрючив паучьи пальцы так, что их кончики больно впились в мою кожу даже сквозь толстую ткань дээла.

Я почувствовала как внутри разрастается неприятное ощущение чувство, как будто старик вытягивал из меня жизнь. Я застонала, ощутив подступающую к горлу тошноту.

Хан, увидев как скривилось мое лицо, заорал:

– Не трогай ее, слышишь?! Что тебе нужно, монеты, золото? Я дам тебе все, что скажешь! Только отпусти девушку! Ты слышишь?! Я каан! Я могу много заплатить тебе!

– Мне не нужны твои деньги, мальчик, – не поворачивая головы, протянул старец, – Мои дни сочтены, и на том свете

золото мне без надобности. Я должен передать кому-то свой дар, чтобы спокойно отойти к духам.

И тут он резко убрал руку, и я кулем рухнула на землю, лихорадочно хватая ртом воздух.

– Твой сосуд переполнен, – с необъяснимым сожалением произнес старик, – Там нет места для моей силы. Очень жаль... Думаю, ты была бы идеальным приемником.

Пока я боролась с тошнотой и пыталась хоть как-то прийти в себя, внимание этого безумца пало на Хана. Точно также вцепившись пальцами в его грудную клетку, он вдруг растянул сморщенные губы в довольной улыбке.

– Пусто, – протянул он, – И так просторно, что хватит места и на десять моих сил... Наконец!

– Что вы делаете?! – сдавленно вскрикнула я, пытаюсь хотя бы встать на колени, – Нет, прошу!!! Только не он! Выберите меня!

Я вспомнила! Вспомнила откуда мне знакомо это имя! Ухэшгуй – это тот шаман, у которого Хан в прошлый раз получил свою первую магию.

– Не могу, дитя, – старец покачал головой, – Твой сосуд не выдержит вливания еще одного дара.

– Вы не понимаете! Может погибнуть много людей, если он получит силу! Это уже было и повторится вновь!!!

Но меня уже никто не слышал...

Оплетя длинными узловатыми пальцами челюсть Хана, он заставил его широко разомкнуть губы. Рот самого шамана

раскрылся в тот же момент, и из него хлынул поток чего-то темно-зеленого, похожего на плотный, густой дым.

Хан захрипел. По его телу прошла судорога, а глаза закатились, да так что зрачки полностью спрятались под веками. Зеленый дым уже полностью окутал его фигуру, проникая в тело не только через рот, но и через нос и уши.

С трудом поднявшись с земли, я на трясущихся ногах бросилась к Хану, но едва моя ладонь коснулась его плеча, как раздался громкий хлопок и меня отбросило назад, больно приложив бедром и локтем об острый скальник.

И в тот же миг все закончилось. Весь дым обратился яркой вспышкой изумрудного света и мужчин отбросило друг от друга.

ГЛАВА 25

– Ерден! Ерден, очнись!

Я прижала пальцы к жилке на шее мужчины, и с облегчением нащупала пульс.

– Все хорошо... Все будет хорошо, – судорожно зашептала я, и приникла к губам Хана, чтобы сделать искусственное дыхание.

Спустя несколько вдохов он наконец приоткрыл веки, и я не смогла сдержать слез, дрожащими руками перекладывая его голову к себе на колени.

– Ты так напугал меня! – громко всхлипнула я, и стукнув его кулаком в его плечо, добавила, – Не смей оставлять меня одну в этом мире, слышишь?!

Хан тихо усмехнулся и тут же болезненно сморщился, прижимая ладонь к солнечному сплетению.

– Что произошло? – осипшим голосом спросил он.

– То, что уже происходило когда-то. Ты получил силу Ух-эшгую. Дар темного шамана.

Понимая, что мы в очередной раз проигрываем судьбе, я окончательно отчаялась. Уязвимость и безнадежность медленно, но верно накрывали меня с головой.

– И что теперь? – спросил Хан с пришибленным видом, – Это ведь не значит, что я в одночасье сойду с ума и начну

резать людей налево и направо?

– Как ты себя чувствуешь? – я попыталась уклониться от ответа, – Ничего странного нет?

Хан поднялся с моих колен, и на мгновение замер, прислушиваясь к внутренним ощущениям. В итоге он просто пожал плечами.

– Вроде ничего... Не знаю. Просто голова побаливает и в груди немного печет.

– Так бывает при раскрытии дара, – со знанием дела ответила я, – Скоро должно пройти.

Подав ладонь, Хан помог мне подняться и мы вместе подошли к лежавшему неподалеку шаману.

Тело Ухэшгуя как будто уменьшилось в несколько раз. И если честно, я даже не сразу смогла разглядеть его в ворохе одежды. Казалось, что все его конечности разом потеряли форму, превратившись в нечто плоское, и напоминающее куклу, вырезанную из картона.

Кожа на черепе натянулась до предела, так что все морщины расправились, а губы растянулись до немыслимых размеров. Но в целом его лицо имело весьма умиротворенное выражение, что никак не указывало на мучительную смерть.

Он ушел к духам мирно.

– Возможно, мы зря переживаем, – вдруг вырвалось у меня.

– О чем ты?

– В прошлый раз ты насильственным способом отобрал у

Ухэшгуя его силу. А теперь он отдал ее добровольно, – пояснила я, – Возможно, что дар, полученный без принуждения и жертв не очернит твою душу.

– По крайней мере я не чувствую приступов ярости или желания поработить весь мир, – отметил Хан.

И тут у меня вырвалось:

– Пока не чувствуешь...

Мужчина нахмурился.

– Ладно, будем надеяться на лучшее. Нужно возвращаться в лагерь, солнце уже встало.

– А что с ним? – спросила я, кивая на шамана, – Мы что, оставим его здесь, прямо вот так?

– Я отправлю кого-нибудь из парней сжечь тело. А нам нужно поспать.

На том мы и порешили.

Едва моя голова коснулась мягкой оленьей шерсти, как я тут же отключилась. Хан в это время еще разбирался с телом старца, объясняя воинам, где именно мы на него наткнулись. Но когда я проснулась, он мирно спал рядом, уткнувшись носом в мои волосы.

– Ерден, вставай, – потормошила я его, – Похоже мы спали слишком долго.

Хан широко зевнул, и приоткрыв глаза, со стоном выбрался из нашей “постели”. Отогнув ткань, он высунул голову из майхана, и поспешил меня успокоить:

– Все в порядке. Мы поспали всего пару часов, можно бы-

ло еще немного полежать. Но раз уж встали, то давай собираться.

Наспех набросив на себя дээл, Хан ушел к воинам, чтобы предупредить их о скором отъезде, а я потянулась всем телом и с жалостью отбросила с себя теплую шаль.

Удивительно, но я чувствовала себя куда лучше. Похоже тело начинает привыкать к ежедневным путешествиям на лошади.

Но едва я успела порадоваться этому и попытаться встать, как ощутила, что затылок начинает неуклонно притягивать к земле как магнитом.

– О нет... – пробормотала я, осознав, что происходит.

Я больше не ощущала опоры. В теле появилось пугающее чувство падения, как будто я летела вниз со скалы, стремительно набирая скорость.

Попытка закричать провалилась – губы больше не слушались. А вскоре и глаза начали закатываться, полностью погружая меня в состояние выхода из тела.

“Но как это возможно, я же не проводила ритуал?!”

И это была моя последняя мысль перед тем, как очнуться в мире духов.

Первое, что я увидела, открыв глаза, это мрачное небо, с зависшими в нем черными воронами. Майхан же исчез, а я лежала на голой земле, совсем не понимая, что происходит.

Безусловно, меня выбросило в потусторонний мир. Его ни с чем не перепутаешь. Но как так получилось? Почему я

вдруг очутилась здесь?

Осторожно встав, я машинально нащупала на груди кузунгу и кулон из магмы. Благо что, мне не пришлось в голову снять их на время дороги. Сейчас хотя бы есть уверенность в том, что меня не сожрет здесь какая-нибудь тварь и я смогу вернуться в мир живых.

По крайней мере я очень сильно надеюсь на это...

Оглядевшись вокруг, я увидела вполне привычную обстановку, на которую как будто накинута ретро-фильтр.

– Эй, здесь кто-нибудь есть? – робко спросила я в пустоту, особо ни на что не надеясь.

– Агидель...

Я резко обернулась на голос. Передо мной стоял отец.

– Не может быть, – одними лишь губами вымолвил мужчина.

Он выглядел точно также как в моем видении о прошлом. Та же статная, высокая фигура, рыжие волосы до плеч и слишком острые скулы со впалыми щеками. И даже одежда не изменилась – свободная рубашка белого цвета, темные штаны из плотной замши и кожаные сапоги. Из необычного было лишь то, что по его волосам и телу то и дело пробегали огненные всполохи.

– Папа? – неуверенно произнесла я, растягивая буквы, как будто пробуя слово на вкус.

– Агидель! – радостно выдохнул он и тут же заключил меня в объятия.

От отца исходил сухой жар, обволакивающий все мое тело. Но он совсем не обжигал меня. Напротив, его объятия напоминали мне тепло камина в холодный осенний вечер.

Мужчина немного отстранился, чтобы тут же обхватить ладонями мое лицо, пристально вглядываясь в каждую черточку.

– Моя Агидель... Доченька, – со слезами на глазах шептал он, – Я и не надеялся, что еще хоть раз увижу тебя!

Пытаясь прийти в себя и хоть как-то осознать происходящее, я выпалила:

– Почему ты зовешь меня этим странным именем?

Отец удивленно приподнял брови.

– А разве Ивина назвала тебя по-другому?

Я пожалала плечами.

– Я не помню, если честно... Ты наверное знаешь, что со мной произошло, да?

Он кивнул.

– Я многое вспомнила из своего детства, но не все. В том числе и имя. А опекунша назвала меня Карой. Я как-то и не задумывалась, что при рождении мне дали другое имя.

Отец опечаленно покачал головой.

– Мы с твоей мамой вместе выбрали это имя. Агидель означает, рожденная в огне.

– Красиво... – промолвила я, и вдруг поняла, что по щекам текут слезы.

– Ну что ты, девочка, – отец снова прижал меня к себе, –

Не надо плакать. Лучше расскажи, кто из хозяев стихий позволил нам встретиться?

Я подняла голову и непонимающе взглянула на него.

– Никто. Меня просто затащило сюда.

– Погоди, как это затащило? Ты что, не бросала зов крови?

Я отрицательно помотала головой.

– Нет. Просто в один миг поняла, что куда-то падаю, и вот я уже здесь.

Отец озадаченно потер указательным пальцем ямочку на подбородке.

– Но так не бывает, – он вдруг оглянулся вокруг, – И кстати, что ты делаешь в Монголии?

Похоже отец упустил тот момент, когда меня утянуло во временную воронку уробороса.

Я тяжело вздохнула и предложила:

– Давай присядем, похоже нам предстоит долгий разговор.

Санхалан молча указал рукой на поваленный кедр.

Чем больше я рассказывала о своих приключениях, тем сильнее мрачнел отец. И когда я подробно описала свой выход из тела, он выдал:

– Прошлое отторгает тебя, потому твою душу и выбросило бесконтрольно в мир духов. И поэтому мы и смогли встретиться. Обряда не было, остальные хозяева не знают, что ты здесь. Равновесие нарушено, тебя не должно быть в прошлом. И это вполне закономерно, учитывая то, что ты не принадлежишь к этому времени.

– И что теперь? – тревожно спросила я, – Я не смогу вернуться в свое тело?

Отец задумался.

– Мне кажется, что сможешь. Но вероятнее всего с каждым днем тебя будет все чаще выбрасывать в мир духов, и на более длинные промежутки времени. Пока связь с телом не потеряется совсем. И вот тогда обратного пути уже не будет. Как только мы вернем тебя, ты должна будешь сразу же призвать уробороса, чтобы он вернул тебя в твое время.

Я нервно вскочила со ствола дерева и схватилась руками за голову.

– Я не могу уйти сейчас! Иначе все было зря...

– Агидель, это не шутки! Ты можешь навечно застрять в мире духов! – возразил Санхалан.

– А если я все брошу сейчас и вернусь в свое время, то вполне вероятно, что история повторится и Хан убьет тысячи! Тысячи безвинных людей! Я не могу этого допустить, он уже получил силу темного шамана, и возможно, что именно я смогу обернуть все так, чтобы не допустить жертв!

Опечаленно вздохнув, отец вдруг с пугающей серьезностью заглянул мне в глаза.

– Почему ты уверена, что сможешь остановить его в нужный момент? Однажды он уже тебя не послушал... Ты же понимаешь, что в таком случае у тебя останется лишь один выход?

Я ошарашенно отшатнулась от него.

– Нет... Нет!

– Да, Агидель. Возможно, что единственный вариант спасти тысячи жизней, это уничтожить самого убийцу. А ты сможешь убить того, кого любишь? Хорошенько подумай над этим, прежде чем взваливать на свои плечи такую ответственность.

– Я найду другой вариант! – отчаянно закричала я со слезами на глазах.

Санхалан лишь отвел взгляд, видимо понимая, что сейчас меня не переубедить.

И тут я снова ощутила знакомое чувство невесомости в теле.

– Кажется я возвращаюсь, – заплетающимся языком сказала я, чувствуя как тело плавно тянет к земле.

Отец подскочил на ноги, и на одном дыхании выпалил:

– Не позволяй чувствам взять верх над разумом! Помни к чему это привело нас с твоей мамой.

С моих губ сорвалось невнятное мычание и уже через секунду тело просто провалилось в землю, исчезая из мира духов.

– Кара, поднимайся. Мы должны отправляться в дорогу.

Я уже вернулась в реальный мир и прекрасно слышала все, что происходит вокруг. Только вот тело как будто превратилось в камень, и мне не хватало сил даже для того, чтобы просто поднять веки или хотя бы дышать.

И вскоре я поняла, что действительно начинаю задыхать-

ся.

Легкие горели огнем, до боли хотелось сделать хоть один вдох. Но я даже Хану не могла подать знака, что со мной что-то не так. Я просто тихо умирала...

И лишь когда перед веками появились цветные, расплывающиеся круги, оцепенение мгновенно исчезло и я пришла в себя, широко распахивая глаза и делая судорожный вдох.

Хан тут же бросился ко мне, отбросив в сторону мешок, в который он укладывал вещи.

– Что случилось?! Тебя плохо?

Я спешно закачала головой, прерывистым голосом выдав:

– Кошмар... Это был просто кошмар.

Мужчина выдохнул и крепко прижал меня к своей груди, ласково поглаживая по волосам.

– Ты просто устала, Кара.

Я не стала говорить ему о том, что произошло на самом деле. Хотя бы потому, что мне бы самой для начала неплохо было все обдумать. Ну, а потом... Потом все будет зависеть от моего решения.

Слова отца все еще набатом звучали в мозгу.

“Единственный вариант спасти тысячи жизней, это уничтожить самого убийцу... Ты сможешь убить того, кого любишь?.. Не позволяй чувствам взять верх над разумом.”

Я абсолютно без понятия, какой выбор сделаю в итоге. Но знаю одно – мне куда проще умереть самой, чем убить его...

ГЛАВА 26

Мы были в дороге уже пятые сутки, но так и не сумели нагнать беглецов. Виной тому вероятно была наша задержка у “мудрого великана”. Либо же Саян знал куда более короткий путь до Ергак, чем мы.

С каждым днем я чувствовала себя все хуже. И в этот раз уже вовсе не из-за непрекращающейся верховой езды...

Рамки между мирами для меня стирались.

Мою душу пока не выбрасывало из тела, но чувства дереализации и до дрожи пугающей невесомости становились все острее. Дошло до того, что я просто боялась засыпать, не на шутку переживая за то, что открою глаза уже в другом мире, и обратный путь будет для меня закрыт. Поэтому спокойный сон был для меня сейчас довольно редкой роскошью... Я закрывала глаза лишь тогда, когда начинала терять сознание от усталости и недосыпа.

Хана всерьез заботил мой странный недуг. Он видел, что со мной происходит что-то странное и с каждым днем мрачнел все больше, отмечая взглядом черные круги под глазами и резко обострившиеся кости на плечах и ключицах.

Я же отмалчивалась, изредка ссылаясь на то, что просто очень сильно переживаю. Несколько раз он буквально припирал меня к стенке, но я лишь еще больше замыкалась в

себе. Хан же никак не мог понять, что со мной происходит, и похоже, что перекладывал вину за мое состояние на себя.

Мне было искренне жаль его, но я не могла рассказать всю правду. Это поставит не только меня, но и самого Хана перед непростым выбором, к которому мы пока не готовы.

Поэтому приходилось проходить через весь этот кошмар в одиночку.

– Вот, поешь, – Хан протянул мне плошку с кашей, – Давай, хотя бы чуть-чуть.

Я с благодарным кивком приняла пищу, и покорно сунула в рот полную ложку, медленно пережевывая и стараясь не кривиться. Аппетита, как обычно, не было.

Этой ночью мы остановились уже на территории Ергак, у озера Тавро. Что удивительно, в моем времени это нельзя было даже назвать озером. Так маленькое болотце. Но, как оказалось, в семнадцатом веке Тавро – это вполне себе полноценный водоем, что конечно не могло не порадовать. Все же пять дней без полноценного купания, это для меня тяжело. Кратковременное омовение в небольших ручьях в счет не идет.

Именно поэтому, кое-как запихнув в себя несколько ложек каши, я отставила тарелку в сторону и попросила Хана отвезти меня на другой берег, чтобы спокойно помыться вдали от чужих глаз.

Захватив чистую одежду, мы вновь оседлали Мунха, и жеребец размеренным шагом двинулся вдоль озера, периоди-

чески останавливаясь у кромки воды, чтобы сделать несколько глотков.

– Как думаешь, нам еще долго ехать? – поинтересовалась я, с легкой улыбкой любуясь жарками, над яркими лепестками которых мирно жужжали пчелы.

– До другого берега? Так приехали же почти... – удивился он вопросу.

– Да нет, же. До жилища Саяна.

– Если верить словам Бата, то не более пары часов.

Натянув поводья, Хан тормознул Мунха и упругим прыжком соскочил на землю.

– Но почему мы тогда сделали привал здесь? – спросила я, позволяя мужчине вытащить себя из седла.

Подошвы моих сапог с тихим шелестом ступили на покрытый сочной зеленью луг. В голову вдруг пробралась безумная мысль сбросить обувь, и со счастливым смехом пробежаться по мягкой траве, ощущая прохладу росы на тонкой коже стоп.

Но к сожалению у меня не было сил даже для того, чтобы самостоятельно дойти до воды, ни разу не запнувшись. Ни говоря уже о беге. Поэтому пришлось принять руку Хана, и позволить довести себя до озера, каждую секунду ощущая на себе его сочувственный взгляд.

– Я решил, что нам всем стоит отдохнуть и прийти в себя перед тем как произойдет встреча, – пояснил Хан, помогая мне сбросить обувь и снять дээл.

Сделав первый шаг в холодную воду, я зябко поежилась, ощутив как по коже пробегает волна мурашек.

– А если их там нет и мы просто теряем время? – стуча зубами, спросила я.

– Они там. Я посылал гонца вперед нас. Недавно он вернулся и доложил, что и Солонго и богатырь сейчас в небольшой лачуге у подножья гор. Вроде с сестрой все в порядке.

Хан сбросил с себя всю одежду, и с разбега нырнул в озеро, потревожив зеркальную водную гладь взрывом брызг.

Вынырнув на поверхность, он стряхнул влагу с ресниц и в несколько мощных гребков подплыл ко мне, в нерешительности застывшей в воде по талию.

– Ты так простынешь, – заворчал он, – Или ныряй, или выходи.

Я надула губы и недовольно оправила поднявшееся пузырями нижнее платье. Деваться было некуда, пришлось сделать глубокий вдох и резко опуститься с головой в воду, проплыв на несколько метров вперед.

И вот тут меня накрыло...

Из горла вырвались последние пузырьки воздуха, и я поняла, что снова остолбенела. Ни движения, ни дыхания...

Короткий миг головокружительного падения, и вместо водной толщи вокруг меня уже привычный серый пейзаж. А я сама парю в нескольких сантиметрах над поверхностью озера в горизонтальном положении.

С опаской повернув голову, я провела рукой по воде, и

удивленно осознала, что мое движение не вызвало даже легкой ряби. Более того, моя рука осталась сухой, как и кончики волос, касающиеся странной воды.

Провисев так еще некоторое время, я вовремя вспомнила, чему меня когда-то учил Хан, и прикрыв веки представила, что стою на берегу водоема.

– Получилось, – облегченно выдохнула я, поняв, что под моими ногами снова земная твердь.

В мире духов озеро Тавро выглядело пугающе. Слишком темное и слишком спокойное. Как будто оно было мертвым. Хорошо, что мне не пришло в голову пытаться плыть. Кто знает, что может водиться в его мрачной глубине?

Ожидая снова увидеть отца, я оглянулась вокруг, и тихо позвала:

– Санхалан, ты здесь?

Голос дрогнул на его имени, и в голове промелькнула мысль, что это неправильно, обращаться к нему так. Но я пока не могла до конца осознать и принять, что у меня действительно есть отец.

К тому же хозяин огня.

Да еще и в мире духов.

Бррр... В общем с ласковыми прозвищами пожалуй пока подождем.

Прошло не так много времени, и в паре метров от меня засияла вспышка блекло-желтого пламени, являя моему взору счастливо улыбающегося отца.

Но едва он сделал пару шагов в мою сторону и взгляделся в осунувшееся лицо, как улыбка тут же испарилась с его губ.

Ускорив шаг, он приблизился ко мне и обеспокоенно осмотрел с ног до головы, с каждой секундой мрачней все больше.

– Я думал, что у нас есть куда больше времени... Но судя по всему следующий выход из тела станет для тебя последним, Агидель, – напряженно сказал он, – Ты приняла решение?

Я уныло опустила взгляд в пол.

– Ты решила остаться... – с грустью осознал отец.

– Я не могу позволить ему превратиться в то чудовище, с которым я уже когда-то сталкивалась. И если он сейчас потеряет меня или сестру, то боюсь, что это может случиться.

– А если ты не сможешь сдержать его? – с болью спросил он, – Если твоя жертва станет напрасной?

Я улыбнулась дрожащими губами, пытаюсь удержать слезы.

– Тогда мы с ним вместе покинем мир живых. Может хоть там для нас обоих найдется место? Может это и есть единственный выход...

Губы Санхалана дрогнули, и он схватил меня в охапку, с силой прижимая к своему телу, и не находя слов утешения.

– Как бы горько это не звучало, но я очень надеюсь, что это наша последняя встреча, и мы никогда больше не увидимся, Агидель.

Это были последние слова отца перед тем, как я исчезла из его объятий.

Когда контроль над телом наконец-то вернулся ко мне и веки послушно открылись, то я пришла в замешательство, оглядевшись вокруг.

Озера больше не было... Вода как будто испарилась, оставив после себя лишь что-то, отдаленно напоминающее небольшой прудик. Как раз таким размером, каким он был в моем времени.

С трудом поднявшись с чавкающей глины, я удивленно окинула взглядом осушенное дно, по которому прыгали пребывающие в шоке серебристые рыбешки, оставшиеся без привычной среды пребывания.

Что случилось? Я же не могла это сделать... Или могла?

Стоп, а где Хан?

Грудь стиснуло тревогой. Я попыталась отыскать его, лихорадочно водя глазами по высушенному пространству, но все было без толку. И вот тогда стало действительно страшно.

Зайдя в темно-серую глину по щиколотку, я стала суматошно метаться из стороны в сторону, ощущая как с каждой минутой паника начинает накрывать меня с головой.

– Хан... Хан!!! Да где же ты?!

В итоге я упала на колени и стала ползать по грязи, вслепую шаря руками по дну, глотая слезы и надеясь, что не найду под слоем глины его бездыханное тело.

– Помогите!!! Кто-нибудь!!! Сюда!!!

Я беспрестанно кричала, срывая голос, но помощи все не было. Войско было слишком далеко.

Когда я уже совсем отчаялась и рыдая в голос, обессиленно ударила ладонью по глине, то где-то совсем рядом раздался судорожный, хриплый вдох. Я резко замолкла и завертела головой, пытаюсь понять откуда исходил звук.

– Хан!

Позади меня грязная жижа в одном месте шла пузырями и рябью. Я не раздумывая бросилась туда, и тут же нащупала широкие плечи. Но мне никак не удавалась поднять его. Хан был слишком тяжелым...

И тогда я, не придумав ничего лучше, крепче ухватилась за кисти рук и потащила его в сторону берега, крича от боли и изнеможения. Пальцы все время соскальзывали с выпачканных в глине мужских запястий, а под ногами то и дело оказывались острые камни, режущие ступни.

Но я понимала, что ему сейчас еще хуже. И каждая секунда может стать последней. Это мысль заставляла делать меня шаг за шагом, медленно, но верно двигаясь к берегу.

Когда тело Хана показалось над поверхностью глиняной топи, и он сделал еще один слабый, булькающий вдох, я наконец отпустила его руки и села рядом, перекладывая голову к себе на колени.

– Хан! Хан, ты слышишь меня?!

Я несколько раз с силой надавила на грудную клетку и рас-

крыв его губы, вдохнула в легкие воздух.

– Не бросай меня! Черт! Тебя! Побери! – отчаянно кричала я, с каждым новым нажатием на грудь Хана.

И он надсадно закашлял.

Я тут же перевернула его на бок, и вместе с кашлем изо рта вытекла струйка воды вперемешку с глиной.

– Жив! Ты жив, – облегченно выдохнула я, уронив голову на его плечо.

Спустя некоторое время, когда дыхание Хана выровнялось, он с дрожью в голосе уронил:

– Я думал, ты утонула...

– Что? – бездумно переспросила я, помогая ему сесть.

Он с трудом разлепил ссохшиеся от глины ресницы, и посмотрел на меня так, как будто перед ним сейчас была не я, а мой призрак.

– Я думал, что ты утонула, – медленно повторил он, – Когда ты с головой погрузилась в воду, то обратно уже не всплыла. Я начал нырять, пытаюсь найти тебя, но все было без толку. Вода оказалась слишком темной. Тогда я решил, что потерял тебя.

– Что было дальше? – напряженно спросила я, в глубине души понимая, чем закончится его рассказ.

Хан оглянулся вокруг, и ответил:

– Я осушил озеро. Вода превратилась в пар и поднялась в небо.

Я машинально вскинула взгляд, и заметила, что прежде

ясное небо сейчас было полностью затянуто дождевыми тучами.

– Но как? – поразилась я.

– Когда я понял, что не могу спасти тебя, то грудь стало просто разрывать от злости и боли. И тогда я закричал. Озеро загорелось, и вода начала испаряться. Больше я ничего не помню...

В его глазах отразилось столько боли, когда он вновь посмотрел на меня, что я невольно вздрогнула.

– Я думал, что потерял тебя... – шепотом повторил он, и дрожащими руками прижал меня к своей груди.

ГЛАВА 27

Когда прискакали насмерть перепуганные воины, мы с Ханом уже сидели на берегу, устало привалившись друг к другу спинами. Изможденные, с ног до головы измазанные глиной, но главное, живые...

– М-да. Удачно же мы искупались, – печально хмыкнула я, осознав, что из чистого на мне сейчас только одежда.

Дээл пришлось натянуть прямо поверх засохшей грязи, а про кудри, превратившиеся в некое подобие немых дредов, я вообще молчу. Хану, обладавшему куда большей длиной волос нежели у меня, пришлось еще тяжелее.

– Господин, что произошло? – осторожно спросил один из воинов, приближаясь к нам.

– Позже, – отрезал Хан, поднимаясь с земли, – Найди Мунха, он видимо испугался и ускакал в лес, остальные пусть возвращаются в лагерь. И оставь мне свою лошадь.

Мужчина покорно передал ему поводья, и направился в сторону деревьев, громко выкрикивая кличку жеребца.

– Идем, – Хан подал мне руку, помогая встать.

Бурая тонконогая лошадка сперва попятилась, осознав, что ее пытается оседлать какой-то незнакомец. Но Хан плавным движением погладил ее шею и нос, и она немного успокоилась, позволив ему взобраться в седло.

– Мы разве не едем в лагерь? – спросила я, когда он направил лошадь в противоположную сторону.

– Не знаю, как ты, но у меня все тело зудит от этой глины. Я видел небольшую речушку неподалеку, надеюсь удасться нормально помыться.

Помыться удалось. И если честно, то вполне даже с удовольствием, несмотря на то, что глубина реки была едва ли мне по колено. Поначалу мы пытались просто плескать водой на кожу, но так удавалась лишь размазывать грязь. В итоге Хан оставил эту идею, и взяв меня за руку вывел на середину реки.

– Ложись на живот и держись руками за те камни, – приказал он.

Я удивленно подняла бровь.

– Что, прямо в воду?

– Не бойся, течение здесь небольшое. Если что, я тебя поймаю.

Так мы и поступили.

Вода приятно обтекала тело, смывая потоками глину. Благодаря жаркому дню и небольшой глубине, река была намного теплее чем озеро, поэтому вскоре мне даже удалось расслабиться и насладиться плавным покачиванием воды.

Вскоре мышцы окончательно ослабли, и пальцы начали соскальзывать с мокрых камней. Заметив это, Хан перевернулся на спину, и взяв меня в охапку, молча уложил к себе на грудь, упервшись затылком и плечами в большой булыж-

ник.

– Скажи, когда замерзнешь, – шепнул он, поглаживая кончиками пальцев мой живот и грудь.

Я сонно прикрыла веки и откинула голову на его плечо.

– Знаешь, я пожалуй так могу и уснуть, – устало хмыкнула я.

Хан поцеловал меня в висок.

– Лучше потерпи до лагеря.

Через некоторое время меня все же сморило, и ему пришлось насильно вытаскивать мое обмякшее тело из воды.

На обратном пути, когда мы уже чистые и сухие ехали в лагерь, над моим правым ухом все-таки прозвенел вопрос, на который у меня вообще не было желания отвечать.

– Не хочешь рассказать, что с тобой случилось в озере?

Я раздосадованно зажмурилась и сделала вид, что не услышала вопроса.

– Кара, ты обещала, что больше не станешь от меня ничего скрывать, – мягко, но настойчиво произнес Хан.

Шумно выдохнув, я наконец призналась:

– Прошлое отторгает меня... Я слишком долго нахожусь не в своем веке, и потому равновесие этой реальности нарушено. Мы попали в воронку Уробороса одновременно, но проблема в том, что тебя вернули в исходную точку, а меня просто подкинули. И мне в отличие от тебя, есть место лишь в одном времени. Ты же прожил все века, пройдя день за днем от семнадцатого века, до моих дней, и потому можешь

существовать и здесь, и там. Из-за этого расхождения мою душу выбрасывает из тела в мир духов, и связь с миром живых слабеет с каждым днем.

Сначала повисло тяжелое молчание... А потом Хан взорвался:

– Что?! И ты молчала! Сколько времени это уже происходит?

Я пожала плечами.

– Около трех дней.

– Но почему, Кара? Просто объясни, почему ты не рассказала мне?!

Он раздраженно пришпорил лошадь, и та, стрелой помчалась по фиалковому лугу, сшибая копытами нежные фиолетовые бутоны.

– Я не хотела, чтобы ты выбирал между мной и своей сестрой! – воскликнула я, крепче хватаясь за ручку седла.

– И поэтому ты решила просто погибнуть?! – гневно воскликнул Хан.

– У меня еще есть время. Мы повернем историю в нужное нам русло, и я вернусь в свой мир!

– А если ты не успеешь? Если ты умрешь, Кара? Думаешь тогда мне станет легче? Ну, конечно! Выбирать-то больше не придется!

Показался лагерь, и он, натянув вожжи, остановил лошадь, видимо не желая устраивать разборки на глазах у всего войска.

Хан спрыгнул с лошади, и неспешным шагом повел ее дальше за поводья.

– Я успею. – продолжала упрямо твердить я.

– Откуда такая уверенность?

– В мире духов я встретила отца. Он сказал, что у меня есть не меньше суток и не больше пяти дней. Примерно.

– Примерно, – фыркнул он, – Ну да, слово “примерно” же очень обнадеживает.

И тут я не выдержала:

– Я не вернусь, пока не буду уверена в том, что ты не станешь тем жестоким чудовищем, которое когда-то хотело убить меня и еще полмира ради власти и бессмертия!

Смысл сказанного дошел до меня уже после того, как я открыла рот.

Кара, ты идиотка...

– Я знаю, что в моем времени ты был буквально другим человеком, – чуть более мягко сказала я, – Но все равно не могу избавиться от мысли, что все повторится. И, что я потеряю тебя. Настоящего тебя... С душой и сердцем, способным на сочувствие и сострадание. На любовь.

Хан остановился.

– Хорошо, – тихо произнес он, – Ты останешься. Но мы сейчас же выдвигаемся в путь. Нужно выиграть как можно больше времени.

Я просто кивнула, в душе благодаря всех богов за то, что Хан услышал меня.

Вожжи снова натянулись и мы двинулись дальше.

– Странно. Что это Мунх так взбесился? – спросила я, вглядываясь вдаль.

Конь, привязанный к карликовой березе возле нашей стоянки, встав на дыбы, с силой бил копытами воздух, сотрясая пространство громким ржанием.

Хан прищурил глаза, и всмотрелся в поляну.

– Мне больше интересно, где постовые, – встревоженно отметил он.

И лишь когда мы вплотную приблизились к лагерю, стало понятно, почему Мунх сходит с ума.

Вокруг кострища лежали тела. Тела воинов стана, мертвыми глазами глядящие в темнеющее небо.

– Кто мог это сделать?.. – мой голос дрогнул, когда я увидела, что голова одного из мужчин лежит отдельно от тела, – Что здесь произошло...

Хан отошел от лошади, оставив меня одну, и с каменным лицом стал подходить к каждому телу, молча закрывая воинам глаза.

Он ненадолго задержался возле молодого парня, грудь которого была пронзена стрелой с ярким красным оперением. Резким движением выдернув стрелу, Хан поднял ее вверх, и повернулся ко мне.

– Менгуй. Я сам когда-то подарил ему эти стрелы, – единственное, что произнес он.

Я гулко сглотнула, чувствуя как язык немеет от страха.

– Но зачем он убил их?

Хан отбросил стрелу в сторону.

– Думаю, его целью был я. Но мы очень вовремя решили не возвращаться в лагерь. Вероятно, Менгуй решил добиться титула кровью, избавившись от меня без лишних свидетелей. А в улусе он бы сказал всем, что я погиб, пытаюсь вернуть сестру домой.

Тревожно оглядевшись по сторонам, я с опаской спросила:

– Но где он сейчас? Не нашел тебя, и решил вернуться в улус?

– Во-первых, он не один. Даже застав врасплох, Менгуй бы не справился в одиночку с воинами стана. С ним по меньшей мере еще десятка два изменников. А во-вторых, что-то мне подсказывает, что сейчас он уже на полпути к Солонго и Саяну.

Хан осторожно приблизился к Мунху, и начал успокаивать его, ритмично похлопывая по лоснящейся шкуре на шее.

Когда животное немного пришло в себя, он отвязал его, и подвел к кобыле, на которой мы приехали.

– Мы должны опередить Менгуя, – сказал он, пересаживая меня на Мунха и вскакивая следом.

Звонкий хлопок по лошадиному крупу и жеребец громко заржал, со скоростью ветра срываясь с места.

На Ергаки опускалась ночь. Мимо нас с бешеной частотой

мелькали деревья и скалы, отбрасывающие пугающие тени на землю. И лишь луна не меняла своего положения в затянутом тучами небе.

Лагерь давно остался позади, а я только сейчас поняла, чего мне не хватает в окружающем пейзаже.

Спящего саяна – его не было. Как я уверена, не было и радужного озера с висячим камнем.

Надеюсь, что больше никогда и не будет...

Когда вдали, у подножья высокой скалы, показалась небольшая деревянная лачуга, озаренная светом костра, мы были в пути уже не меньше двух часов. И что пугало – Менгуй и его приспешников мы так и не нагнали.

– Думаешь, с ними все в порядке? – нервно выкрикнула я, заглушая голосом ветер и цокот лошадиных копыт.

– Не знаю, но очень надеюсь, что Менгуй не посмеет причинить вред Солонго! – крикнул в ответ Хан.

Галопом залетев на небольшой луг возле дома, мы спрыгнули с коня, и не сговариваясь, затихли, прислушиваясь к окружающей обстановке.

– Тебе не кажется, что как-то уж слишком тихо? – едва слышно спросила я.

– Ты права... – согласился Хан.

Он прижал палец к губам, показывая чтобы я не шумела, и двинулся к дому. Дверь оказалась не заперта. Осторожно потянув за ручку, он открыл ее, выпуская на крыльцо полоску тусклого оранжевого света.

Скрывшись внутри лачуги, он пробыл в ней не больше минуты. Вернувшись же обратно, уже в полный голос сказал:

– Внутри никого нет. И свечи почти догорели, значит ушли они давно.

– Вопрос, куда ушли, и по своей ли воле, – отметила я.

И тут буквально в полуметре от меня, на землю упал камень размером с мой кулак, а вслед за ним посыпалась мелкая крошка.

Я испуганно отшатнулась, бросаясь к Хану, и мы оба вскинули головы вверх.

На самом пике скалы зависла человеческая фигура. Кажется мужчина.

– Это что, Менгуй? – воскликнула я.

– Не знаю... – ответил Хан, птясь спиной к лошади и не отрывая взгляда от края скалы, – Оставайся здесь! Один я быстрее доберусь до них!

– Что?! Как ты собираешься пустить Мунха на такой крутой уклон? Ты сломаешь ему ноги, а себе свернешь шею!

– Поеду в обход. Там пологий всход.

Я схватила его за руку, останавливая.

– Ты будешь добираться не меньше часа! За это время они там поубивают друг друга!

Хан нервно выдернул ладонь.

– А что ты предлагаешь?! Просто стоять и смотреть?!

Я снова бросила взгляд на скалу, и задумчиво протянула:

– Используй силу.

– И как ты себе это представляешь? – раздраженно фыркнул он.

– Ты же смог выпарить озеро! Призови воздух и подними нас наверх!

– Кара, я абсолютно ничего такого не умею. То, что случилось на озере, было случайностью.

– Да послушай же ты! – взорвалась я, – В тебе сейчас полностью развитый дар одного из сильнейших шаманов! Единственное, что требуется, это призвать стихию! Попробуй, ты же ничего не теряешь, в конце концов!

– Я теряю время! – отрезал он, хватаясь за поводья.

– А так можешь потерять сестру, – тихо сказала я.

Услышав это, он замер, так и не взобравшись в седло, а потом отшвырнул поводья, и повернулся ко мне.

– Черт с тобой! Говори, что нужно делать.

Я выдохнула.

– Так. Закрой глаза, и постарайся заглянуть внутрь себя. Вспомни как Ухэшгуй вливал дар в твое тело. То жжение в груди, найди его.

Хан послушно закрыл глаза и свел брови на переносице.

– Когда нащупаешь магию, то сосредоточься на том, что тебя окружает. Представь как воздух потоком стекается к тебе и поднимает вверх.

Он стиснул челюсти и сжал кулаки, пытаясь взять контроль над стихией. И сначала мне даже показалось, что воздух вокруг нас начинает двигаться, но вскоре Хан раздоса-

дованно выпалил:

– Не могу! Не получается!

– Вспомни о Солонго, – возможно было нечестно давить на него при помощи сестры, но других вариантов я просто не нашла, – Она там с Менгуем. Возможно совсем одна. Ты же не хочешь, чтобы он делал ей больно, да?

И это сработало.

Сильный поток ветра едва не сбил меня с ног, и я едва успела ухватиться за плечи Хана, прежде чем мини-торнадо оторвало его от земли.

– Получилось! – восторженно воскликнула я, сильнее прижимаясь к мужской груди.

Хан обхватил меня за талию, помогая удержаться. Стихия медленно, но верно поднимала нас вверх.

– Ты не сказала, как отпустить стихию! – крикнул Хан, когда скала осталась под нашими ногами, и вихрь, закручиваясь уносил нас все выше в небеса.

– Потому что я сама этого не знаю!

– Что?!

– Я не знаю как отпустить стихию! – повторила я, – Обычно мне приходится ждать, пока она сама исчезнет!

– А ты не могла упомянуть об этом раньше?! – разозлился он.

Я опустила голову вниз, и поняла, что мы уже на высоте примерно трех метров от пика скалы.

– Прыгай! – велела я, отцепляя его ладони со своей талии.

– Мы же разобьемся! – возразил Хан.

– Выбора нет!

Оттолкнувшись руками от его груди, я вылетела из вихря, и камнем начала падать вниз.

Удар об землю пришелся на правое плечо и бедро. Но на этом падение не прекратилось. После, меня проволокло еще несколько метров, и отшвырнуло в какие-то кусты.

Застонав от боли, я осторожно повернулась на спину, и трясущейся рукой коснулась ноющего бедра. На кончиках пальцев отпечаталась кровь. Завернув голову, я увидела, что штанина разорвана, и кожа на ноге стесана.

Действуя исключительно на адреналине, бушующем в крови, я из последних сил поднялась, и попыталась найти взглядом Хана, который должен был упасть где-то неподалеку.

Но вместо этого наткнулась на следующую картину.

На краю скалы стоял Менгуй, судорожно вцепившись руками в свое горло, а вокруг него полукругом лежало около двух десятков безжизненных тел вооруженных мужчин, среди которых я узнала Бата и нескольких привратников из улу-са.

Но страшнее всего было не это. Перед Менгуем стояла Солонго. С ног до головы в чужой крови.

ГЛАВА 28

Рука девушки была вытянута вперед, а пальцы скрючены.

И чем больше она сжимала ладонь, тем сильнее начинал хрипеть Менгуй, безуспешно пытаясь избавиться от невидимой хватки.

Но как такое возможно? В ней же не было магии?

– Солонго...

Я обернулась, и увидела, что справа от меня из-за большого камня вышел Хан. Он шокировано глядел на сестру, не в силах поверить своим глазам.

– Солонго, – снова окликнул он.

Девушка повернула голову, и мы увидели, что ее лицо залито слезами, а глаза горят ненавистью, искажая милостивые черты.

– Он убил Саяна, – сдавленным голосом сказала она, – Убил моего Саяна!!!

Девушка сорвалась на крик и снова повернулась к Менгую, поднимая сжатую руку вверх. Ноги мужчины оторвались от земли, и его подняло в воздух.

– Ненавижу тебя!!!!!! Будь ты проклят!

Она сделала выпад и разжала пальцы. Тело Менгуя трянуло как тряпичную куклу, и он рухнул вниз, хриплым криком наполняя пространство.

Хан тут же рванул к Солонго, и схватив ее в охапку, оттащил от обрыва. Я же подошла к краю, припадая на раненую ногу, и высунув голову, тут же зажмурила глаза.

Внизу, у подножья скалы лежало изувеченное мужское тело с неестественно вывернутыми конечностями.

– Он мертв, – сообщила я, почему-то не сразу сообразив, что это и так уже было всем очевидно.

Прижимая к себе сестру, и ласково поглаживая ее по волосам, Хан произнес:

– Солонго, что здесь произошло?

Из горла девушки вырвался сдавленный стон, и она снова впала в истерику, сквозь слезы рассказывая:

– Саян хотел показать мне горы... Мы... Мы поднялись на скалу, думали встретить здесь закат... Но появился он, – Солонго кивнула в сторону обрыва, – Он напал на нас! Один из его воинов схватил меня, и приказал Саяну выпить какую-то отраву, угрожая, что перережет мне горло. Саян выпил... И... И сразу упал! Замертво... А мне Менгуй приказал возвращаться в улус.

Ноги Солонго подкосились, и она стала медленно оседать. Хан помог ей сесть, и настойчиво спросил:

– Где он? Где Саян?

Она дрожащей рукой указала на тело, лежащее в стороне от других ничком.

Хан прижал голову девушки к своей груди, и утешая ее, кивнул мне, прося сменить его. Я кое-как доковыляла до

них, и присела рядом с Солонго, обнимая ее вместо Хана, который отправился к телу Саяна.

Он перевернул мужчину, и присел рядом с ним на корточки, хмуро всматриваясь в бледное лицо.

– Как мне теперь жить... – просипела Солонго, прижимаясь мокрой от слез щекой к моему дээлу – Это я во всем виновата... Я... Это все из-за меня...

– Он жив! – вдруг вскрикнул Хан, прерывая бессвязное бормотание сестры.

Мы с Солонго встrepенулись, и не поверив услышанному, в немом молчании уставились на Хана, прижимающего ладонь к шее Саяна.

– Вы что, не слышите?! Я говорю, жив он!

И девушка тут же сорвалась с места, спотыкаясь и падая на бегу. Она упала на колени рядом с Саяном, и замерла, глядя как он приоткрывает глаза.

– Жив!!! Он жив!!! – девушка облегченно разрыдалась, обнимая брата.

– Вероятно, Менгуй просто дал Саяну слишком крепкий отвар вербены, и он потерял сознание, – устало сказала я, плетясь в их сторону.

Солонго утерла слезы, и сжала руками ладонь Саяна. Мужчина попытался что-то сказать, но она остановила его:

– Тшшш... Не трать силы.

Он сомкнул губы и сонно прикрыл веки.

– Не думала, что ты станешь искать меня, – пробормота-

ла она, глядя на Хана, – Я была уверена, что узнав о предательстве, ты просто вычеркнешь меня раз и навсегда из своей жизни и запретишь возвращаться в улус.

– Всегда знал, что младшим детям достается меньше ума, – пошутил Хан, – Если бы было нужно, я бы за тобой и на край света поехал.

– Так ты, что, не против того, что мы с Саяном теперь вместе? – робко спросила она.

Хан взглянул на меня и с теплотой ответил:

– Если ты любишь его, то я не против.

Я не сдержала счастливой улыбки, глядя на то, как Солонго с благодарностью прижимается к нему.

– Объясни только одно, как ты все это сделала? – поинтересовалась я, окидывая взглядом безжизненные тела, – Я не знала, что у тебя есть магический дар.

Девушка тяжело вздохнула.

– У меня его и нет... Это из-за ребенка. Я беременна.

Она вся сжалась, ожидая нашей реакции на озвученную новость.

– Да знаем мы уже, – хмыкнул Хан, – Нужно было лучше скрывать улики.

Солонго стыдливо покраснела.

– Эта странная сила, она проявилась еще на самых ранних сроках беременности. Я чувствую ее внутри. Когда я решила, что Саян умер, то эта сила как будто вырвалась наружу, полностью подчиняясь моим приказам. Боль и страх были

настолько сильными, что я одним движением смогла уничтожить всех приспешников Менгуя.

Она глядела на мертвых воинов без сожаления.

Кажется теперь я поняла по чьей воле появился висячий камень... Похоже Солонго и в прошлой реальности была беременна.

Я оглянулась и уже без удивления поняла, что скала очень знакома мне.

А вот и камень...

Громадный булыжник лежал в метрах двадцати от обрыва. Именно около него и свалился Хан, когда мы выпрыгнули из вихря.

Удивительно, что я не узнала его сразу.

– Менгуй сказал, что займет место каана, а меня сделает своей женой, потому что союз с родной сестрой прошлого каана неплохой гарант власти, – девушка поежилась, – Но он заявил, что мой ребенок ему ни к чему, и что после родов он избавится от него.

– Ну все, тише. Все позади, – прошептал Хан, вновь увидев слезы на щеках сестры.

– Кажется мы справились, – сказала я, с сомнением глядя на него.

Хан кивнул.

– Теперь ты уверена, что я не стану монстром? – с грустью спросил он.

– Теперь, да.

– Тебе нужно возвращаться...

– А ты? – с надеждой спросила я, – Ты не пойдешь со мной?

– Менгуя больше нет, – пожимая плечами сказал он, – Вероятно великий хан отправит на мое место кого-то из своих приближенных. Так, что да. Я не оставлю тебя.

Хан украдкой бросил взгляд на сестру, прислушивающуюся к нашему разговору. Она с непониманием ловила каждое слово.

– Послушай, Солонго. Мне нужно будет уйти. Навсегда. И я очень надеюсь, что ты сможешь отпустить меня.

Она вздрогнула, и испуганно посмотрела на меня.

– Но куда вы уходите? Неужели это так далеко, что мы больше никогда не увидимся?

Девушка стала нервно перебирать пальцами пряди волос возлюбленного.

– Очень далеко, – подтвердила я, – Так далеко, что и всей жизни не хватит, чтобы дойти до этого места.

– Но как же тогда вы...

– Прошу Солонго, не спрашивай, – перебил ее Хан, – Мы все равно не сможем объяснить. Но у нас очень мало времени, Каре очень плохо здесь, и если она останется, то погибнет.

После этих слов во взгляде девушки появилась отчаянная решимость.

– Тогда уходите. Сейчас же! – она взяла нас за руки, и

серьезно промолвила, – И прошу. Будьте счастливы.

Я улыбнулась со слезами на глазах, а Хан кивнул и со всей силой сжал хрупкие плечики сестры, мягко целуя ее в лоб.

– Позаботься о Мунхе...

Потом он поднялся, и мы не оглядываясь подошли к краю скалы.

– Зови Уробороса.

– Ты уверен? – на всякий случай спросила я, – Тебя ждет совершенно иной мир и иные законы. Будет нелегко привыкнуть.

– Там меня ждет другой мир с тобой, – ответил он, прижимая ладонь к моей щеке, – Здесь же бесцельное существование и разбитая на осколки душа. Так что, да, я уверен. Зови.

Счастливо улыбнувшись, я прикрыла глаза, и обратилась к древнему змею. Теперь оставалось лишь надеяться на то, что он отзовется и согласится вернуть нас в двадцать первый век.

Однако что-то пошло не так... И поняла я это сразу же как открыла глаза.

Я снова оказалась в мире духов.

– Нет, – испуганно выпалила я, – Только не это... Нет, нет, нет...

– Обернись, дитя, – звонкий женский голос пронзил воздух.

Я обреченно зажмурила веки, отказываясь принимать самую мысль о том, что все кончено и я опоздала. Опоздала все-

го на миг.

– Ни к чему оттягивать неизбежное, – вторил другой голос – мужской, грохочущий и даже громоподобный.

Не пытаясь сдерживать слезы, я горько всхлипнула, и медленно обернулась.

Это было так странно... Смотреть на себя со стороны. На то, как Хан пытается привести меня в чувства, и как рядом плачет Солонго, пропитывая слезами рубаху Саяна.

Мое бездыханное тело лежало на краю скалы. Слишком тонкая фигура терялась в широком дээле, а обескровленное лицо со шрамами напротив слишком выделялось на фоне ярких рыжих прядей.

Я была похожа на фарфоровую куклу, которую создал художник со странным, извращенным вкусом.

– Это неправда... – жалобно обронила я, – Это просто сон.

– Нет, доченька. К сожалению, это не сон.

Я подняла взгляд и сморгнув набежавшие слезы, увидела, что за всей этой скорбной церемонией наблюдают хозяева стихий. В полном составе так сказать.

Санхалана и хозяйку земли я уже знала, а вот двое других сразу же приковали к себе мой взгляд.

Мужчина и женщина. Она соткана из воды, а он из воздуха.

Полупрозрачные фигуры едва позволяли разглядеть черты лица, но я все равно поняла, что хозяин воздуха был в образе старца, а хозяйка воды воплотилась в совсем юную де-

вушку с длинными волосами, струящимися прозрачной волной до самой земли. Тело водной красавицы было прикрыто морской пеной, а старец облачился в мантию из белоснежных облаков.

Но у меня не было возможности полюбоваться этим дивом. Все мысли были лишь о том, что я все-таки проиграла.

Проиграла чертовой судьбе.

– Тебе пора прощаться, – сказала мать земля, – Отпусти свое тело и позволь душе спокойно уйти в мир духов. Твое время вышло, мне очень жаль.

Я еще раз посмотрела на свое тело. Хан все еще пытался вернуть меня к жизни, но все было безуспешно. Я не могла слышать звуков из мира живых, но ясно видела как он отчаянно кричит, прижимая мое тело к своей груди.

И что меня очень сильно напугало, вокруг него начала клубиться тьма. Настолько густая, что казалось, ее можно было потрогать.

Боль потери ломала его душу, и мрак магии Ухэшгуя пытался пробиться сквозь эти прорехи.

– Я не могу уйти! – закричала я, – Вы видите, что с ним происходит?! Без меня эта тьма погубит его! И все будет напрасно! Он снова начнет убивать! Чертова магия темного шамана уничтожит его душу!

– Теперь уже ничего нельзя изменить, Агидель, – с тоской произнес отец, – Дальше Хану придется учиться жить без тебя и справляться со своей тьмой самостоятельно. Уйди и

позволь ему оплакать твою гибель. Мы здесь бессильны.

Я суматошно переводила взгляд от одного хозяина стихий к другому, ища хоть какой-то поддержки, но ее не было. Все, кроме отца с каменными лицами ожидали, когда я смирюсь со своей участью.

И тут, все вдруг замерло. Хан, Саян, Солонго, духи стихий. Все застыли словно статуи.

– Ну с-с-с-драв-с-с-с-твуй, доч-ш-ш-шь огня!

Я повернулась.

Над обрывом висел Уроборос, свернувшись в несколько колец.

– А я ш-ш-ш-дал тебя. Только ты ч-ш-ш-то-то не с-с-с-ли-ш-ш-ком торопила-с-с-сь возвра-щ-ш-ать-с-с-ся, – насмешливо прошипел змей.

– Я даже не знала, что могу умереть здесь! – едва сдерживая недовольство и раздражение, воскликнула я, – И вообще думала, что ты не знаешь, что меня утянуло в прошлое!

Раздался ехидный смех, и Уроборос ответил:

– Я з-с-с-с-наю в-с-с-се на с-с-с-вете, дитя! Даж-ш-ше боль-ш-ш-ше, я каж-ш-ш-ш-дый день с-с-с-ледил з-с-с-са тобой.

– Что? – удивилась я, – Но если ты знал, что меня утянуло в этот мир, и своим появлением я нарушаю временное равновесие, то почему сразу же не вернул обратно?

Змей сделал кувырок, и распрямившись, коснулся кончиком хвоста моих волос у щеки.

– Потому-ч-ш-ш-то ты долж-ш-ш-на была и-с-с-с-полнить с-с-с-вое предназнач-с-с-с-нач-ш-ш-ш-ение.

– Да какое еще предназначение?!

– Из-с-с-с-менить и-с-с-торию и с-с-с-па-с-с-с-ти ты-с-с-с-яч-ш-ши невинных ж-ш-ш-изней.

– Что?– снова ахнула я, – Подожди, о чем ты? Хочешь сказать, что специально отправил меня в прошлое?

– И не только. Ты никогда не з-с-с-с-адумывала-с-сь, поч-ш-ш-ему тем ж-ш-ш-арким день оказала-с-с-сь именно в том мессте, где магия дает с-с-с-бой? Мне нуж-ш-ш-но было, ч-ш-ш-ш-тобы Хан на-ш-ш-ш-ел тебя. Потому-ч-ш-ш-ш-то только ты могла его о-с-с-с-тановить.

Каждое его слово отдавалось болезненным ударом в голову. Теперь все кусочки пазла сошлись. Я наконец-то смогла увидеть всю картину.

– Но ты же говорил мне, что тебе нет дела до человеческих смертей. Что даже тысяча не играет никакой роли в масштабах вселенной.

– Я с-с-с-оврал, – лукаво склонив голову, признался он, – Но ты не подумай, мне при-ш-ш-ш-лоссь это с-с-с-делать. Иначе ты бы не нач-ш-ш-ш-ала дей-с-с-с-с-твовать, полагая-с-с-с-сь во в-с-с-с-ем на то, ч-ш-ш-то с-с-с-тарый з-с-с-мей с-с-с-ам в-с-с-се с-с-с-мож-ш-ш-ш-ет и-с-с-с-править. А это с-с-с-ов-с-с-ем не так.

– Раз ты так ценишь человеческие жизни, то зачем позволил отцу Хана отдать душу своего сына? Не допусти ты это-

го, не пришлось бы и ничего исправлять!

– Таков з-с-с-с-акон. Каждый один раз-с-с-с в ж-ш-ш-ш-и-з-с-с-ни мож-ш-ш-ш-ет ч-ш-ш-то-то попрос-с-с-ить у меня. А я не могу отказ-с-с-с-ать.

– И что теперь? – развела руками я, – Чего ты добился? Я умру, а Хан сойдет с ума от горя и снова превратится в жестокое чудовище. Твой план провалился!

– Вообщ-ш-ш-е-то я думал вернуть ва-с-с-с-с в твой век, е-с-с-с-ли ты не против.

Мне не послышалось?

– Но я же умерла! – я указала рукой на свое распростертое на краю скалы безжизненное тело.

– Е-щ-ш-ш-ш-е нет, – усмехнулся змей, – Ну так, ч-ш-ш-то, во-с-с-кре-ш-ш-ать тебя, или в-с-с-с-е ж-ш-ш-е не с-с-с-тоит?

ПРОЛОГ

– Как думаешь, мы точно сейчас в твоём веке? – спросил Хан, глядя со скалы на простирающуюся внизу территорию Ергак.

– Ну, я же жива, значит у Уробороса все получилось, – пожала я плечами, становясь с ним рядом, и вглядываясь в даль.

– Нет... Мы точно в двадцать первом веке, – Я указала пальцем в пустое пространство между горами.

Там, где раньше лежал спящий саян, сейчас возникла широкая долина, с огромной базой раскинувшейся на ней. Множество деревянных домиков весело сверкали разноцветными крышами на ярком солнце, а по узким тропинкам то и дело сновали люди, с высоты скалы больше похожие на муравьев.

– Идем. Не знаю как ты, а я жутко голодна. Да и раны бы неплохо промыть.

Мы начали спускаться со скалы, выискивая наиболее пологие участки. В особо сложных местах Хану приходилось поднимать меня на руки, потому что ушибленное бедро не позволяло перелезть через большие камни.

Спустя минут тридцать спуска, я услышала где-то неподалеку знакомую русскую речь, и даже удивилась, насколько

странно она сейчас звучит для моих ушей. Все же я почти полгода пусть и ломано, но регулярно говорила на монгольском языке. Не удивлюсь если у меня и акцент появился.

Вскоре из-за поворота показалась небольшая группа туристов с фотоаппаратами и большими рюкзаками.

Хан, заметив их, сразу напрягся, но я успокаивающе погладила его по руке, и выступила вперед, здороваясь с незнакомцами.

– Ого! – воскликнула одна девушка из компании, разглядывая нашу одежду, – Здесь, что, где-то рядом фестиваль проходит?

Я улыбнулась, незаметным движением прикрывая дээлом раненую ногу

– Пока просто подготовка. Фестиваль будет в следующем году.

Туристы одобрительно закивали, перебрасываясь фразами о том, что было бы классно попасть на него.

– А вы не знаете, что там за база в долине? – как бы невзначай поинтересовалась я.

– Так это же штаб природоохранного общества. Вы что, не знаете об этом месте?

Ребята всерьез удивились нашей неосведомленности.

– Оно существует уже давным-давно. Локальный штаб создали, чтобы охранять территорию Ергак и следить за популяцией флоры и фауны. А сейчас там еще и пристроили туристическую базу. По легенде, создатель общества был пра-

праправнуком какого-то богатыря, хранившего покой этих мест в древности. Хотя, по мне так, это выдуманная байка для привлечения народа.

– И как же называется этот штаб? – с замиранием сердца спросила я.

Двое парней переглянулись, и один из них хмыкнул:

– Название там конечно, язык сломаешь. Вроде даже на монгольском языке. Алтан цус – кажется. Только я не знаю, как оно переводится.

Я улыбнулась, покачивая головой, и шепнула едва слышно:

– Золотая кровь.

Конец